

Национальный бестселлер Британии

ВЫХОДА

НЕТ

Кара
Хантер

Annotation

Бритвенная острота сюжета и совершенно непредсказуемая концовка – вот что особо отличает творчество Кары Хантер. Живя и работая в Оксфорде, она обладает ученой степенью в области английской литературы. И знает, как писать романы. Неудивительно, что ее дебют в жанре психологического триллера сразу же стал национальным бестселлером Британии, вызвав восторженные отзывы знаменитых собратьев Кары по перу.

Это дело стало одним из самых ужасных в практике инспектора полиции Адама Фаули...

В разгар рождественских праздников пожарные буквально чудом извлекли из пылающих развалин дома тела двух детей. Младший мертв; его старший брат борется со смертью в реанимации. Как вышло, что они остались дома одни? Где их мать, и почему отец не отвечает на телефонные звонки?.. Но вот найдены новые улики – и худшие подозрения инспектора Фаули подтвердились. Пожар оказался не несчастным случаем. Это убийство. И страшнее всего то, что убийцей детей может быть их отец...

- [Кара Хантер](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
-

Кара Хантер

Выхода нет

Cara Hunter
NO WAY OUT

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Посвящается Саре
Потому что каждому нужна волшебная страна*

4 января 2018 года, 00.55

Запись с камеры-регистратора на шлеме-каске пожарного Флетчера, Оксфордширская пожарно-спасательная служба^[1].

Происшествие в Феликс-хаус 23, Саути-роуд, Оксфорд. Запись начинается с момента прибытия двух пожарных машин на пригородную улицу. Дома на улице большие. Темно. Сирены, проблесковые огни.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ШТАБА ВСЕМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ:

Происшествие может быть связано с пострадавшими людьми. В звонке на номер 999^[2] сообщалось, что в здании могут находиться четыре человека – двое взрослых и двое детей.

Руководитель тушения пожара:

– Принято. Развертываемся на месте. Первый этаж хорошо освещен.

Камера поворачивается вправо, в направлении дома, из верхних правых окон которого валит дым, а на нижних этажах видны языки пламени. На улице стоят полдюжины прохожих и соседей. Слышны крики и звуки сирен. Подъезжают полицейские машины. Пожарные снимают с машин лестницы, разворачивают рукава, надевают дыхательные аппараты.

Руководитель тушения пожара – боевым расчетам:

– *Никто из соседей семьи не видел. Нужно, чтобы двое в СИЗОД^[3] поднялись на второй этаж и осмотрели его.*

– Приказ получен. Расчет Альфа-один готовится войти в здание.

Теперь огонь ясно виден сквозь стеклянные панели входной двери. Расчет Альфа-1 с дыхательным оборудованием, ведомый пожарным Флетчером, идет по подъездной дороге к дому. С левой стороны раздвигают лестницу. Флетчер поднимается по ней с рукавом в руках. Приглушенные звуки голосов и радиопомех. Звуки тяжелого дыхания в дыхательном аппарате. Камера движется по подоконнику и переходит на комнату. Помещение полно плотным дымом. Фонарь на шлеме-каска движется справа налево, освещая полки на стене, комод, стул. Открытого пламени не видно, но ковер дымится. Камера возвращается к окну и захватывает пожарного Эванса, который взбирается по лестнице.

Офицер газодымозащиты^[4]:

– Расчет Альфа-один, есть следы пострадавших?

Флетчер, тяжело дыша:

– Ответ отрицательный.

Он движется по направлению к двери и выходит в коридор. Камера дергается из стороны в сторону, в луче фонаря появляются еще три двери и лестница, ведущая на верхний этаж.

Нижняя часть лестницы освещена вспышками пламени на первом этаже; на ступенях клубится дым, поднимающийся до самого потолка. Новые помехи в радиосвязи, звуки воды, льющейся из брандспойтов. Пожарные, находящиеся снаружи, пытаются сбить пламя. Флетчер переходит к соседней, наполовину открытой, двери. Сквозь дым видны одинокая постель и стены, завешанные постерами, посвященными футболу. Простыни отброшены, но жильца не видно. Пожарный обыскивает комнату, заглядывает под кровать.

Офицер газодымозащиты:

– Расчет Альфа-один, для вашей информации: соседи говорят, что в доме находятся мальчик десяти-одиннадцати лет и ребенок ясельного возраста.

Флетчер опять выходит в коридор и идет к следующей двери. Она открыта. Здесь дым еще гуще. Пламя хорошо видно – им охвачены ковер, занавески и детская кроватка. Флетчер бросается к ней. В ней он видит младенца; тот не шевелится. Пожарный быстро возвращается в первую комнату и передает младенца с рук на руки пожарному Эвансу, стоящему на

лестнице. В помещение врывается поток воздуха. Загораются части ковра.

Флетчер:

– Альфа-один – ОГДЗ. Найден один пострадавший. Эвакуирован по приставной лестнице. Ребенок. Реакции отсутствуют.

Офицер газодымозащиты:

– *Принято, Альфа-один. Парамедики*^[5] *уже на месте.*

Флетчер возвращается в коридор в сопровождении пожарного Уайтса. Подходит к лестнице. Пожарные Эванс и Джонс, также проникшие в здание в поисках пострадавших, подходят к ней с другой стороны.

– Нашли кого-нибудь?

Эванс делает отрицательный жест рукой. В руках у Джонса тепловизор. Он оборачивается и начинает лихорадочно указывать вниз по лестнице.

Джонс:

– Там внизу кто-то есть. У подножия лестницы.

Флетчер:

– Альфа-один – ОГДЗ. Пострадавший обнаружен у основания лестницы. Возможно, еще один ребенок. Спускаемся.

Альфа-1 спускается вниз. Пол в холле горит, пламя быстро распространяется во всех направлениях. Пожарные поднимают пострадавшего и возвращаются на второй этаж, где передают тело расчету Альфа-2, который несет его к наружной лестнице. Неожиданно раздаются звуки взрывов и ломающихся перекрытий – огонь прорывается на верхние этажи. Крики и сигналы тревоги в эфире. Теперь пламя видно на пороге спальни.

Уэйтс:

– Твою мать!.. Обратная тяга! Обратная тяга!^[6]

Руководитель тушения пожара:

– Всем покинуть помещение. Повторяю – всем покинуть помещение!

Флетчер (задыхаясь):

– Там могли остаться люди. Я возвращаюсь...

Руководитель тушения пожара:

– Запрещаю, повторяю – запрещаю. Серьезная опасность для жизни. Убирайтесь оттуда к такой-то матери! Повторяю – убирайтесь немедленно! Альфа-один, как поняли?

Звуки новых взрывов. Радио замолкает.

Я, черт побери, ненавижу Рождество. Наверное, когда-то, будучи еще ребенком, я его любил, но вот не помню этого. А как только стал достаточно взрослым, то предпочитал в это время уходить из дома. Мне некуда было идти, но даже хождение кругами по соседним улицам казалось мне лучшей долей, чем сидеть в гостиной и таращиться друг на друга или подвергать себя утонченной пытке очередным рождественским выпуском «Дуракам везет»^[7]. И чем старше я становился, тем больше ненавидел Рождество. Все эти распродажи праздничного барахла со скидками, которые начинались в октябре и продолжались бог знает сколько времени после Нового года... Люди говорили, что все изменится, когда у тебя появятся дети. Что Рождество с собственным ребенком – это волшебное время. И это действительно так и было. То есть пока у нас был Джейк^[8]. Помню, как он делал фантастические елочные украшения – оленей, снеговиков и белых медведей, – тщательно вырезая из бумаги их замысловатые силуэты. И у нас были и остролист^[9], и апельсины в вязаных чулках, и крохотные белые огоньки, развешанные по саду. Однажды на улице шел сильный снег, и Джейк сидел около окна своей спальни, полностью околдованный видом громадных снежинок, медленно кружащихся в воздухе – слишком невесомых, чтобы опуститься на землю. Так что – да, это было волшебное время. Но что происходит после того, как вы теряете ребенка, который делал это время волшебным, – что тогда? Об этом вам никто никогда не расскажет. Люди просто не знают, что делать с Рождеством, которое наступает ПОСЛЕ ЭТОГО. Или со следующим, и со следующим...

Но, конечно, всегда существует работа. По крайней мере, в моем случае.

Хотя для офицера полиции Рождество – дерьмовое время. Время, когда случаются практически все преступления, которые могут прийти в голову. Кражи, домашнее насилие, беспорядки в общественных местах... И при этом ничего выдающегося, а вот бумажная волокита остается все той же. Люди слишком много пьют, не знают, что делать со свободным временем, и через двадцать четыре часа близкого общения с теми, кого они, по их мнению, любят, вдруг выясняется, что все как раз наоборот. Кроме того, в это время все хотят получить краткосрочный отпуск, поэтому у нас вечно не хватает людей. Это я таким сложным способом пытаюсь объяснить причину, по которой стою в жутко холодной кухне в 5.35 утра уже на излете этих дурацких праздников, таращусь в темноту и слушаю новости по «Радио 4», дожидаясь, пока закипит чайник. Раковина полна грязных

тарелок, потому что мне недосуг освободить посудомоечную машину, мусорные баки переполнены, потому что я не успел поменять их в день сбора мусора, так что остатки еды разбросаны вдоль дорожки – не исключено, что это сделала соседняя кошка, но скорее лисица, которую я пару раз с утра пораньше замечал в нашем саду. А если вам интересно, что я делаю на кухне в это безотрадное время, – что ж, сейчас вы все узнаете.

По радио начинают передавать «Молитву дня^[10]», и я его выключаю. В Бога я не верю. И, уж конечно, не в такое раннее утро. Беру мобильный и, поколебавшись несколько мгновений, набираю номер. Да, я знаю, что время дурацкое, но не думаю, что разбужу ее. Она отключает на ночь телефон. Как и все нормальные люди.

Слышу ожидаемые четыре гудка, щелчок и не совсем человеческий женский голос, который сообщает мне, что абонент, которому я звоню, находится вне зоны доступа. Потом раздается сигнал.

– Алекс, это я. Ничего не случилось. Просто хотел убедиться, что с тобой всё в порядке. А ты знаешь, это помогает. Я имею в виду, когда у тебя появляется время на размышления. Как ты и говорила.

Почему, когда мы говорим с автоответчиками, даже те, кого считают умными людьми, начинают блеять, как овцы? На рабочей поверхности стола видно липкое коричневое пятно, которого вчера еще, по-моему, не было. Я начинаю отскрести его ногтем большого пальца.

– Передавай привет сестре. – И после паузы: – Ну, вроде всё. Послушай, позвони мне, ладно? – Я прислушиваюсь к тишине. Знаю, что это невозможно, но надеюсь, что она тоже меня слушает. И что вот-вот снимет трубку. – Я по тебе соскучился.

«Я тебя люблю».

Я должен был сказать именно это, но не сказал. Стараюсь не вспоминать, сколько прошло времени с нашего последнего разговора? Неделя? Больше. Кажется, мы говорили сразу после Дня подарков^[11]. Я все надеялся, что в новом году все изменится. Что мы сможем оставить всё позади – как будто обязательная смена в нумерации дней может хоть как-то повлиять на то, как она себя ощущает. Как я себя ощущаю.

Чайник наконец закипает, и я начинаю шарить в шкафу в поисках кофе. Осталась только банка дешевого растворимого, который Алекс держит для рабочих и водопроводчиков. А весь этот выпендренный, в зернах, уже давно закончился. Хотя, с другой стороны, дешевый растворимый – это по-своему круто.

Не успеваю я налить воду в кружку, как звонит телефон.

– Алекс?

– Нет, босс. Это я, Гислингхэм.

Чувствую, что краснею. Неужели он услышал в моем голосе то отчаяние, которое услышал я сам?

– В чем дело, Гис?

– Простите, что так рано, босс. Я на Саути-роуд. Ночью здесь был пожар. Они всё еще пытаются взять пламя под контроль.

– Пострадавшие?

Ответ я знаю еще до того, как задаю вопрос. Иначе Гис не звонил бы мне в 5.45 утра.

Слышу, как он втягивает воздух.

– Пока всего один, босс. Маленький малыш. Есть еще мальчик постарше, но они смогли вовремя добраться до него. Он жив – правда, еле-еле. Его отвезли в Джон Рэд.

– А родителей не нашли?

– Пока нет.

– Твою мать!..

– Знаю. Мы пытаемся скрыть это от прессы, но тут лишь вопрос времени... Жаль вытаскивать вас из постели и все такое, но, мне кажется, вам следует приехать.

– Я все равно не спал. Сейчас подъеду.

* * *

На Саути-роуд Гислингхэм убирает телефон в карман. Он не был уверен до последнего, звонить или не звонить. Фаули в последние дни совсем не в форме, хотя Гис никогда не произнесет этого вслух, и даже сама мысль об этом заставляет его почувствовать себя виноватым. И дело не во вспыльчивости шефа, хотя и в этом тоже. Он какой-то отстраненный. Озабоченный. Не пришел на рождественскую вечеринку... но это не обязательно о чем-то говорит. А с другой стороны, по участку циркулируют упорные слухи о том, что от него ушла жена, и, судя по тому, как отглажены его сорочки, это вполне возможно. У самого Гислингхэма сорочки тоже отглажены не ахти, но это все потому, что он гладит их сам. И так и не научился справляться с воротничками...

Гислингхэм поворачивается и возвращается по грязной подъездной дороге к дому. Пламя уже сбито, но пожарные в СИЗОД продолжают направлять струи воды в окна, отчего в темное небо вырываются

громадные клубы дыма. Воздух полон сажи и запаха горящего пластика.

К нему, хрустя сапогами по гальке, подходит руководитель тушения пожара.

– Не для протокола – это почти точно поджог. Но понадобится какое-то время, прежде чем следственная группа сможет войти внутрь. Похоже, что полыхнуло в гостиной, но потолок там весь обвалился, так что на меня прошу не ссылаться.

– То есть там могут быть еще трупы?

– Возможно. Но в том месте рухнули три этажа обломков. Одному богу известно, сколько времени потребуется, чтобы разобрать их. – Пожарный снимает шлем и вытирает лоб тыльной стороной руки. – О мальчишке ничего не слышать?

– Пока ничего. Один из моих коллег поехал с ним на «Скорой». Скажу, если будут новости.

Пожарный морщится. Слишком давно он тушит пожары и все понимает. Делает глоток воды.

– А Куинн что, празднует?

– Это мое дело. – Гислингхэм качает головой. – Я исполняю обязанности детектива-сержанта.

– Я уже слышал, что Куинн влип в какое-то дерьмо. – Пожарный приподнимает одну бровь. – Хотя не предполагал, что все так серьезно...

– А вот это не мое дело. – Гислингхэм пожимает плечами.

Несколько мгновений пожарный смотрит на него поблескивающими ярко-синими глазами.

– Надо время, чтобы привыкнуть к этому, правда? – говорит он наконец. – Я про «быть за старшего». – Отбрасывает бутылку в сторону и идет к пожарной машине, похлопав на ходу Гислингхэма по руке. – Не тушуйся, приятель. В жизни надо уметь использовать свой шанс. За тебя это никто не сделает.

В общих чертах это то же самое, что сказала Гислингхэму его жена. Это – и то, что Гарет Куинн сам влип в эту историю, а им лишние деньги не помешают, особенно теперь, когда Билли так быстро растет, и вообще, разве они должны что-то Куинну? Гису хватило ума отнестись к этому вопросу как к чисто риторическому.

Детектив осматривается кругом и направляется в сторону постового, стоящего за полицейской лентой. На улице собрались зеваки, но, принимая во внимание раннее время и холод, их не так много. Хотя Гислингхэм замечает среди них журналиста из «Оксфорд мейл», который вот уже десять минут тщетно пытается привлечь к себе его внимание.

– Вы уже начали подомовой обход? – обращается Гислингхэм к констеблю.

– Только что, сержант. Пока смогли найти троих. Немного, но...

– Да, я знаю. Все разъехались на праздники.

Подъезжает машина, и из нее кто-то вылезает. Вылезает резко, с важным видом, демонстрируя свое удостоверение. И не только удостоверение – Гислингхэм глубоко вздыхает, – машину тоже.

* * *

Сайт газеты «Оксфорд мейл»

Четверг, 4 января 2018 г. Последнее обновление в 08:18

Несчастный случай с летальным исходом при пожаре в доме в Оксфорде

Мальчик трех лет погиб в пламени, охватившем ранним утром дом на семь спален в эдвардианском стиле на Саути-роуд. Причина пожара до сих пор не выяснена, но оксфордширская пожарно-спасательная служба работает в тесном контакте с группой полицейских экспертов, для того чтобы ее обнаружить. Вторая жертва, в которой соседи опознали старшего брата малыша, была доставлена в больницу Джона Рэдклиффа. Сообщается, что он пострадал от вдыхания продуктов горения.

Вызов в экстренные службы поступил в 0:40 утра, после того как сосед увидел языки пламени в окне первого этажа. Патрик Мортон, управляющий пожарным участком на Рили-роуд, сообщил, что к моменту прибытия пожарных пламя успело распространиться по всему дому и им потребовалось больше четырех часов, чтобы взять его под контроль. По его словам, сейчас еще слишком рано говорить о том, что свою лепту в пожар внесли легко воспламеняющиеся рождественские украшения. Однако он добавил, что: «Сейчас как раз удобный случай напомнить всем о необходимости соблюдать меры предосторожности при использовании свечей и украшений, сделанных из таких легко воспламеняющихся материалов, как мишура, и хотя бы раз в неделю проверять систему оповещения о возгорании». Управление полиции долины Темзы¹ отказалось отвечать на вопрос, находились ли дети одни в доме.

15-летний подросток арестован после резни в Блэкберд-Лэйс

Полиция допрашивает тинейджера после того, как шестнадцатилетний Дэмиен Перри получил смертельное ножевое ранение в канун Нового года.../читать дальше

Транспортный коллапс ожидается из-за сильных снегопадов на следующей неделе

Бюро погоды объявило желтый уровень погодной опасности из-за ледяных ветров, которые придут к нам на следующей неделе из Сибири... /читать дальше

Городской совет объявляет о новых мерах по борьбе с загрязнением воздуха в Оксфорде.

Городской совет Оксфорда собирается ввести новаторскую схему уменьшения выбросов дизельных двигателей в жилых районах.../читать дальше

«Оксфорд юнайтед» обыграли «МК Донз» со счетом 3:1

Томас, ван Кассель и Обика отметились голами в домашней игре... /читать дальше

65 комментариев

Janeelliottcornwallis

Я что-то пропустила, или никого из родителей не было дома? Они что, оставили детей одних – в таком-то возрасте? У меня слов нет, если это так.

111chris_the_bliss

Возможно, пьют где-то. Есть такие типы – на уме только выпивка, танцы и я сам, любимый...

ernest_payne_gardener22

Я проходил мимо дома с час назад. Одна сторона полностью обрушилась. Там вполне могут быть еще трупы. Вы что, не можете подождать, пока полиция закончит свою работу?

Josephyosef88188

Хотелось бы, чтобы побольше людей обратило внимание на

опасность рождественских украшений. Я 30 лет проработал пожарным и повидал действительно кошмарные вещи.

* * *

Только включив левый поворотник на Банбери-роуд, я вспомнил, где точно находится Саути-роуд. В трех поворотах на север от Фрэмpton-роуд. А Фрэмpton-роуд – это Уильям Харпер и та, кого мы обнаружили запертой в его подвале^[12]. В газетах его называли Оксфордским Фритцлем^[13] – по крайней мере, в самом начале. Произошло все это восемь месяцев назад, но в суде я был еще в декабре, а его дело все еще лежит у меня на столе, ожидая, когда я спишу его в архив. Мы все будем его долго помнить. И в первую очередь Гарет Куинн. Который тогда был детективом-сержантом, а сейчас стал детективом-констеблем. Кстати, это его новую черную «Ауди» я вижу, как только въезжаю на улицу и выключаю двигатель. Хотя он всегда был щеголеватым мерзавцем во всем, что касается транспорта на колесах. Я, например, ни за что не смогу сказать вам, на какой машине ездит Гислингхэм, хоть и видел ее тысячу раз.

Что же касается места происшествия, то пламя уже полностью под контролем, хотя вокруг все еще царит полный хаос. Две пожарные машины и три полицейские. Вечные любопытствующие, всюду сующие свой нос. Люди, снимающие все на свои смартфоны. Слава богу, что труповозка припаркована достаточно далеко.

Куинн и Гислингхэм стоят возле дома и поворачиваются ко мне, когда я подхожу. Куинн притоптывает ногами, чтобы согреться, но если не обращать на это внимания, то все в его движениях говорит о том, что жизнь пошла наперекосяк. И это еще мягко сказано. Ведь в сержантах он чувствовал себя как рыба в воде – минимум сомнений, максимум шумихи, – а вот возвращение в констебли дается ему очень непросто. Ну что ж, как говорится, в этой жизни неважно, как ты взлетаешь, – важно, как ты падаешь. Естественно, Куинн пытается делать хорошую мину при плохой игре, но это единственное, что остается для него в такой ситуации. Я вижу, что ему так и хочется влезть в это дело, но Гислингхэм заслужил свой шанс доказать, на что он способен. И я поворачиваюсь к нему – может быть, излишне нарочито:

– Что нового, сержант?

Гислингхэм немного напрягается и достает свою записную книжку, хотя я не могу поверить в то, что она ему нужна. Руки у него чуть заметно

дрожат. Мне кажется, что Куинн тоже заметил это.

– Дом принадлежит семье Эсмонд, сэр. Майкл Эсмонд, сорок лет, ученый. Жену зовут Саманта, ей тридцать три, и у них двое детей. Мэтти – десять, Захарии – три.

– И как он – я о старшем мальчике?

– На волосок от смерти. Очень плох.

– А родители так и не появились?

– Хозяйская спальня вон там. – Гислингхэм морщится, указывая на левое крыло дома. – Она не сильно пострадала, но в ней никого не видно. Пожарные говорят, что в кровати никто не спал. Я «погуглил» эту семью и вот что получил...

Он передает мне свой телефон. На экране – страничка с сайта Королевского колледжа Лондона с сообщением о конференции по социальной антропологии, которая проходит в нем именно сейчас. Майкл Эсмонд указан как один из спикеров с докладом: «Смерть от огня и воды: ритуалы жертвоприношений, практикуемые культом вуду в Латинской Америке». Кто-то ведь сказал как-то: «Случай – это псевдоним Бога, когда Он не хочет подписываться своим собственным именем»^[14]. Что ж, если это так, то должен сказать, что вкус Ему иногда сильно изменяет...

Возвращаю Гислингхэму его телефон.

– Позвони им и убедись, что он там действительно появился. В худшем случае это означает, что у нас будет на один труп меньше.

– То есть применим тактику страуса, да? – подает голос Куинн.

Я бросаю на него взгляд, от которого ухмылка исчезает с его физиономии, и опять поворачиваюсь к Гислингхэму.

– И что ты собираешься делать?

– Разыщу Майкла и Саманту Эсмонд и выясню, где они находились в момент пожара, – отвечает сержант, моргнув несколько раз. – Продолжу начатый подомовой обход, на случай если соседи что-то заметили. Переговорю с Бодди по поводу вскрытия. Разыщу и проинформирую родственников. Свяжусь с экспертами из пожарной охраны. – Он указывает на подъездную дорогу. – И, естественно, постараюсь найти машину.

– Какую машину? – Куинн поворачивается к нему.

– На гальке множество следов от протектора. – Гислингхэм удивленно поднимает брови. – Это же ясно, как божий день. У Эсмондов точно была машина. И где она? Ни один человек в здравом уме не поедет сейчас в Лондон своим ходом; значит, как мне кажется, найдя машину, мы найдем жену.

Можно не сомневаться, кто только что заработал дополнительные

очки.

– Отлично, сержант. – Я киваю. – Держите меня в курсе.

И поворачиваюсь к Куинну, который подошел на ярд ближе к дому, посчитав, видимо, что если не можешь победить, то лучше отойти в сторону.

Дом вовсе не в моем вкусе, хотя для тех, кому такие нравятся, он мог бы стать желанным приобретением. Раньше. Сейчас же по его фасаду текут потоки грязной воды, а в окнах первого этажа отсутствуют все стекла. Дом с двумя входами отодвинут вглубь участка; от его правой части мало что осталось. Фронтон все еще держится – правда, на честном слове, – а за ним нет ничего, кроме потемневших стен, груд кирпича, обломков дерева и осколков стекла. Стены оставшейся части здания, которое до пожара было, скорее всего, белым, покрыты штукатуркой с каменной крошкой и избыточно декорированы деревянными украшениями в стиле Тюдоров. Сейчас все это обуглилось и покрыто слоем сажи. Над одним из окон можно с трудом рассмотреть цифры «1909». А на одном из оставшихся в раме осколков стекла приклеен стикер футбольного клуба «Арсенал».

– И какие мысли? – задаю я вопрос Куинну.

– Да обычные, босс. – Он слегка вздрагивает от неожиданности. – Как эти ученые могут позволить себе такие большие дома в этом районе? Как думаете: на сколько он потянет? Миллионов пять?

По мне – так больше. В этом районе дома делятся на большие, маленькие, большие маленькие и маленькие большие. Об этом можно сказать, что он большой. *Большой большой.*

– Это могут быть деньги семьи, – говорю я, – хотя проверить стоит.

– Почему бы тебе не заняться этим, Куинн? – говорит Гислингхэм.

– О'кей. – Тот пожимает плечами.

Уже уходя, я слышу, как Гислингхэм негромко произносит: «Вот и хорошо, сержант».

* * *

В 7:05 утра детектив-констебль Эрика Сомер стоит перед открытым шкафом и пытается выбрать, что ей надеть. В криминальном отделе она работает всего три месяца, и выбор правильной одежды становится для нее с каждым днем все более мучительным. Она никогда не любила форму, но в ней есть определенные преимущества. Одно из самых очевидных – единообразие. Но сейчас Эрика выбирает «обычную одежду», и здесь

главное, чтобы эта одежда не оказалась действительно обычной. В сотый раз, глядя на вешалки, Эрика задается вопросом, как можно быть одетой строго и в то же время не старомодно? Профессионально, но доступно? Это какой-то кошмар... Она тяжело вздыхает. И в этом, как и во многом другом, мужчинам повезло. Костюм из «Маркс и Спенсер»^[15] и три галстука на выбор – Бакстер живое тому свидетельство. Верити Эверетт нашла свой собственный стиль – белый верх и черный низ, – которому редко изменяет. Темно-синяя юбка в первый день, черная во второй, серая в третий и опять темно-синяя. Обувь без каблуков и кардиган зимой. Но в таком случае легче надевать форму и не морочиться. А прическа? «Конский хвост» – не слишком фривольно? А пучок не слишком напоминает школу, мэм?

Эрика только что достала из шкафа черный брючный костюм (третий раз за последние пять дней – если не поостеречься, то он превратится в униформу), когда зазвонил ее мобильный. Гислингхэм. Он хороший. Не такой наглый, как Куинн, и не такой умный, как Фаули, но умеющий добиваться своего. Методичный. Старательный. И порядочный. Прежде всего порядочный. Ей действительно хочется, чтобы Гислингхэм первым стал сержантом – он это заслужил.

– Чем я могу помочь, сержант?

– Я на Саути-роуд. – Должно быть, на улице сильный ветер, голос едва слышно сквозь его порывы. – Здесь был пожар. Один погибший и один мальчик в палате интенсивной терапии в больнице Джона Рэда.

– Поджог? – Эрика садится на кровать.

– Точно неизвестно, но очень похоже.

– Я могу чем-то помочь?

– С этим Рождеством у нас действительно не хватает людей. Бакстер занят подомовым обходом, но, помимо него, у нас всего трое патрульных.

Сомер знает, что такое подомовой обход и какая это гадость. Особенно в такую погоду. Она лишь молча молит Бога, чтобы Гислингхэм не попросил ее заняться именно этим. И, наверное, он что-то уловил в ее молчании, потому что быстро добавляет:

– Но я звоню не поэтому. Сейчас я застрял на месте происшествия, а Эверетт появится только во второй половине дня. Ты не возьмешь на себя вскрытие?

«А почему не Куинн?» – задает себе вопрос Эрика. Но ничего не говорит. У нее свои дела с Куинном – опрометчивая, но, к счастью, короткая связь, о которой, как она подозревает, знают слишком многие. И Фаули – уж точно.

– Конечно. Нет проблем.

– А ты раньше сталкивалась с обгоревшими?
– Да нет, не приходилось, – отвечает Сомер, немного поколебавшись. Если по-честному, то она была всего на одном вскрытии. Противная, но достаточно нудная процедура.
– Всегда что-то происходит впервые, – говорит Гислингхэм. – Все будет в порядке. – Он делает паузу, потом заканчивает: – Захвати с собой мятные таблетки.

* * *

*Запись беседы с Беверли Дрейпер по адресу:
Саути-роуд, 21, Оксфорд, 08:45
Беседу провел детектив-констебль А. Бакстер.*

А.Б.: Как я понимаю, это вы позвонили в «три девятки», миссис Дрейпер?

Б.Д.: Да, я. Меня разбудил сын – у него был ночной кошмар. Окна его спальни смотрят как раз в ту сторону. Я услышала шум – вроде как звон бьющегося стекла. Подумала, вдруг это грабитель, и отдернула штору. И сразу же увидела пламя. Помню, еще подумала, что горит, должно быть, уже давно, так огонь разбушевался. Но там очень много деревьев – дом совсем не виден с дороги. Так что пожар никто не заметил.

А.Б.: И в ноль ноль сорок семь вы позвонили в экстренные службы?

Б.Д.: Именно так.

А.Б.: Вы никого не заметили возле дома? Может быть, кто-то убегал?

Б.Д.: Нет. Как уже сказала, я спала, пока меня не разбудил Дилан. А вы не знаете, как они? Я имею в виду семью.

А.Б.: В настоящий момент я не имею права разглашать какую бы то ни было информацию.

Б.Д.: Я видела, как Мэтти увезла «Скорая», но в Интернете пишут, что Майкл и Саманта исчезли. Этого же не может быть? То есть я хочу сказать...

А.Б.: Как я уже сказал, в свое время будет сделано официальное сообщение. Расскажите, что вы знаете об этой семье. В Рождество и Новый год они были здесь, не так ли? Не уехали к родственникам? Не катались на лыжах?

Б.Д.: Мне кажется, они не катаются на лыжах. Да, они все время были дома. В школе накануне сочельника устраивали рождественские

песнопения, и все мы там были.

А.Б.: И что, к ним никто не приезжал? Вы не знаете, кто еще мог быть в доме вчера вечером?

Б.Д.: Ну, я не уверена...

А.Б.: Нам необходима ясность, кто еще мог там быть. Члены семьи? Друзья? Подумайте.

Б.Д. (после паузы): Честно говоря, насколько я понимаю, они были людьми не слишком компанейскими. Когда мы сюда переехали, то пригласили их, как это обычно делается, а Саманта тогда сказала, что предложит мне на выбор несколько дней, когда они свободны, но дальше этого дело так и не пошло. Летом прошлого года у нас была вечеринка в саду, и они пришли, но мне кажется, что это была только дань вежливости. Они тогда быстро ушли.

А.Б.: А как насчет их родственников?

Б.Д.: Отец Майкла умер – это я знаю точно. Мне кажется, что его мать в одном из домов для престарелых. По-моему, где-то недалеко от Вантеджа. Никогда не слышала, чтобы Саманта упоминала о своей семье.

А.Б.: Как мы понимаем, в семье была машина, но возле дома ее не оказалось.

Б.Д.: Машина у них точно была. «Вольво» – универсал. Довольно старая. Белая. Не знаю, почему ее нет на подъездной дороге, – обычно она стоит именно там.

А.Б.: А вы не знаете, куда могла бы поехать Саманта?

Б.Д.: Так, значит, она действительно пропала...

А.Б.: Я уже говорил вам, что мы официально не комментируем...

Б.Д.: *Не волнуйтесь. Я все поняла. Но – нет, ни малейшего представления.*

А.Б.: И вы не можете назвать никого, с кем нам надо было бы связаться?

Б.Д.: Простите, но у нас были не те отношения.

* * *

В морге даже холоднее, чем на улице. Под халатом на Сомер надето два свитера – дополнительная посоветовала Эверетт («Когда у тебя застучат от холода зубы – а так и будет, – ты уже не остановишься»). Тело лежит на металлическом поддоне. Крохотный мальчуган. Захария. Хотя Эрика сразу же поняла, что знание его имени лишь ухудшает ситуацию. На

коже все еще видны остатки голубого одеяла, но под ними тело жутко обезображено. Мертвенно-бледная поверхность тела разукрашена пятнами желтого и пузырями красного цвета; висят полосы комковатой, покрытой копотью сгоревшей кожи. Голова ребенка повернута в сторону, мягкие детские локоны сгорели, губы сморщились и стали словно восковыми. Эрика глубоко вздыхает, и этот вздох слишком напоминает всхлип. Один из ассистентов поднимает на нее глаза:

– Знаю. А когда это ребенок, то вдвойне дерьмово.

Сомер кивает, не решаясь заговорить. Прямо сейчас она может думать лишь о запахе. Все эти сверхреалистичные постановки вскрытия Эрика уже видела по телевизору; единственное, к чему она не была готова, так это к вони. Даже сквозь маску тело воняет, как сгоревший боров. Про себя она благодарит Гислингхэма за то, что посоветовал захватить с собой мятные таблетки, и, сглотнув, пытается взять себя в руки.

– Перво-наперво, – рассказывает Бодди, – нам будет необходимо установить, был ли погибший жив в момент начала пожара. Никаких внешних повреждений я не вижу, поэтому придется исследовать трахею и легкие на предмет вдыхания продуктов горения. – С этими словами он берет в руку скальпель и смотрит на Сомер. – Ну что, приступим?

* * *

Гислингхэм все еще находится на Саути-роуд. Низкое зимнее солнце освещает руины дома розоватым светом. Воздух морозный, но, несмотря на это, толпа зевак становится все больше. Сейчас их около двадцати человек – все в шарфах, перчатках и теплых пальто; их дыхание висит над ними клубами. Но они, скорее всего, долго не протянут – теперь смотреть уже практически не на что. Одна из пожарных машин уехала, а оставшиеся пожарные проливают последние остатки дома и грузят оборудование на машину. Однако внутри работа в самом разгаре. Здесь, помимо трех экспертов-криминалистов из команды Алана Чаллоу, присутствуют двое экспертов из пожарного управления – один из них вооружен видеокамерой, второй находится в выгоревшей комнате для завтраков вместе с Гислингхэмом и Чаллоу. Тяжелые деревянные стулья и стол еще продолжают дымиться; к потолку взлетают хлопья сажи. Сверху льется вода, и сквозь балки они могут видеть комнату над ними. Она оклеена обоями с Винни Пухом. Там же стоят остатки детской коляски. Гислингхэм старается не смотреть на них.

– Для верности нам придется провести кое-какие исследования, – говорит пожарный, – но, как я и говорил, готов поспорить, что все началось в гостиной. Этим же объясняется поздний звонок в «три девятки» – позади дома нет других строений, а, насколько мы можем судить, соседи, живущие в той стороне, разъехались.

– И вы полагаете, что это точно поджог?

– Судя по скорости распространения огня, – офицер кивает, – использовали какое-то горючее вещество, которому, вне всякого сомнения, помогла гребаная рождественская елка. Она вспыхнула, как салют на Четвертое июля^[16]. Наверное, к этому времени совершенно высохла – вместо нее вполне можно было положить растопку и вообще не морочиться. Оставалось только ждать, когда раздастся БАБАХ и все здесь взлетит к чертовой матери.

– И сколько это могло занять по времени? – спрашивает Гислингхэм, лихорадочно записывая за пожарным.

– От момента возгорания до того, как все полыхнуло? – Тот выпрямляется. – Минуты три... А может быть, и того меньше. – Пожарный показал на лестницу. – Судя по тому, как она обгорела, могу предположить, что на ней тоже была гирлянда. Из остролиста или чего-то подобного. И он тоже должен был успеть высохнуть, как прошлогодние листья, тут к гадалке не ходи, так что гирлянда превратилась в лучший запах, который только можно себе представить. Не повезло со временем – то есть я хочу сказать, что завтра это все разобрали бы, правда?

Гислингхэм непонимающе посмотрел на него.

– Ах, ну да, конечно. Богоявление...^[17] Черт, я совсем забыл.

Его собственный дом все еще похож на витрину универмага – Джанет хотела, чтобы первое Рождество Билли дома было особенным. Придется трудиться всю ночь.

* * *

Верити Эверетт кладет телефон и откидывается на спинку кресла. Она-то рассчитывала появиться в полупустом офисе с неубранными фантиками от рождественских шоколадок... Но только рассчитывала – с этой работой никогда ничего не знаешь заранее. И, честно сказать, после нескольких дней непрерывного общения с папочкой она почувствовала облегчение, вернувшись в офис. У нее не такая большая квартира, чтобы в

ней хватило места для них двоих. Особенно когда он относится к квартире как к номеру в отеле, оставляя пустые кружки там, где сидит, и никогда не убирая кровать (кстати, ее собственную – ей пришлось временно перейти на матрас, что вполне предсказуемо сказалось и на ее спине, и на недовольной кошке). Но завтра папочка отправляется домой, а сегодня она вернулась на свое рабочее место.

Верити осмотрела комнату в надежде увидеть Гислингхэма, но тот, очевидно, все еще не вернулся с Саути-роуд. И хотя она ненавидит действовать через его голову, *это* ждать не может.

Через несколько мгновений Верити уже стучит в дверь кабинета Фаули.

Тот говорит по телефону, но жестом приглашает ее зайти. Она какое-то время стоит в дверях, старательно притворяясь, что не слушает, что он говорит, но, к счастью, разговор вполне рабочий. В любом случае это не его жена. Теперь Фаули, когда говорит с ней, запирает дверь. Верити бросает на начальника косой взгляд. На расстоянии он выглядит вполне нормально, но если ты знаешь его достаточно хорошо, то признаки все равно видны. А она его знает. И достаточно хорошо.

– Что у тебя, Эв? – спрашивает Фаули, кладя трубку.

– Да, сэр. Я пообщалась с организаторами конференции в колледже. Майкл Эсмонд зарегистрировался во вторник, во второй половине дня, и вечером того же дня присутствовал на обеде. Вчера утром он участвовал в каком-то панельном заседании.

– А после этого?

– Одна из организаторов сказала, что вчера поздно вечером видела его в пабе. Около половины одиннадцатого.

– Значит, он точно в Лондоне.

– Так точно, сэр. Но Эсмонд сам бронировал себе гостиницу, так что в оргкомитете не знают, где он остановился.

– А мобильный?

Эверетт поднимает листок бумаги.

– Мне дали номер, но он сразу же переключается на голосовую почту. Я оставила сообщение, чтобы он перезвонил нам.

– Когда у него назначено выступление? – Надо отдать шефу должное, он всегда идет прямо к цели.

– Завтра, во второй половине дня, сэр. В четыре часа дня.

– Ладно, держи меня в курсе. – Фаули медленно кивает. – И если Эсмонд позвонит, то я хочу знать об этом первым.

* * *

Вскрытие занимает пять часов, и в самом конце Бодди решает, что заслужил нечто большее, чем просто поздний ланч.

– Хотите присоединиться? – предлагает он Сомер, когда они снимают халаты. – Мы будем у Фрэнки – это как раз через улицу.

После того как патологоанатом уходит, один из его ассистентов поворачивается к Эрике и неловко улыбается:

– Возможно, вы предпочтете пренебречь этим приглашением... У Бодди есть традиция. После вскрытия трупов, сгоревших на пожаре, он угощает всех нас ребрышками-барбекю.

– Вы шутите? Даже если это труп ребенка?

– Знаю. Звучит грубовато, правда? Но это его способ снимать стресс.

* * *

Первая встреча следственной группы начинается в три. Сомер только что вернулась из морга. Она все еще немного бледна, и я вижу, как Эверетт задает ей немой вопрос, а Эрика отвечает ей гримасой. Куинн сидит на первом ряду, с планшетом в руках и ручкой за ухом (да, я знаю, что это глупо, но он всегда так сидит). Бакстер кнопками прикрепляет фотографии на доску. Феликс-хаус – каким он был до и каким стал после пожара. Причем первое фото явно позаимствовано из приложения «Гугл. Планета Земля». Фотографии с внутренними разрушениями: столовая, лестница, некоторые из спален – на нескольких из них крестиками отмечены места, где были обнаружены Мэтти и Захария. Фотографии Майкла и Саманты Эсмонд – наверное, с водительских удостоверений, догадываюсь я. Эсмонд выглядит напряженным, внимательным, с темными волосами и бледной кожей. Краски его жены гораздо мягче: бежево-коричневые волосы, розоватые щеки, светлые – возможно, светло-карие – глаза. За ними идут фото детей, вытасценные, судя по их состоянию, из дома. Мэтти в форме «Арсенала» с мечом, зажатым под рукой; большие очки слегка съехали набок. Малыш сидит на коленях у матери – озорная улыбка и копна непослушных темно-рыжих локонов, которые мать не может заставить себя срезать. Отдельно – фото живого рядом с фото мертвого. И уже не первый раз я задумываюсь, как жестоко огонь может изуродовать человеческое тело. Поверьте мне – привыкнуть к этому невозможно, даже если видел это

столько раз, сколько видел я. А если привык, то пора менять профессию.

Подходит Гислингхэм.

– Может быть, вы сами хотите начать, сэр? – негромко спрашивает он.

Я мельком отмечаю про себя, что – по крайней мере, на публике – он больше не называет меня «босс». Только «сэр». Что ж, еще один Рубикон среди сотни маленьких Рубиконов, но от этого не менее важный.

– Нет, веди ты. А я вмешаюсь, если это будет необходимо, – говорю я и вешаю куртку на спинку стула.

И это тоже Рубикон. На этот раз побольше, потому что команда мгновенно это замечает.

– Есть, сэр. – Гислингхэм кивает, проходит к стене и становится лицом к аудитории. – Ну что ж, давайте начинать.

Все в комнате знают, что это первое серьезное дело Гиса после назначения его исполняющим обязанности детектива-сержанта. Пару лет назад, когда в точно такой же ситуации находился Куинн, все были настроены немного саркастически – никакой вражды не было, но в то же время никто не собирался сразу же бросаться ему на помощь. И все были настроены поиздеваться над ним, как только представится такая возможность (а с Куинном в то время это случалось сплошь и рядом). На этот раз настроение в комнате было другим. Сидящие любили Гислингхэма и хотели, чтобы у него все получилось. И они не позволят ему облажаться – если только это будет зависеть от них.

– О'кей, – Гислингхэм откашливается, – я быстренько обобщу все, что у нас есть по пожару на Саути-роуд, а потом передам слово Полу Ригби. Пол – начальник смены в пожарном депо Рили-роуд, и он назначен расследователем со стороны пожарных.

Он кивает на мужчину, стоящего возле двери. Высокий, лысеющий, чисто выбритый. Я точно уже где-то его видел.

– Итак, – Гислингхэм поворачивается к доске, – вот этот дом, Саути-роуд, двадцать три. В нем проживала семья Эсмонд – Майкл, его жена Саманта и их дети – трехлетний Захария и Мэтти, которому через четыре дня исполнится одиннадцать лет. – Гислингхэм останавливается и набирает побольше воздуха в легкие. – Для тех, кто еще не знает: Мэтти находится в детском реанимационном отделении. В клинике нас предупредили, что прогноз не очень хороший, но они сразу же свяжутся с нами в случае каких-то изменений.

Он вновь оборачивается к доске и стучит ручкой по фото родителей.

– Мы пока не можем обнаружить ни Майкла, ни Саманту. Предполагается, что Майкл сейчас на конференции в Лондоне...

– Не могу поверить, что он ничего не видел в новостях, – говорит один из детективов-констеблей. – Это показывают по всем чертовым каналам.

– Я тоже не могу поверить, – соглашается Гис, – но до тех пор, пока его не найдут, мы можем лишь строить предположения. То же самое касается и Са- манты.

Но констебль еще не закончил:

– И ты действительно думаешь, что они могли оставить детей в таком возрасте одних?

– Я бы не оставил. – Гислингхэм пожимает плечами. – Но сейчас мы не имеем ни малейшего представления о том, что вчера вечером произошло в этом доме. А произойти могло что-то, о чем мы даже и не подозреваем. И по этой причине мы должны разыскать их близких родственников. Как, кстати, с этим дела, Бакстер? – Гис слегка краснеет – впервые он публично демонстрирует свою власть. Но Бакстер принимает это как должное. Как и в большинстве слу- чаев.

– Пока ничего, сержант, – отвечает он. – Саманта была единственным ребенком в семье, так что ни братьев, ни сестер. Родители живут в Камбрии, но мы пока с ними не говорили. Мать Майкла – в доме для престарелых в Вантедже. Если верить директору дома, то у нее Альцгеймер. То есть нам надо будет обязательно посетить ее, но сомневаюсь, чтобы нам это что-то дало.

– Понятно, – говорит Гислингхэм и поворачивается к Сомер. – А как вскрытие малыша – Захарии?

– Только одно. – Эрика поднимает на него глаза. – Бодди удивило то малое количество сажи, которое он обнаружил у него в легких. Но, вероятно, ребенок в столь юном возрасте может задохнуться гораздо быстрее взрослого. Особенно если у него астма или даже такая мелочь, как простуда. На всякий случай Бодди сделает анализ крови.

В комнате наступает тишина. Половина из нас цепляется за тот факт, что все должно было произойти очень быстро; вторая половина знает, что такая боль не может измеряться секундами. И, как бы жестоко это ни звучало, я хочу, чтобы они думали об этом, потому что желаю видеть их злыми, непреклонными, полностью отдающими себя этому расследованию. Я хочу, чтобы вся их энергия была направлена на выяснение истины. На то, чтобы узнать, как могло случиться нечто настолько отвратительное.

– Ну ладно. – Гислингхэм оглядывает аудиторию. – Теперь я передаю слово Полу, а потом мы с вами распределим работу на ближайшие несколько дней.

Он делает шаг в сторону, а Пол Ригби встает со своего места и быстро

проходит к доске. Вне всяких сомнений, он опытный докладчик. И быстро и лаконично рассказывает о том, что они уже знают, что предполагают и какие выводы могут сделать.

– И в заключение, – говорит Ригби, – как я уже говорил сержанту: мы исходим из той предпосылки, что в доме был совершен поджог.

Я вижу, как Куинн дергается при слове «сержант», но тут же притворяется, что его душит кашель. Однако Гислингхэм это тоже замечает.

– И никаких шансов, что это просто несчастный случай? – спрашивает Эверетт, хотя в ее вопросе больше отчаяния, чем надежды. – Выпавшая сигарета, рождественская свечка или что-то в этом роде?..

– Странные вещи иногда случаются, – Ригби кивает, – и, должен сказать, за свою жизнь я повидал их немало. Помню пару лет назад, всего в паре миль от этого дома, парнишка притащил в дом «коктейль Молотова». Он тогда сказал, что «любит фейерверки». Да вы, наверное, помните – об этом писали во всех га-зетах...

Конечно, мы помним. Это был Лео Мэйсон, брат Дейзи Мэйсон^[18].

– Мы работали над этим делом, – негромко произношу я.

– Понятно, – говорит Ригби. – Ну, тогда вы знаете, о чем я. Но здесь совсем другое дело. И это не несчастный случай или простое невезение. Характер разрушений и скорость распространения огня – я готов поспорить на свою ипотеку, что мы найдем под этими руинами какое-то горючее вещество. И в *очень больших количествах*.

Я встаю, прохожу вперед и поворачиваюсь ко всем лицом.

– Может быть, об этом не стоит говорить, но я все-таки скажу. Речь идет о двух преступлениях. Об одном из них мы знаем наверняка; наличие второго можем предполагать до тех пор, пока не исключим такую возможность. Первое преступление – это поджог. Нам необходимо выяснить, кто и почему поджег дом. Второе преступление – убийство. Знал ли поджигатель о том, что в доме находятся люди, и если знал, то что, черт побери, могло заставить его (или ее) спалить дом с двумя спящими в нем детьми?

Я поворачиваюсь к доске и беру в руки маркер.

ПОДЖОГ

УБИЙСТВО

Под этими двумя словами пишу еще одно.

ПОЧЕМУ?

– Одно мне непонятно, – говорит Эверетт после паузы. – Место, где вы его нашли. Я имею в виду старшего мальчика.

– Верное замечание, – соглашается Ригби.

Констебль, сидящий рядом с Эверетт, толкает ее локтем:

– А ты сегодня зажигаешь, Эв.

От этих слов она краснеет и отвечает на его толчок. Неожиданно на лице у него появляется глупое выражение, потому что до него наконец доходит вся неуместность его шутки.

– Я как раз подходил к этому, – продолжает Ригби с каменным лицом. Наверное, он уже сотни раз слышал дурные шуточки о пожарах. – Насколько мы понимаем, пожар начался где-то после полуночи – звонок в «три девятки» поступил в сорок семь минут первого ночи. В это время дети должны находиться в своих кроватях, но старшего мальчика обнаружили возле подножия лестницы.

– И что это может быть? – вступает в разговор Сомер. – Наверное, он проснулся, чтобы попить, или что-нибудь в этом роде...

– Ты глаза-то разуй, – вмешивается в разговор Куинн. Он встает и стучит ручкой по одной из фотографий. И хотя это меня здорово возмущает, я вынужден признать, что он прав: по комнате летают хлопья пепла и сажа, но сквозь них на прикроватной тумбочке можно увидеть графин с водой и поильник. Гарет закатывает глаза, а один из констеблей хихикает.

Сомер краснеет, но не смотрит в сторону Куинна. Она вообще старается не делать этого без крайней необходимости. Оба они стараются создать иллюзию, что между ними ничего не было, хотя все управление знает, что было.

– Как я понимаю, – негромко, но твердо говорит Эрика, – должна быть какая-то причина.

– А поскольку он сейчас в коме, то как, по-твоему, мы можем ее выяснить? Вызвать гребаного экстрасенса? – По тону Куинна всем все понятно. Я вижу, как люди неловко ерзают на своих местах.

– Он мог что-то услышать. – Голос Ригби звучит ровно – по-видимому, он не прочувствовал наши подковерные течения. – Или, может быть...

– А где расположены телефоны? – неожиданно спрашивает Эверетт.

– Один, мобильник на зарядке, мы нашли вот здесь. – Ригби поворачивается к плану дома. – Но он полностью сгорел...

– Мы пытаемся выяснить, кому он принадлежал, – быстро вставляет Гислингхэм.

– ...а стационарный аппарат, по информации «Бритиш телеком», был в доме единственным и находился вот здесь. – Он показывает на плане. – В гостиной.

– Боже, – шепчет Эверетт, – вот почему мальчик оказался на лестнице.

Должно быть, проснулся, понял, что что-то происходит, и попытался вызвать подмогу. Но было слишком поздно. Выбраться он уже не смог.

У бедняги не было никаких шансов. И я не один, кто так думает.

Опять поворачиваюсь к фотографиям. На фото из детской видна нетронутая полоса обоев. Всего несколько следов огня между изображениями Тигры, Иа-Иа и Пятачка. Следы удивительно напоминают отпечатки рук. Я слышу, как позади меня комната погружается в тишину. Поворачиваюсь к Ригби.

– Сколько времени понадобится, чтобы официально подтвердить, что это был поджог?

– Несколько дней. – Он пожимает плечами. – Может быть, неделя. Надо разобрать половину дома, а это займет какое-то время.

– Чем нам заняться в первую очередь, сэр? – задает вопрос Гислингхэм.

Я поворачиваюсь к нему.

– Разыщите родителей. Я хочу, чтобы этим занялось максимальное количество людей, включая патрульных, если нам удастся их заполучить. Для начала надо найти машину. Что у нас с распознавателями номерных знаков? Мы уже связывались с Мет^[19] по поводу Эсмонда?

Гислингхэм кивает.

– Они проверили списки задержанных и попавших в больницы. Безрезультатно. Без адреса они больше ничего не могут сделать.

– О'кей. Но если мы не найдем Эсмонда до завтрашнего утра, то я хочу, чтобы его кто-то встретил на конференции.

– Этим займется детектив-констебль Асанти, сэр. – Гислингхэм смотрит через всю комнату.

Некто, сидящий на последнем ряду, поднимает глаза, и наши взгляды встречаются. Теперь я вспоминаю, кто такой Тони Асанти. Не так давно окончил учебу и перевелся к нам из Мет. Супер^[20] сказал, что он неплох, что на общечеловеческом языке значит «мы взяли его не для того, чтобы выполнить обязательства по темнокожим и этническим меньшинствам в наших рядах».

Асанти смотрит мне в глаза с такой уверенностью, какой я никак от него не ожидал. Мне приходится первому отвести взгляд.

– И помните, что главное не найти этих людей, а выяснить, что они из себя представляют. Я хочу знать все, что удастся раскопать об этом семействе. Социальные сети, адреса электронной почты, данные о телефонных переговорах – в общем, все, что возможно. В доме нашли что-

нибудь полезное? Компьютеры? Планшеты?

– Пока нет. – Гислингхэм качает головой. – У Эсмонда должен был быть какой-то кабинет, но пожарные его еще не обнаружили. По мне, так он погребен под тонной всяких обломков. Но если что-то найдется, то нам сообщат.

– А пока давайте поговорим со всеми, кто знал эту семью, – я оглядываю сидящих в комнате, – жил рядом с ними или вместе с ними работал. На что они тратили свое время? И свои деньги? Откуда они появились здесь, и было ли в их жизни нечто, что могло спровоцировать подобное?

Сотрудники записывают за мной, негромко переговариваясь.

– Вот таким образом. Все понимают свою задачу? Отлично. Детектив-констебль Куинн, на пару слов. У меня в кабинете.

* * *

– Пора завязывать с этим, Куинн. И не надо притворяться, что вы не понимаете, о чем я.

Он смотрит на меня, а потом опускает глаза.

– Детектив-констебль Сомер – хороший офицер и добросовестно выполняет свою работу. Я знаю лишь об одной ее ошибке – о связи с вами, какой бы короткой она ни была. Но Эрика, судя по всему, уже забыла об этом, и я не понимаю, почему бы вам не последовать ее примеру.

Куинн запускает руку в свою шевелюру. Выглядит он ужасно. Уверен, что сорочку носит второй день подряд. И галстук тоже. Хотя кто я такой, чтобы его осуждать... Мы с ним одного поля ягоды.

– Садитесь. Давайте поговорим.

Кажется, Куинн колеблется, но потом выдвигает стул.

– Я понимаю, что после понижения в звании вы в полном дерьме, но винить в этом вы должны только себя. Вся эта история – интимная связь с подозреваемой...

– Я никогда с ней не спал – сколько раз еще я должен это повторять!

Но он понимает, что зашел слишком далеко. Криком делу не поможешь. Да и в любом случае, это классический вариант Билла Клинтона^[21]. И мы оба это знаем.

– Простите, сэр, – говорит Куинн.

– Вам ведь предложили перевод, но вы сами от него отказались.

Хотя в этом я на его стороне. Начинать все где-то с нуля – не просто. У

него квартира, ипотека, жизнь... Но если ты решил остаться, то пей свою чашу до дна, какой бы горькой она ни была.

– Послушайте, Куинн, вам остается только жить с этим. Сосредоточьтесь на этой гребаной работе. И не пытайтесь оттоптаться на Сомер. С ней это никак не связано. Вам точно не поздоровилось бы, если бы на ее месте оказалась другая женщина. А она просто образец сдержанности.

– Знаю. – Он строит гримасу. – Просто в прошлом году, в это же самое время, я был детективом-сержантом, а она – простой патрульной. А теперь...

А теперь они с ней на одном уровне. И ее карьера абсолютно точно идет вверх. А вот его... я бы так не сказал.

– И все это гребаное управление продолжает об этом говорить, – заканчивает Куинн, покусывая губы. Мне кажется, что он вот-вот расплачется.

– Может быть, я сейчас скажу вам то, что сказал бы вам ваш отец, – я подаюсь вперед, – но слухи не прекращаются потому, что вы сами даете для них повод. Вас уже наказали – так прекратите постоянно болтать об этом. Забудьте и двигайтесь дальше. И начните с того, что оставьте Сомер в покое. Договорились?

Он не смотрит на меня. Я опускаю голову и пытаюсь встретиться с ним взглядом.

– Договорились, Куинн?

Он втягивает воздух, задерживает на мгновение дыхание и поднимает глаза.

– Да, босс.

Потом улыбается. Улыбка невеселая, но это хоть какое-то начало.

* * *

Эндрю Бакстер возвращается за свой стол и включает компьютер. Смотрит на часы – до конца рабочего дня осталось не меньше двух часов.

«Ну что ж, – думает он. – Начнем с самого очевидного».

Заходит на «Фейсбук» и начинает поиск Майкла Эсмонда, радуясь, что на этот раз фамилия попалась довольно редкая. Последний раз он искал человека по имени Дэвид Уильямс – их оказались сотни. А вот Эсмондов всего несколько, и менее чем через пять минут Эндрю находит нужного человека. Хотя дает это ему не так уж много. Информация похожа на

страницу в «ЛинкдИн», а не на страницу в «Фейсбуке» – хвастливые биографические данные, пара фото, на которых Эсмонд выглядит скованно, и несколько скучных и вполне предсказуемых лайков. В друзьях фигурирует некто Филипп Эсмонд, хотя – и это подтверждает его фамилия – он брат, а не друг. Судя по его собственной страничке, он на год или около того старше Майкла и отличается от него, как небо от земли. Цвет волос у них, правда, одинаков, но Филипп так и брызжет энергией, и в глазах у него виден блеск, который начисто отсутствует у его брата. Друзей у него, судя по всему, раз в пять больше, а жизнь навскидку раза в три веселее, чем у брата. Веселье включает одиночное плавание под парусами до побережья Хорватии. Филипп владеет яхтой «Фридом-2»^[22] модели «Сан Одиссей 45» производства компании «Жанно». В Сети размещены ее фотографии в момент отплытия – с толпой людей, машущих с пристани вслед Филиппу (хотя, как замечает Бакстер, его брата среди провожающих нет). Вслед за этим идут несколько селфи на борту яхты и кадры зимних закатов на Атлантике, которые говорят о незаурядных способностях Филиппа-фотографа. Последнее фото было помещено несколько дней назад, и под ним имеется информация, что он на какое-то время может быть вне зоны действия сети, но в случае необходимости для него можно оставить информацию. Нет сомнений, что нынешняя ситуация подпадает под понятие «необходимости».

Бакстер выписывает данные дюжины, или около того, друзей Майкла в «Фейсбуке», обращая внимание на то, что за последние полгода тот разместил на своей странице лишь информацию о книге, которую он пишет, и несколько слов о конференции в Королевском колледже. Для него, по всей видимости, это значимое событие.

Страничка Саманты Эсмонд выглядит гораздо веселее – по крайней мере, на первый взгляд. Прежде всего на ней есть большой фотоальбом: фотографии в саду и на пляже, фотографии кормления уток на канале, похожем на Оксфордский, и в компании с другими женщинами в магазине, расположенном – Бакстер в этом уверен – в Саммертауне. За ними следует целая серия фото, посвященных разного рода школьным спортивным событиям и праздникам, включая фото слегка расплывшегося торта с подписью «Моя попытка № 1» и печальной физиономией-имодзи. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что большинство фотографий были выложены не менее четырех лет назад. После этого идет серия селфи беременной Саманты, на которых ее лицо или размазано, или находится в тени, и завершает которую фото новорожденного младенца в больничной кровати с подписью «Наконец-то». Ни имени, ни веса, ни пола ребенка.

После этого нет практически ничего. Одно или два сообщения о том, как развивается малыш, почти полное отсутствие фотографий с его первого дня рождения и полная тишина за последние три месяца. Что, судя по тому, что знает Бакстер (правда, знания эти довольно ограничены) о привычках поведения в сетях гордых молодых родителей, сильно удивляет констебля. Страничка Джанет Гислингхэм лопаается от информации о Билли – все происходящее с ним должно быть обязательно зафиксировано и запотоколировано. Однажды Куинн саркастически заметил, что Джанет надо просто поместить на своей странице фотографию пукающего младенца и больше этим не заморачиваться – правда, ожидаемого смеха по этому поводу он так и не услышал. Слишком многие помнили, как чуть не случилось такое, после чего Джанет уже никогда не выкладывала бы эти фотографии...

Бакстер откидывается на спинку кресла и медленно выдыхает. Потом наклоняется вперед и начинает просматривать альбом по второму разу. Начинается он с фото Мэтти в возрасте лет трех, и Бакстер, листая фотографии, смотрит, как мальчик растет, превращаясь из неуклюжего ползунка в худенького парнишку в слишком больших очках. Вот маленький Мэтти улыбается в объектив, держа в руках ракушку, цветные камушки, мороженое, улитку; вот он, став постарше, старается спрятаться от камеры, то выходя из фокуса, то отворачиваясь. На одном из фото мальчик прячется в ногах у отца – по крайней мере, можно предположить, что это его отец, потому что фигура мужчины срезана на уровне груди.

Бакстер хмурится и начинает вновь перелистывать фотографии, впервые заметив, насколько редко ему попадаются фото Майкла Эсмонда. Всего пара штук с отдыха – Майкл играет в крикет на песке и бродит с Мэтти на руках по ярморочной площади. И больше практически ничего. На одной из последних фотографий Мэтти в саду, на заднем плане виден темноволосый мужчина – можно предположить, что это Эсмонд, но он стрижет траву, повернувшись спиной к объективу, и находится очень далеко. Бакстер возвращается к школьным фотографиям – нынешние папы редко пропускают всякие празднования, – но Майкла на них не видит. Только теперь констебль понимает, что школа на фото – это школа Епископа Христофора, а внимательно присмотревшись, узнает лица, знакомые по делу Дейзи Мэйсон. Директриса, одна или две учительницы, дети, которых они опрашивали, и, наконец – Бакстер даже вздрогнул, – сама Дейзи, прибегающая второй в забеге с яйцами^[23], с лицом, искаженным яростной волей к победе. Это 2016 год – последняя четверть, после которой она исчезла, – и, насколько Бакстер может судить, Мэтти

Эсмонд учился с ней в одном классе. Конечно, соединять эти два дела глупо – у них нет ничего общего, – но это заставляет Бакстера подумать о том, о чем время от времени думает любой офицер полиции: «Дело закончено. Виновные наказаны. Жизнь возвращается в нормальную колею. А дальше что?» Да и может ли жизнь быть «нормальной» после подобного дела? Девочка исчезла, и ее так и не нашли, а когда соученики пришли в класс на следующий год, ее среди них не оказалось. Все всегда говорят, насколько психика детей стрессоустойчива, но, может быть, это очередная ложь, которую взрослые повторяют для самоуспокоения? Этот паренек, Мэтти Эсмонд, – он выглядит совсем не «стрессоустойчивым». Наоборот, очень хрупким и ранимым. Как он отнесся к пропаже Дейзи? Какова была его реакция, когда он впервые услышал, что с ней случилось в действительности? Как бы родители ни старались защитить своих отпрысков, такие вещи рано или поздно обязательно выходят на поверхность.

Бакстер вздыхает и в который раз думает, как ему повезло, что у него нет детей, а потом делает еще несколько записей в деле. Затем открывает почту и посылает письмо Фаули со списком того, что им будет необходимо и на что он должен получить согласие старшего инспектора. Для начала – вся информация по финансам семьи. Телефоны, адреса электронной почты, медицинские карты, информация о пользовании Интернетом. Он как раз выключает компьютер, когда в облаке холодного воздуха в комнате появляется Эверетт. Она была в Вантедже, где встречалась с матерью Майкла Эсмонда.

– Ну, и как все прошло? – спрашивает Бакстер, поднимая глаза. Одного взгляда на лицо коллеги ему достаточно, чтобы все понять.

– Как бы часто я ни ходила в такие места и какими бы хорошими ни были сотрудники в них, я всегда впадаю в нервное состояние, – говорит Верити, тяжело опускаясь на стул и начиная разматывать шарф. – Я хочу сказать, что директор там – само очарование, и они действительно заботятся о своих пациентах, но со всеми этими креслами-каталками, запахом мочи и телевизором, работающим по шестнадцать часов в сутки... для меня это наглядное воплощение второго круга ада^[24].

И даже то, что последние две недели перед Рождеством она объездила все дома для престарелых в радиусе десяти миль, не помогло Эверетт. Она пыталась найти что-то, подходящее для папы, хотя он об этом еще ничего не знает. А необходимость в этом ощущается уже какое-то время. Его забывчивость, неожиданная раздражительность, вечная настороженность... И полная потеря чувства времени. Папа просыпается, когда становится

светло, а это значит, что он тут же включает телевизор. Так же он поступал все то время, пока жил у нее. Шаркающей походкой проходил в гостиную, не обращая никакого внимания на то, что она все еще пытается поспать. Хотя Верити, по крайней мере, могла регулировать громкость звука – его соседи по дому о таком и мечтать не могли. Жаловались они два-три раза в неделю, и Эверетт не в чем было их упрекнуть, потому что у них был четырехмесячный младенец. Они, наверное, уже галлюцинировали от недостатка сна. Но ее отец не открывал дверь, когда они в нее звонили, а это значит, что Эверетт приходилось проезжать тридцать миль, чтобы со всем этим разобраться. Чем-то приходится жертвовать. Несколько недель перед Рождеством она обещала себе переговорить с ним во время праздников, когда они будут одни и когда у нее будет больше времени, но вот он уезжает, а она так с ним и не переговорила... Как любой хороший коп, Верити могла с первого взгляда определить труса, а сейчас ей надо было лишь взглянуть в зеркало.

Эверетт поднимает глаза и видит, что Бакстер вопросительно смотрит на нее. Да и пусть, она ведь никому на работе об этом не рассказывает. Хотя скоро придется сказать. По крайней мере, Фаули уж точно.

– Я встретила с миссис Эсмонд, – говорит Эверетт, – и рассказала ей о пожаре настолько тактично, насколько это было возможно, но мне кажется, что она ничего не поняла. Просто улыбнулась и сказала: «Как мило, дорогая».

– То есть помощи в поисках Эсмонда от нее ждать не стоит?

– Я сказала ей, что он пропал, – Верити качает головой, – но это ее не сильно расстроило. Она просто взмахнула рукой и сказала, что он «опять спрятался в эту свою лачугу».

– Что она имела в виду? – хмурится Бакстер. – Может быть, скаутский шалаш? Или ниссеновский барак?^[25]

– По мне, так это вполне может быть и гребаная «Пицца Хат»^[26], – вздыхает Эверетт. – Сотрудники в этом доме тоже ничего не знают. Но они сразу предупредили меня, что толку от нее не будет.

– Жаль.

Что-то в его тоне заставляет ее уточнить:

– А ты... ты что-нибудь нашел?

– Честно говоря, гораздо важнее то, чего я не нашел, – отвечает Бакстер с гримасой.

Телефонный разговор с Филиппом Эсмондом

4 января 2018 г., 17:46

Разговор провел детектив-констебль Э. Сомер

Э.С.: У аппарата детектив-констебль Сомер.

Ф.Э.: Алло, вы меня слышите? Мне кажется, что на линии какая-то задержка.

Э.С.: Я вас слышу. Это вы, мистер Эсмонд?

Ф.Э.: Да, Филипп Эсмонд к вашим услугам. Я получил информацию от службы береговой охраны, что кто-то из полиции долины Темзы хочет со мной поговорить. Что-то с Майклом? Простите за качество звука, но я звоню вам по спутниковому телефону из самого центра Бискайского залива.

Э.С.: Мне жаль сообщать вам об этом, но в доме вашего брата произошел пожар.

Ф.Э.: Пожар? Что значит «пожар»?

Э.С.: Он начался сегодня рано утром.

Ф.Э.: Боже, только не дети...

Э.С.: Мне вправду очень жаль, но Захария, боюсь, погиб.

Ф.Э.: А Мэтти?

Э.С.: Он в реанимации. Делается все возможное...

Ф.Э.: Твою мать! Мне надо возвращаться... (После паузы) Минуточку, а почему мне не позвонил Майкл? Он же не умер? Боже...

Э.С.: Нет, сэр. По крайней мере, насколько нам известно...

Ф.Э.: Насколько вам известно? А это что еще за чертовщина?

Э.С. (после паузы): Боюсь, что ваш брат и ваша невестка пропали без вести.

Ф.Э.: Что значит «пропали без вести»?

Э.С.: Ваш брат должен быть на конференции в Лондоне, но пока нам не удалось выйти на него, а на звонки он не отвечает. Надеемся, что он скоро свяжется с нами.

Ф.Э.: Последний раз я говорил с ним на Рождество.

Э.С.: И как он вам показался?

Ф.Э.: Да вроде нормально... Немного напряженный, но в этом нет ничего нового. Мне просто кажется, что на него слишком много чего навалилось.

Э.С.: А когда вы видели его в последний раз?

Ф.Э.: Прошлым летом. Я приезжал на несколько дней. Майкл опять начал курить и пил больше, чем обычно, но ничего, как бы вам сказать,

выходящего за рамки... А дети были... (Пауза.) А вы не знаете, он сильно страдал? Я о Захарии.

Э.С.: Мы надеемся, что нет. Больше я ничего не могу сказать.

Ф.Э. (пауза): Черт!

Э.С. (в помещении слышны какие-то приглушенные звуки): Знаете, мистер Эсмонд, мы вот еще о чем хотели вас спросить. Когда мы говорили с вашей матерью, она упомянула какую-то «лачугу». Это было, когда мы сообщили ей, что Майкл пропал. Она сказала, что думает, что он «опять туда отправился». Вам это ни о чем не говорит?

Ф.Э.: Нет, простите.

Э.С.: Но она, случайно, не могла говорить о вашем доме? Мы так и не смогли разыскать ваш нынешний адрес.

Ф.Э.: Последние шесть месяцев я живу у друга. А так – я редко сижу на месте.

Э.С.: А мистер и миссис Эсмонд не могут быть там?

Ф.Э.: Не понимаю, каким образом, – у них нет ни ключей, ничего подобного... Я же сказал, что дом не мой.

Э.С.: А второго дома у них, случайно, нет?

Ф.Э. (сухо смеется): Поверьте мне, констебль, нет. Им и этого-то, на Саути-роуд, хватало выше головы.

* * *

Еще не успев толком войти в квартиру, Эверетт понимает: что-то не так. Ее настораживает какое-то сухое шипение. Она оставляет вещи в прихожей и бросается на кухню. Конфорка включена на полную мощность, а кастрюля на ней пуста. Верити хватает полотенце и сбрасывает кастрюлю в раковину.

– Папа! – кричит она, открывая холодную воду, под которой кастрюля шипит, испуская клубы пара. – Папа!

Ей никто не отвечает, и на мгновение гнев уступает место любопытству – Верити не слышит работающего телевизора. Неужели он куда-то ушел? Хотя она и велела ему сидеть дома... Но потом раздается шум воды в туалете, и отец суетливо заходит на кухню, на ходу поправляя брюки. Возле его ширинки видно небольшое мокрое пятнышко, которое ей очень хотелось бы не замечать.

– Папа, какого черта ты творишь? Нельзя оставлять пустую кастрюлю на газу...

– Она не пустая, Верити. – Отец раздраженно хмурится.
– Нет, пустая – я подросла как раз вовремя...
– Уверю тебя, она не была пустой. Я собирался сварить себе яйцо. Так как никаких других продуктов питания в доме у нас не наблюдается.
– Мне приходится работать допоздна. Я тебе говорила...
– Эту гребаную кошку кормят лучше, чем меня.
Эверетт чувствует, как напрягаются ее челюсти.
– Ты же знаешь, что это неправда. И если кастрюля была действительно полная, то каким образом из нее все выкипело? За пять минут такое невозможно. Где, черт возьми, тебя носило?
Он отворачивается в сторону и начинает ныть о том, что весь день вынужден сидеть взаперти, тогда как каждому человеку положена его порция свежего воздуха.
– Все это очень серьезно, па. – Верити делает шаг в его сторону. – Ты мог все здесь сжечь к чертовой матери.
Услышав это, отец бросает на нее быстрый взгляд.
– Ты устроила эту глупую шумиху по поводу простого вареного яйца. Твоя мать права, Верити: у тебя действительно прискорбная привычка драматизировать происходящее. И появилась она у тебя еще в детстве. Так она сказала позавчера.
Эв отворачивается. На глаза у нее наворачиваются слезы. И не только потому, что она этого не заслужила, но и потому, что ее мама скончалась больше двух лет назад. В голове звучат слова: «Ты больше не можешь это игнорировать. Поговори с ним. Сядь и поговори. Прямо сейчас». Она глубоко вздыхает и поворачивается к отцу.
– Что ты хочешь к чаю, папа?

* * *

На следующее утро, ровно в 9.15, Гислингхэм и Куинн подъезжают к зданию Института социальной и культурной антропологии на Банбэри-роуд. Городской дом в викторианском стиле – в таких располагается множество небольших факультетов Оксфорда – поднимался вверх на четыре этажа. Построен он был из потемневшего с годами «желтого оксфордского» кирпича и украшен деревянным орнаментом, выкрашенным в темно-красный цвет. Стойка для велосипедов, щебенка с проросшей сквозь нее травой, два мусорных бака промышленных размеров и знак, запрещающий парковку.

– Черт побери, – говорит Куинн, захлопывая дверь машины и оглядывая дом. – Не хотел бы я здесь работать. Похоже на «Дом ужасов» студии «Хам- мер»^[27].

Гислингхэм бросает на него быстрый взгляд. Его так и подмывает заметить, что у Куинна не хватит квалификации, чтобы занять пост преподавателя в университете, но такое добродушное подшучивание было уместно в старые добрые времена. А сейчас Джанет каждое утро напоминает ему, что он должен вести себя как начальник Куинна.

По ступенькам полицейские поднимаются к двери и звонят в звонок, прислушиваясь к эху, раздающемуся где-то внутри. Больше они не слышат ничего. Вновь звонят и вновь ждут, а потом Куинн отходит на несколько шагов и пытается заглянуть сквозь венецианские шторы на втором этаже.

– Ничего не видно, – говорит он наконец. – Велосипедов тоже нет. Как думаешь, здесь вообще кто-то появляется в праздники?

Очевидно, на этот вопрос надо отвечать утвердительно, потому что в этот самый момент дверь открывается и на пороге появляется женщина. У нее тонкие седые волосы, собранные в пучок-ракушку. Одета она в юбку из шотландки и грубый шерстяной свитер.

– Не знаю, кто вы такие, но парковаться здесь запрещено.

Куинн открывает было рот, но Гислингхэм опережает его.

– Мы из полиции, мэм, – говорит он, предъявляя удостоверение. – Я детектив-сержант Крис Гислингхэм, а это детектив-констебль Куинн. Вы позволите нам войти?

Когда они проходят вслед за ней в холл, Куинн бормочет себе под нос, но так, чтобы его услышали заинтересованные люди: «Исполняющий обязанности детектива-сержанта».

Женщина провжает их в заднюю комнату, окна которой выходят в сад, где одновременно располагаются ее кабинет, приемная и кофеварка. Жестом указывает им на два пластиковых стула и предлагает подождать, пока она разыщет профессора Джордан.

– Я ее сегодня уже видела, но она говорила с Китаем. У нас сотрудничество с Университетом Гуанчжоу.

– Не беспокойтесь, мы подождем, мисс...

– Миссис Битон, – с сарказмом поправляет она. – И не трудитесь шутить на кулинарные темы – все это я уже слышала, и не раз^[28].

Она резко поворачивается и марширует по холлу в сторону лестницы, а Куинн с ухмылкой смотрит ей вслед.

– Старая перечница, – говорит он. – Напоминает мне мою няню. Та и в

девяносто лет никому спуску не давала.

«Так вот откуда у тебя это все», – думает Гислингхэм.

Он слишком возбужден, чтобы присесть, поэтому подходит к стойке с журналами. «Этнолог Америки», «Обзоры визуальной антропологии», «Сравнительное изучение истории и общества», «Журнал антропологии европейских культур». Берет первый попавшийся и просматривает оглавление. Даже названия статей кажутся ему совершенно непостижимыми: что, черт возьми, может означать эта «перформативность?»^[29]»

Куинн тем временем рассматривает доску на стене с именами и фотографиями сотрудников факультета. Многие из них приехали из-за рубежа, если судить по их именам. Пара довольно изысканных черно-белых фотографий, а в остальном стандартные снимки, сделанные цифровой камерой. Кроме фотографии Эсмонда – она явно постановочная и сделана профессионалом.

– И что ты думаешь по этому поводу? – спрашивает Куинн, глядя на фото. – По-моему, немного ку-ку. Бакстер тоже так думает, изучив его страницу в «Фейсбуке».

– Честно говоря, по мне, так он выглядит немного неуверенным, – задумчиво говорит Гислингхэм. – Какая-то непонятная защитная реакция...

– Не знаю, – с гримасой заявляет Куинн, – от чего еще нужно «защищаться», когда у тебя такой домина. Он, должно быть, купается в деньгах.

– Кстати, насчет денег... Ты проверил дом? – «Как я тебя просил» остается за скобками.

– Как ни странно, я послал запрос, – отвечает Куинн с чуть заметным сарказмом. – И теперь жду ответа. Но, держу пари, это старые семейные деньги. На свою зарплату он себе такого не мог бы позволить. А откуда еще могли появиться деньги? Казнокрадство я с самого начала исключаю. – Он обводит рукой немного потертое помещение, древнюю батарею отопления, полки из древесноволокнистых плит. – Просто посмотри вокруг.

– И вы правы, офицер. Нарушения в академической сфере редко связаны с денежными вопросами.

Голос раздается от двери. В проеме стоит высокая худая женщина со значительным лицом, одетая в несколько слоев темной одежды. Широкие брюки, туника, мужская сорочка-блузон. На шее у нее висит ожерелье из геометрически правильных кусочков сплава олова со свинцом, которое достает ей до пояса.

– Меня зовут Анабелла Джордан. Не хотите ли вы подняться ко мне?

Мэри принесет нам кофе. Я бы, например, не отказалась от чашечки.

Ее кабинет расположен на втором этаже, с окнами на улицу. Должно быть, когда-то здесь располагалась гостиная с лепными карнизами, камином и металлической решеткой вокруг него. Вдоль стен стоят неряшливые книжные полки, а перед ее столом – два потертых кожаных кресла. На стене висит плакат в рамке с Выставки искусства палеолита, которая проходила в Музее Эшмола^[30], – вырезанная фигура женщины с выступающими бедрами и грудью, непропорционально маленькой головой и без лица.

– Присаживайтесь, прошу вас. Полагаю, что вы пришли поговорить о Майкле. Какое кошмарное несчастье...

– Вы уже слышали? – спрашивает Гислингхэм, нахмурившись. Прессе пока не сообщали никаких сведений о пострадавших.

– Я видела новости, сержант, – говорит Джордан, садясь на свое место. – И узнала дом. Вскоре после переезда в него Майкл устроил вечеринку; были все факультетские, аспиранты – всего человек сто... После этого я стала стыдиться своего домика в Саммертауне.

Гислингхэм согласно кивает – без сомнения, это многое объясняет.

– И ваш коллега прав. – Женщина поворачивается в сторону Куинна. – Это были – и есть – семейные деньги. – Она вновь сидит лицом к Гислингхэму и выглядит озабоченной. – А есть какие-то новости о Мэтти?

– Я ничего не слышал. – Сержант качает головой.

– А этот бедный ребенок? Захария. Какая потеря... Какая жуткая, глупая, бессмысленная потеря...

– Как мы понимаем, мистер Эсмонд в настоящее время находится на конференции в Лондоне?

– Да, правильно. – Она откидывается на спинку кресла и складывает перед собой руки.

– А вы не знаете, где он может остановиться в Лондоне? Может быть, у друга? Или в какой-то знакомой гостинице?

– Нет, боюсь, здесь я вам ничем не помогу. – Женщина качает головой. – Скажу больше – я уже довольно давно не видела его.

Она делает попытку встать, но Гислингхэм еще не закончил.

– А что вы можете рассказать нам о нем, профессор Джордан?

Анабелла вновь садится в кресло и слегка хмурится.

– Старательный. Трудолюбивый. – И после паузы добавляет: – Может быть, ему немного не хватает чувства юмора... И мне кажется, что он с трудом заводит друзей.

– То есть среди сотрудников у него их нет?

– Если говорить о «друзьях», то нет. – Она начинает рассеянно поигрывать ожерельем. – Есть люди, с которыми он работал теснее, чем с другими, но я думаю, что здесь лучше подойдет слово «коллеги».

– А над чем конкретно он работал?

– Я не в курсе, что вы знаете об антропологии, офицер... – с сомнением говорит Джордан.

– Считайте, что ничего, – улыбается Куинн.

Женщина поднимает брови.

– А ведь она более значима, чем вы ее себе представляете. Майкл специализировался на обрядах инициации и жертвоприношениях в примитивных и аборигенных группах. Возрастные посвятельные обряды, шаманские камлания и так далее. Весь спектр социальных, культурных, ритуальных и религиозных факторов, которые влияют...

У Куинна уже совершенно остекленевший взгляд.

– ...Он написал очень впечатляющую докторскую диссертацию, и практически сразу же после этого ему предложили работу в Ливерпуле. Какое-то время казалось, что его карьерный рост никогда не прекратится...

– Но... – подсказал Гислингхэм.

– Простите? – Ее глаза сверкнули.

– Просто я давно этим занимаюсь, – сухо пояснил сержант.

Она улыбается, хотя видно, что ей немного не по себе.

– Скажем так – его взлет оказался короче и не таким быстрым, как можно было ожидать. Исследования заглохли, и я знаю, что в последние несколько месяцев он искал новую работу здесь и в других университетах, но его заявления даже не рассматривали. Все это было строго конфиденциально, – быстро добавляет она, – но я, как его бывший научный руководитель, узнала об этом.

– И как он себя ощущал?

– Уверена, что он был разочарован. А кто бы не был на его месте?

Уж что-что, а профессиональный уход от ответа Гислингхэм отличить в состоянии. Так что он меняет тактику.

– А как он вел себя в последнее время?

– Я не уверена, что понимаю вас.

Опять.

«Что ж, – думает он, – ты сама напросилась».

– Какое у него было настроение? Не менялись ли в последнее время его привычки и поведение?

– Майкл всегда очень осторожен... очень продуман. – Она сначала смотрит на сержанта, а потом отводит взгляд.

– Но?..

– Но в последнее время он вел себя... я бы сказала, «несдержанно». Откровенно высказывался, озвучивая при этом довольно спорные вещи. Вот как-то так...

– И как долго это продолжалось?

– Не знаю. Может быть, месяца три-четыре.

– А был ли кто-то, на кого он особенно злился?

– Нет. То есть я об этом не знаю. Хотя, с другой стороны, ничего существенного не случилось.

Дверь открывается, и появляется миссис Битон с подносом, на котором стоят три кружки, кофейник с кофе и пачка обезжиренного молока. Устанавливает поднос на столе и удаляется, бросив на Джордан многозначительный взгляд. Гислингхэм подозревает, что все это время она подслушивала под дверь. Чайник просто не может закипать так долго.

– А как насчет остального?

– Простите?

Гислингхэм твердо смотрит ей в глаза.

– Вы сказали «ничего существенного». Значит, произошло что-то «несущественное», о чем вы не хотите нам рассказывать. Но поверьте, профессор, все рано или поздно выяснится. И лучше, если вы расскажете нам об этом сами, чем мы выясним это своими методами.

Он слышал, как эту фразу сказал однажды Фаули, и приберег ее для себя на будущее.

Несколько мгновений они смотрят друг на друга, а потом женщина говорит:

– Прежде чем продолжать этот разговор, мне надо проконсультироваться с университетскими юристами. Дело это тонкое, а принимая во внимание то, что произошло...

Она поочередно смотрит на детективов. И видит, что на них ее слова не произвели никакого впечатления.

– Ладно. – Джордан вздыхает. – Строго между нами, я могу сказать, что к нам поступила жалоба от студентки.

– На Майкла Эсмонда?

Анабелла кивает.

«Боже, – думает Гислингхэм, – как будто зуб рвешь».

– Погуливал на стороне? – вмешивается в разговор Куинн, который, кажется, решил, что в понижении в звании есть свои преимущества – и не в последнюю очередь возможность вести себя как придурку, не боясь при этом наказания.

– У меня нет никаких доказательств этого. – Джордан смотрит на него. – Да и женщина, о которой идет речь, не имеет в виду ничего подобного.

– Тогда что же это было? – интересуется Гислингхэм. – Сексистские высказывания? Двусмысленные письма?

– Кажется, на факультетской рождественской вечеринке произошел неприятный инцидент...

– И насколько же он был «неприятным»?

– Не подходящие к случаю комментарии и, очевидно, физический контакт. – Анабелла краснеет. – Все это Майкл яростно отрицает. К сожалению, свидетелей не было.

– То есть ее слово против его, да? – уточняет Куинн.

– Вот именно. С самого начала было понятно, что придется привлечь юридический отдел.

– Было?

– Простите?

– Вы сказали «было понятно». В прошедшем времени.

Профессор опять краснеет.

– Ну да, дальнейшее развитие событий показало все это в другом свете.

«Ну конечно», – думает Гислингхэм. Внезапно он четко понимает, что звонила Джордан совсем не в Китай.

– И вы посчитали лишним обращаться в полицию? – интересуется он.

– Я же уже сказала, что мы еще не решили, как будем действовать.

Гислингхэм открывает блокнот и записывает несколько слов.

– И когда же вы с ним общались – то есть когда он все отрицал?

– Об обвинениях я рассказала ему в конце семестра, а потом мы встретились во вторник.

Гислингхэм не может больше сдерживаться.

– Во вторник, который был второго января? Во вторник, который был меньше трех дней назад? Но вы же только что сказали, что не общались с ним... – Гислингхэм начинает листать блокнот, – ...«довольно давно». Я бы не сказал, что три дня – это довольно давно.

Видно, что женщина чувствует себя сконфуженной. И обведенной вокруг пальца.

– Когда я видела его перед Рождеством, он был весь на нервах, так что я предложила ему все обдумать во время каникул и вернуться к этому разговору в начале января. И он явился сюда во вторник с утра пораньше, перед своей поездкой в Лондон. Я надеялась, что нам удастся прийти к

взаимоприемлемому соглашению.

И опять Гислингхэм кивает.

– Я понял: вы надеялись, что он уволится, так? Дали ему в руки револьвер с перламутровой рукояткой и стали ждать, когда он сделает правильный шаг?

– Вовсе нет, – пытается сдержаться Джордан. – Вы не правы, офицер. Абсолютно не правы.

Но выражение ее лица говорит совсем о другом.

– И как же прошла ваша встреча?

Заметно, что Джордан не знает, что сказать.

– Скажем так, у нас состоялся откровенный обмен мнениями.

«Судя по ее физиономии, – думает сержант, – она хочет свести все к простому “обмену любезностями”. А эта старая кошелка Битон наверняка слышит каждое слово».

– И на чем же вы остановились?

– Я сказала, что в создавшихся обстоятельствах буду консультироваться с руководством университета и пусть оно решает, как нам лучше поступить.

– Но ведь он может потерять работу, так ведь? – говорит Куинн. И это не вопрос, а утверждение. – Я хочу сказать, сексуальные домогательства к студентке в наши дни... Со всеми этими Метoo^[31] и так далее... Да они его за яйца подвешат.

Джордан смотрит на него с нескрываемым презрением.

– Теоретически это действительно может привести к увольнению. Да. Но до этого еще не дошло. По крайней мере, на сегодняшний день.

Однако Майкл Эсмонд мог оценивать ситуацию совсем по-другому. Куинн и Гислингхэм обмениваются взглядами.

– А мы можем поговорить с девушкой? – спрашивает Гислингхэм.

– Она не делала заявления в полицию, – хмурится Джордан.

– Это все понятно, профессор. Но вы же понимаете, почему мы хотим с ней поговорить.

– Да. И уверена, что поговорите. Но существуют определенные процедуры – и мне надо получить соответствующее согласие. Я переговорю сначала с юристами, потом – с молодой женщиной, а затем свяжусь с вами, как только буду готова.

А меж тем в Саммертауне Эверетт только что вернулась после того, как отвезла отца в его дом в пригороде Бистера. Почему-то на все, что связано с ним, ей требуется в пять раз больше времени, чем она изначально планирует. Сегодня утром Верити еще раз в этом убедилась. А о доме для престарелых она так с ним и не поговорила. Но разузнала номер местной службы социального обеспечения и теперь обязательно заставит себя позвонить туда до конца дня. Хотя сейчас ей надо кое-что сделать. Она заскакивает в квартиру, чтобы проверить кота (который явно так же рад тому, что все вернулось на круги своя, как и она), а потом выходит из дома и достает фотографию, которую Бакстер нашел на странице Саманты Эсмонд в «Фейсбуке». Он абсолютно уверен, что на снимке один из магазинов Саммертауна, и Верити с ним согласна. Не зря же она живет здесь вот уже два года.

Спустя пять минут Эверетт открывает дверь. Свечи, фарфор, купальные халаты, полотенца. И если здесь есть что-то не белоснежное, то только потому, что оно из стекла. Все кругом настолько утонченное, изысканное и благоухающее, что Верити, стоя посреди этого великолепия, чувствует себя пигмеем. К счастью, ждать ей приходится недолго – девушка за прилавком поднимает на нее глаза и улыбается.

– Вас интересует что-то определенное? У нас сейчас распродажа.

Эверетт нервно обходит столик с разноцветными бокалами для шампанского и достает свое удостоверение.

– Детектив-констебль Эверетт, полиция долины Темзы. Могу я поговорить с управляющим?

– А что, что-то случилось? – Видно, что девушка насторожилась.

Эверетт включает улыбку.

– Нет, ничего. Мне просто надо поговорить вот с этой леди с фотографии.

Девушка берет у нее фото и кивает.

– Ну, конечно, это Мел. У нее перерыв. Я сейчас ее позову.

Девушка исчезает в глубине магазина, а Эверетт остается таращиться на бокалы для шампанского. Те, что стоят у нее, подарила ей мама, когда она впервые уезжала из дома. Кажется, что они сошли прямо с рекламы «Бейбишама»^[32].

– Здравствуйте. Простите, но Дженна не смогла вспомнить вашего имени.

Верити поворачивается. Перед ней действительно женщина с фотографии. Среднего роста, с приятными чертами лица и аккуратно подстриженными темно-каштановыми волосами. В свете безжалостных

ламп ее губы кажутся багровыми.

– Констебль Эверетт, – представляется детектив, протягивая руку. – Верити.

– Мел Кеннеди. И зачем я вам?

– Эта женщина на фото рядом с вами...

– Сэм? Так вы по поводу Сэм?

– А вы видели пожар в новостях? – спрашивает Эверетт, глубоко вздохнув.

– Нет, только не дети, – женщина бледнеет, – только не говорите, что...

– Мне очень жаль. – Верити смотрит, как Кеннеди на ощупь находит стул и тяжело опускается на него. Руками она зажимает рот. Шок выглядит вполне естественным.

– Успокойтесь. Хотите воды?

– Не могу в это поверить. – Кеннеди трясет головой.

– Когда вы видели миссис Эсмонд в последний раз?

Какое-то время Кеннеди молча смотрит на детек-тива.

– А знаете, я не помню... Может быть, прошлым летом?

– Этой фотографии, мне кажется, несколько лет?

– По крайней мере, три года. – Девушка еще раз смотрит на фото. – Работала она здесь очень недолго. Но у нас были неплохие отношения. Действительно неплохие.

– Нам пока не удалось обнаружить миссис Эсмонд. – Эверетт на шаг приближается к своей собеседнице. – Вы, случайно, не знаете, где она может быть?

– Она была очень закрытым человеком. – Мел качает головой. – И почти ничего не говорила о своей личной жизни.

– У нее не было друзей? К которым она могла бы уехать?

Девушка беспомощно пожимает плечами.

Эверетт набирает побольше воздуха в легкие – вопрос, который она собирается задать, не из простых.

– Зная миссис Эсмонд – Сэм, – как по-вашему, могла ли она оставить детей одних в доме?

Ответ Кеннеди уже готов.

– Сэм никогда так не сделала бы, – говорит она со страстью. – Ни за что!

– А почему она ушла отсюда?

Достав бумажный платок, Кеннеди сморкается.

– Она тогда носила Захарию. И ее муж решил, что для нее это будет слишком тяжело. Ведь у них уже был Мэттью. Но, между нами говоря, мне

кажется, что он с самого начала не хотел, чтобы она работала. Вечно нас подкалывал: «И что вообще представляет из себя весь этот потертый шик?» Ну и тому подобное. Мне кажется, он немного высокомерный. И немного сноб.

– А вы часто его видели?

– Нет. Он редко сюда приходил. Как я уже говорила, мне кажется, он не одобрял того, что его жена работает в магазине.

– А на ваш взгляд, они были счастливы? Проблем в семье не было?

– Нет, конечно. Ничего похожего. Он на нее надыхаться не мог. Так она всегда говорила.

* * *

21 февраля 2017 года, 07:45 утра

317 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Она просыпается от стука тарелок. Сон был необычно глубоким, и сейчас она выплывает из него, как из полузабытой угрозы, – так чувствует себя человек, вырываясь из затягивающей его глубины. Вторая половина кровати холодная – Майкла нет на месте. И это тоже необычно: он никогда не встает первым. А потом она вспоминает. Сегодня ее день рождения. И именно поэтому снизу слышится весь этот шум. Мальчики готовят ей завтрак в постель. Один и тот же сюрприз повторяется из года в год, но ей всякий раз удается притвориться, что для нее это полная неожиданность. Она садится и с усилием запикивает подушку себе под спину. Несмотря на центральное отопление, в комнате холодно. Она тяжело вздыхает. Единственный способ избежать холода – это содрать со стен всю штукатурку и утеплить их по-новой. Именно это сделали их соседи напротив, прежде чем въехать. Но они в то время снимали где-то жилье, и им не пришлось жить в доме во время ремонта. Она получила предложение от строительной фирмы, но, когда пыталась обсудить его с Майклом, он вечно начинал жаловаться на будущую грязь.

Теперь на лестнице раздаются звуки шагов, и она слышит, как Захария что-то громко говорит, а Мэтти успокаивает его: «Тише, тише!» Несколько мгновений спустя дверь открывается, и в нее, крича во всю силу своих легких: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!», врывается Захария. Он забирается на кровать, набрасывается на нее, а его отец говорит: «Тише, Тигра!» И это

тоже повторяется из года в год.

Майкл пристраивается на краю кровати и передает ей поднос. На нем: чай, налитый в одну из веджвудских^[33] чашек, которые подарила им его мать, сваренное яйцо (вклад Мэтти) и три куска тоста, щедро намазанные клубничным джемом (это Захария). Здесь же, в маленькой вазе, стоит роза. Майкл поворачивается к старшему сыну, который держится сзади с немного отрешенным лицом.

– Подходи, Мэтти. Хватит тебе там дуться.

Тот поправляет на носу очки – Саманта знает, что они ему велики, но окулист настоял. Сын робко подходит и протягивает ей два свертка.

– Ты же сам упаковывал, да, Мэтти? – говорит Майкл, подталкивая его еще ближе.

Мэтти кладет свертки на кровать и осторожно забирается к матери. Она протягивает руки, прижимает его к себе и целует в голову. Захария начинает ерзать, и чай проливается в блюдце.

– Мамочка, ешь же тост!

– Обязательно, моя душистая горошинка, – отвечает мать и замечает тень на лице мужа. – Только позволь, я сначала выпью чай, пока мы не залили всю кровать.

Яйцо сварено почти вкрутую, но она съедает его полностью, а потом с облегчением вздыхает и отдает поднос мужу.

– Отлично, – говорит тот, улыбаясь. – А теперь – подарки!

Мальчики дарят ей те же духи, что и в прошлом году, и она целует их, а потом аккуратно складывает упаковочную бумагу, отрывает поздравления, которые написал сам Мэтти, и кладет все это в свою тумбочку так, чтобы мальчик это видел. Такие вещи очень важны для Мэтти.

Подарок Майкла лежит в маленькой коробочке. Серьги из серебра в форме кисточек. Несколько недель назад она увидела такие на одной актрисе и сказала, что они ей очень нравятся. А он запомнил. Запомнил и потратил бог знает сколько времени, чтобы найти их. Она поднимает глаза и видит, как муж улыбается ей. У него пока нет и намека на седые волосы, и он так же строен, как в тот день, когда они встретились впервые. На той вечеринке в Хэрни. Сэм даже не помнит, в чьем доме это было. Она всего пару месяцев назад окончила школу, а он был уже на полпути к званию доктора философии^[34]. Даже сейчас она иногда не верит, что он действительно выбрал ее.

– Они прекрасны, – негромко говорит Саманта.

– Как и ты. – Он тянется и берет ее за руку. – Я подумал, что ты можешь быть в них сегодня в «Джи’з».

– Конечно. – Она улыбается. – Обязательно.

– Ладно, ребята. – Он оборачивается к детям. – Давайте оставим мамочку в покое, ладно? Ей надо отдохнуть.

* * *

В 12:30 профессор Джордан поднимается по ступеням административного здания университета. Здания, которое в этом городе архитектурных чудес ожидаемо должно быть чем-то действительно необычным, но в действительности является обыкновенной бетонной конструкцией, построенной в 70-е; в нем с одинаковым успехом могли бы разместиться и городская средняя школа, и офис городского совета, и Министерство обороны. На втором этаже, в переговорной, ее уже ждут три человека. Ректор колледжа, в котором работает Эсмонд, и Николас Грант из офиса проректора. Третью участницу, хорошо одетую в черный костюм с крупными украшениями из жемчуга молодую женщину, представляют ей как руководителя отдела по связям со средствами массовой информации, Эмили Макферсон. Анабелла никогда не встречала ее раньше и считает это плохим предзнаменованием.

– Итак, – начинает Грант, – спасибо, что нашли возможность так быстро откликнуться на наше приглашение. В создавшейся ситуации все мы должны быть уверены, что дудим в одну дуду.

Джордан мысленно ставит галочку в своей карточке подсчета произнесенных Грантом банальностей. Первая же фраза, и он открывает счет – отличная работа, даже для Гранта. Лиха беда начало.

Джордан тяжело кладет свою холщовую сумку на стол и садится напротив Гранта.

– Давайте, – предлагает тот, – вы кратко изложите содержание нашего телефонного разговора, чтобы ввести Эмили в курс дела.

– Конечно, Николас. – Профессор поворачивается к Макферсон. – В конце прошлого семестра Нед Тейт из Магдалины^[35] пожаловался мне на случай сексуального харрасмента с участием Майкла Эсмонда и Лорен Камински, одной из наших аспиранток. Лорен – девушка Неда. Все это, очевидно, произошло на рождественской факультетской вечеринке. Лорен и Майкл одновременно вышли покурить. Он стал флиртовать с ней, и невинный флирт очень быстро превратился в нечто более серьезное. Так,

по крайней мере, рассказывает девушка. По ее словам, в тот момент Майкл был сильно пьян.

– Это кто-то может подтвердить? – задает вопрос Макферсон. – Я имею в виду алкогольную интоксикацию.

– Боюсь, что да, – вздыхает Джордан. – Я сама видела его в тот вечер.

– Но свидетелей самого инцидента нет?

– Нет. Лорен утверждает, что он начал трогать ее за грудь, а она его оттолкнула.

– И это всё? – спрашивает Грант.

– А разве вам этого недостаточно? – отвечает Джордан вопросом на вопрос.

– Что он сказал, когда вы с ним разговаривали? – спрашивает Макферсон. У нее легкий шотландский акцент. И очень приятный голос.

– Он все отрицал. Яростно. Употреблял непечатную лексику. Сказал, что женщина тоже была пьяна, что, кстати, соответствует действительности. Ясно было, что он находится на взводе – не просто зол, а в состоянии, близком к параноидальному. Меня это насторожило. И я предложила ему все еще раз обдумать и встретиться после каникул.

– Лучше было бы, если бы он уволился к чертовой матери и дело закрылось бы само собой, – замечает Грант.

– Для вас – может быть. – Джордан бросает на него быстрый взгляд. – Но вы сами знаете, работа в университете на дороге не валяется. А у него семья. И потом, вдруг он говорит правду? В этом нет ничего невозможного.

– А что говорят в юридическом отделе? – спрашивает Макферсон.

– Я с ними еще не говорила. Как раз собиралась, когда мы все услышали про пожар.

– И все-таки это надо сделать, – говорит Макферсон с дружеской улыбкой. – Если в это дело вцепится пресса, нам надо знать, на чем мы стоим.

– А девочка что-то говорит? – Это Грант.

Джордан сдерживается, чтобы не указать ему на множество нарушений политкорректности, которые включает в себя слово «девочка».

– Не в данный момент. Мне надо будет встретиться с ней после того, как она вернется из Штатов.

– И, как я понимаю, у вас была встреча с полицией? – подает голос ректор колледжа Эсмонда.

– Да, у меня были двое офицеров из криминального отдела. Я рассказала им об этом обвинении и, если вы не возражаете, назову им имя Лорен. Мне кажется, будет сложно отказать им в нынешних условиях.

Ректор согласно кивает.

– Ну, и каков же наш план на игру? – спрашивает Грант.

Джордан ставит еще одну галочку в своей карточке.

– Не думаю, что мы можем выработать правильный курс, – замечает Макферсон, – до тех пор, пока мы а) не будем знать, что произошло с доктором Эсмондом, и б) не будем уверены, что это действительно был поджог. Но если будет точно установлено, что загорелось не случайно...

– И тут мы подходим к главной причине, по которой собрались здесь, – прерывает ее Грант. – Полагаю, – тут он поворачивается к Джордан, – вам хватило ума не обсуждать с полицией это второе дело?

– Конечно, да, – огрызается профессор. – За кого вы меня принимаете?

– А с ним вы говорили?

– Он в панике позвонил мне, как только увидел новости. Я посоветовала ему сыграть на опережение, сделав добровольное заявление.

– И он последует вашему совету? – интересуется Макферсон.

– Сказал, что да. И, будем надеяться, этим все и закончится.

– Вы уверены? – не отстает от нее Грант. – А как со всем... остальным?

– Он клянется, что уничтожил все следы.

Грант смотрит ей прямо в глаза.

– Остается только надеяться, что вы не ошибаетесь, – произносит он со значением.

* * *

Сразу после трех часов дня детектив-констебль Асанти покидает станцию метро «Дамба» и выходит под набухшие влагой небеса, навстречу резким порывам ветра, дующего с реки. Кажется, что даже деревья съежились от холода. Он натягивает перчатки и направляется на север, в сторону Королевского колледжа. В Лондоне Асанти впервые после того, как перевелся в полицейское управление долины Темзы три месяца назад, и всю дорогу, пока ехал на поезде, он размышлял, что ощутит, вернувшись назад. Хотя это даже не его «околоток». Полицейский участок в Брикстоне находится отсюда в паре миль по прямой и в то же время гораздо дальше, если измерять расстояние любыми другими человеческими мерками. А что касается того места, где он вырос – еще пять миль на запад, – то оно находится вообще в параллельной вселенной. И его новые коллеги в участке Сент-Олдейт ничего об этом не знают. Они только слышали слово

«Брикстон», а дальше могут домысливать что хотят. А он не позволит разным проявлениям бытового расизма выбивать его из колеи. Потому что, да, его участок находился именно в Южном Лондоне^[36], но учился он в Харроу^[37], а его папа из Ганы – бывший дипломат, а английская мама – генеральный директор фармацевтической компании. И живут они в особняке с оштукатуренным фасадом на площади Холланд-Парк^[38]. И зовут они его Антони^[39], через «А». Родители все еще ошеломлены его выбором карьеры, но Энтони всегда рассматривал службу в полиции в качестве простого патрульного как ступеньку в достижении своей главной цели. Теперь все будет по-другому – теперь он в Оксфорде. Он умен и амбициозен, а это те качества, которые город, по его мнению, сумеет оценить. Вместе с сообразительностью, как в сфере интеллектуальной, так и в социальной. Ему хватает ума, чтобы понимать, о чем стоит молчать, а о чем кричать. Сейчас наступило время наблюдать и учиться. И он считает, что детектив-инспектор Адам Фаули будет ему лучшим наставником.

* * *

Я уже, наверное, в сотый раз проверяю свой телефон, когда в дверь стучится Гис.

– Этот мобильный в доме, – начинает он. – Тот, что был на зарядке в кухне...

Я продолжаю смотреть на экран своего телефона. От Алекс ничего нет. Все еще.

– Так вот, получается, что он принадлежит ей. – Он чуть повышает голос. – Жене.

Теперь я уже слушаю его. И очень внимательно.

– Значит, возможно...

– Думаю, что она все еще там. – Сержант кивает.

– Боже! – Я бросаю собственный телефон на стол.

Гислингхэм делает шаг вперед и кладет передо мной распечатку.

– Мы тут поработали с данными о звонках с мобильного Эсмонда. Последний раз он пользовался им во вторник в час пятнадцать дня, когда звонил в банк. В то время Эсмонд уже был в Лондоне. Потом телефон отключили, и вновь он заработал в десять тридцать пять вечера в среду.

– В среду? В тот вечер, когда произошел пожар?

– Правильно. И находился он где-то в районе Тоттенхэм-Корт-роуд^[40].

Дальше ничего объяснять не нужно: Эсмонд находился на расстоянии пятидесяти миль от дома в то время, когда пожар уничтожил его жилище и его семью. И тот, кто устроил этот пожар, вполне мог об этом знать.

– Телефон работал где-то около часа, – продолжает Гислингхэм. – Эсимонд опять выключил его в одиннадцать сорок пять вечера. И за все время работы телефона никуда не звонил, и ему тоже никто не звонил.

– И это всё?

– С тех пор аппарат выключен. – Сержант кивает.

– А звонки за последние три месяца? Есть что-то необычное?

– Бакстер просмотрел журнал, но не смог обнаружить никаких закономерностей. – Гис листает пачку распечаток. – Обычно он по несколько раз в день звонил домой, но в этом нет ничего необычного. А так всё больше обычные звонки – например, в газовую компанию или в дом для престарелых, где содержится его мать.

– Больше?

– Ну, есть одна вещь, которая может показаться интересной. В последнее время он часто звонил на мобильный номер с предоплаченным тарифом, но выяснить, кому принадлежит номер, будет очень не-просто.

– И когда начались эти звонки?

– В июне прошлого года. – Гис сверяется с распечаткой. – Сначала по паре звонков в месяц, а потом он стал звонить чаще. По два-три раза в неделю. Последний был утром двадцать четвертого декабря.

– Но не в день пожара?

– Нет. – Гислингхэм качает головой и достает еще одну распечатку. – Хотя на этот номер несколько раз звонили и со стационарного номера в доме Эсмонда. Последние два раза перед Рождеством. А с мобильного его жены – ни разу. Это так, для сведения.

– Думаю, что ты уже попытался позвонить по этому таинственному номеру.

– К сожалению, на звонки никто не отвечает.

– А мы знаем, где был этот мобильный, когда на него звонил Эсмонд?

– Один раз – в Лондоне, а все остальные разы – только в Оксфорде. И в основном в районе Ботли-роуд. Но, не зная имени владельца, это будет все равно что искать черную кошку в темной комнате.

Ну, да, хорошо бы еще быть уверенным, что она там есть...

По-видимому, я вздохнул, поэтому Гислингхэм заторопился:

– Технари мониторят мобильный Эсмонда на тот случай, если он опять включит его. Но сейчас, где бы ни был Эсмонд, он не разговаривает.

Я смотрю сначала на Гиса, потом на часы. Ровно через двадцать пять

минут Майкл Эсмонд должен заговорить – он будет стоять перед полным залом слушателей.

– Знаю, – говорит Гислингхэм, словно прочитав мои мысли. – Асанти звонил полчаса назад – пока Эсмонда нигде не видно. Но это не значит, что он не появится. Он вообще может быть одним из тех, кто все делает в последнюю минуту.

Но по его лицу я понимаю, что сам он в это не верит. И, честно говоря, я тоже.

* * *

На Саути-роуд стемнело, и пожарным дознавателям приходится зажечь дуговые лампы. Около часа назад начался снег, и несмотря на то что они натянули над местом поисков брезент, крупные белые хлопья всплывают под него, попадают в золотой свет ламп и медленно опускаются на горы почерневших обломков.

Пол Ригби разговаривает по телефону за пределами навеса, когда у него за спиной раздается крик. Он оборачивается и видит, как один из экспертов отчаянно машет ему рукой.

– Что-то нашел?

Мужчина кивает, и Ригби идет в его сторону, перебираясь через кучи мусора, черепицы и стекла, которое хрустит под его подошвами. Три человека из его команды смотрят на что-то у себя под ногами. Ригби слишком часто видит подобное выражение на лицах, чтобы ошибиться. Под перекрученной оконной рамой, кусками труб и искореженным листом пластика что-то виднеется.

Человеческая рука.

* * *

На этот раз, когда Гис заходит ко мне в кабинет, мне достаточно одного взгляда, чтобы понять: что-то случилось.

– В чем дело? Эсмонд нашелся?

– Нет, – отвечает сержант с гримасой. – Он так и не появился. Асанти разговаривал с организаторами, и они о нем ничего не знают. Он не позвонил, не прислал сообщения – вообще ничего.

Я тяжело вздыхаю. А потом вдруг понимаю, что совершенно не удивлен этим. Где-то я даже ожидал нечто подобное. Я что, уже подозреваю его? Не думаю – по крайней мере, неосознанно. Но внутренний голос ясно говорит мне об обратном.

Гис делает шаг в кабинет.

– Но, хотя мы так и не нашли его, зато нашли ее. Я за этим к вам и пришел. Звонил Ригби. На месте пожара найдено еще одно тело. Как мы и думали.

– Женское?

Гис кивает.

– И они уверены, что это она?

– Насколько в этом вообще можно быть уверенным. На ней какая-то пижама. Похоже, что она была в одной из спален на верхнем этаже. Очень надеюсь, что она спала и так ничего и не поняла.

В отличие от ее сына, который в ужасе проснулся и понял, что он совсем один.

Я поднимаю глаза на Гислингхэма и вижу, что тот думает о том же.

– О Мэтти больше никаких новостей, босс, – говорит он. – Но надежда умирает последней, да?

* * *

9 апреля 2017 года, 14:13

270 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– А, чтоб тебя!..

Майкл Эсмонд бросает лопату, и та с металлическим звуком падает на

землю. Он умудрился обломать ручку о куст, который собирался пересадить. Тяжело дыша, Майкл стоит и смотрит на торчащий обломок ручки. Честное слово, у него есть дела поинтереснее.

– Всё в порядке? – спрашивает Саманта, подходя. Она протягивает ему кружку с чаем. На ней написано: «С днем рождения, папочка!»

– Да, все нормально, – отвечает Майкл с легким раздражением – это его жене пришло в голову пересадить гребаный бордюр. – Сломал ручку лопаты, а в остальном все хорошо...

Саманта смотрит через сад туда, где играют ее сыновья. Мэтти пытается заинтересовать Захарию игрой в футбол, но малыш просто бегаёт за мячом, визжа от радости.

– Ты должен быть вратарем, – устало объясняет Мэтти. – А я буду бить.

– Может быть, нам стоит нанять кого-нибудь? – решает Саманта. – Чтобы ухаживал за садом.

– Ты же знаешь, – муж поворачивается к ней, – что садовники в этом городе стоят кучу денег.

– Я не про компании, – быстро продолжает Саманта. – Может быть, поспрашивать на факультете? Должны же быть студенты, которые хотели бы заработать на пиво.

Майкл все еще смотрит на поломанный инструмент.

– Все это вина папаши, – говорит он наконец. – Зачем надо было сажать такой кустарник?

– Думаю, что он хотел придушить сорняки, – говорит Саманта, стараясь не смотреть на другой бордюр, где уже видны первые ростки крапивы. Она не хочет, чтобы муж думал, что она его критикует, но сад таких размеров нуждается в уходе как минимум дважды в неделю.

Майкл допивает чай и поворачивается к жене, в первый раз достаивая ее взглядом.

– Как ты себя чувствуешь?

– Все хорошо, – быстро отвечает она.

– Выглядишь повеселее... В любом случае лучше, чем вчера.

– Прости, но я чувствовала себя такой измученной... Вовсе не хотела взваливать это на тебя.

– Всё в порядке, – отвечает он. – Для этого я и существую. Чтобы присматривать за тобой. За тобой и за мальчишками.

– А ты не думаешь, что я... – начинает Саманта после некоторого колебания.

– Нет, – твердо отвечает он. – Плохая идея. Мы не можем обсуждать

все это по новой. Ты не можешь, и я не могу.

– Но я ненавижу все это – живу, как в тумане... Прошу тебя, Майкл...

Ответ ее мужа заглушают крики их младшего сына, который неожиданно врывается в своего отца с обломком ручки лопаты в руках и с криком: «Папа, папочка, ты сломал лопату! Ты сломал ее, папочка!»

* * *

– А, вот и ты, Фаули. Присаживайся.

Я стоял возле кофеварки, когда меня разыскал личный помощник суперинтенданта Харрисона и предложил мне «заглянуть» к шефу и поделиться с ним последними новостями. А как говаривал мой инспектор, когда я еще был детективом-констеблем, «предложение – предложением, но не стоит забывать, кто его делает».

– Я думал, что мы закончим дело Эсмонда до выходных, – говорит Харрисон. Наверное, на уик-энд у него какие-то планы, и он не хочет, чтобы им помешали. – И мне тут звонили – думаю, ты понимаешь, о чем я...

Конечно, о звонках из университета. И если вы спросите меня, то точно не от Анабеллы Джордан. Речь, скорее, может идти об одном из высоких кабинетов на Веллингтон-сквер, где вдруг озаботились, как все это выглядит в глазах общественности.

– Так на чем мы стоим, Адам?

Мне не требуется много времени на отчет. Да и зачем оно – у нас ведь ничего нет.

Харрисон задумывается. И наверняка об этих высоких кабинетах.

– А что с машиной?

– На камерах дорожного наблюдения – ничего. Система распознавания номеров ничего не обнаружила.

– Кредитные карты?

– Ждем ответа из банка. Из-за праздников у них не хватает людей.

Так же, как и у нас.

Супер откидывается на спинку кресла и соединяет перед собой кончики пальцев.

– И что же делать?

Но к этому вопросу я готов.

– Есть одна вещь, сэр, которую можно попробовать...

Сайт газеты «Оксфорд мейл»

Пятница, 5 января 2018 г. Последнее обновление в 18:11

Срочная новость: Возможно, найдена еще одна жертва пожара в Оксфорде. Полиция обращается к отцу с просьбой явиться добровольно

Ранее жители Саути-роуд сообщали, что видели утром на месте вчерашнего пожара катафалк. Все это происходит на фоне неподтвержденных слухов о том, что в доме найдено тело миссис Саманты Эсмонд.

Миссис Эсмонд, 33 лет, не видели с момента начала пожара. Захария Эсмонд, 3 лет, погиб в огне, а его старший брат, Мэтти, остается в критическом состоянии в палате интенсивной терапии больницы Джона Рэдклиффа. Изначально считалось, что миссис Эсмонд и ее муж Майкл, 40 лет, пропали без вести, но складывается впечатление, что полиция прекратила поиски миссис Эсмонд, усилив таким образом подозрения, что найденное тело принадлежит ей.

На сегодняшней пресс-конференции детектив-инспектор Адам Фаули публично обратился к Майклу Эсмонду с призывом явиться в полицию добровольно: «Мы не знаем, где находится мистер Эсмонд, нас все больше и больше беспокоит его отсутствие, и мы призываем его связаться с нами как можно быстрее. Если кто-то из жителей видел доктора Эсмонда в любое время после 2 января, когда он зарегистрировался на конференции в Лондоне, мы будем очень благодарны, если он сообщит нам об этом».

Детектив Фаули отказался обсуждать вопрос, является ли доктор Эсмонд поджигателем, так же как и личность второй найденной жертвы.

«В свое время будет сделано официальное заявление», – сообщил он. Эсмонд, 40 лет, является сотрудником факультета антропологии. Офис Университета на Веллингтон-сквер выпустил официальное заявление с соболезнованиями семье Эсмонда и его друзьям.

Хаос на фоне затянувшихся работ на перегоне между Оксфордом и Дидкотом

Пассажирам приходится долго ожидать компенсационных автобусов после того, как инженерные работы, намеченные на рождественские праздники, не были закончены.../читать дальше

Сообщено с совет Оксфорда наметил план мероприятий в честь 100-й годовщины окончания Первой мировой войны... /читать дальше

Водителей предупреждают об осторожности после кражи машины от самого дома

Вчера у жителя Оксфорда была похищена машина, которую он оставил с включенным двигателем, чтобы прогреть.../читать дальше

Футбол: Молодежная лига «Оксфорд мейл», обзоры и результаты... /читать дальше

«Чудесный ребенок» покидает больницу Джона Рэдклиффа

Девочка, родившаяся на два месяца раньше срока и с редким пороком сердца, сегодня покинет клинику вместе со своей мамой... /читать дальше

213 комментариев

Tenant of Wildfell77

Где же этот гребаный папаша – вот что мне хотелось бы знать. За все это время он ни разу не позвонил и не смотрел новостей по телевизору? Простите, но это хрень какая-то...

nick_trelawney_40

Даже если мать все-таки была в доме, для меня все это дурно пахнет. Такие дома не сторают дотла за пять минут.

EchinasterGal556

А я все думаю об этом несчастном ребенке. Каково ему будет, когда он придет в себя и узнает, что его мамочка и маленький братик умерли?

VivendiVerve

Дом наших друзей сгорел дотла из-за светильников, которые неправильно установили. Люди не понимают, что светильники могут перегреться и поджечь весь дом. После всего случившегося мы проверили наши и выяснили, что они тоже должны были вот-вот загореться. Чудо, что мы успели вовремя. Проверьте свои – это мой вам совет.

* * *

Отправлено: Пт 05/01/2018 в 19:35

Важность: Высокая

От: Colin.Boddie@ouh.nhs.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk,
AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

Тема: Дело № 556432/12 Феликс-Хаус, Саути-роуд, 23

Я только что закончил вскрытие трупа женщины, найденного в доме. Предварительная причина смерти – отравление продуктами горения, но для того, чтобы окончательно подтвердить это, мне надо будет провести анализ крови и токсикологию. На данном этапе обращает на себя внимание небольшое, но свежее повреждение на правой стороне шеи. Думаю, что оно появилось в течение 48 часов, предшествовавших смерти.

После того как я немного отмою тело, можно будет провести формальное опознание в присутствии родственников.

* * *

В субботу, в 8:30 утра, Гислингхэм сидит на полу в своей гостиной. Комната выглядит как блошинный рынок, в который попал метеорит. Из коробок для украшений тянется мишура, поздравительные открытки сложены в стопку и готовы к переработке, провода китайских фонариков

запутаны. И среди всего этого – Билли. Который прячется под коробками, срывает украшения с наполовину разобранной елки и ездит среди этого хаоса на своей любимой пластмассовой машине. И неважно, насколько тщательно Гислингхэм укладывает коробки: стоит ему отвернуться, и Билли начинает вновь опустошать их. Он явно думает, что это очень веселая игра, которую затеяли только для него. Более того, так весело ему было, пожалуй, только один раз в жизни, когда он начал открывать горы подарков со своим именем на них.

В комнату, вытирая руки полотенцем, входит Джанет.

– Крис, следи за тем, чтобы он не ушибся.

Билли смотрит на нее со своего места на полу. На нем крохотная футболка клуба «Челси» с надписью «Чемпионы-2017» на спине.

Гислингхэм бросает на него быстрый взгляд.

– Он прекрасно проводит время. Правда, Билли?

Джанет наклоняется чуть ближе.

– А это что у него на лице, шоколад?

– На елке осталось два нетронутых Санты.

Билли хмыляется во весь рот и начинает колотить ручками по машине.

– Ладно, я сдаюсь, – Джанет улыбается. – Пусть мальчики занимаются своими игрушками. Хотя хорошо было бы, если б ты все-таки убрал украшения. Может быть, успеешь к *следующему* Рождеству? И *больше* *никакого* шоколада!

Она выразительно смотрит на Гислингхэма, а потом поворачивается и возвращается на кухню. Сержант подмигивает сыну и достает из кармана еще одного Санту, завернутого в красную и золотистую фольгу.

– Только не говори мамочке, – произносит он театральным шепотом, и Билли повизгивает от восторга.

– *А я все слышу!* – кричит жена.

Кажется, никогда она не чувствовала себя счастливее.

* * *

Сайт газеты «Оксфорд мейл»

Суббота, 6 января 2018 г. Последнее обновление в 10:23

Пожар в Оксфорде: Пока никаких новостей

Пожарным дознавателям еще предстоит подтвердить

причину возгорания в доме номер 23 по Саути-роуд, где, как известно, погибли два человека. Трехлетний Захария Эсмонд погиб в огне. Предполагается, что труп его матери, Саманты, был тоже найден на месте катастрофы. Ее старший сын, Мэтти, все еще остается в палате интенсивной терапии госпиталя Джона Рэдклиффа. Детектив-инспектор Адам Фаули подтвердил, что пожарные дознаватели продолжают свою работу, но отказался обсуждать возможность поджога. Хотя он подтвердил, что дом не был отделан сайдингом, который, таким образом, не стал причиной быстрого распространения огня, как об этом говорили некоторые комментаторы.

По информации «Оксфорд мейл», Майкл Эсмонд, 40 лет, все еще не обнаружен.

Местная девушка добивается успеха в конкурсе «Британия ищет таланты».

Родившаяся в Банбэри 26-летняя Кэти Пауэр вышла в следующий тур популярного шоу.../читать дальше

В «Вестгейт-сендер» создан торговый центр 21-го столетия

Популярный реконструированный «Вестгейт-сендер» в центральном районе Оксфорда превратился в еще один «отличный» торговый район, сообщает... /читать дальше

Оксфордский книжный фестиваль: названы главные участники

Программа Оксфордского книжного фестиваля 2018 года будет включать Ричарда Докинса, Клэр Томалин, Пенелопу Лайвли и Руби Вокс.../читать дальше

Дело «Извращенца»: полиция говорит о двух новых случаях

Предполагается, что ночной бродяга, проникающий по ночам в дома жителей, но ничего оттуда не воруящий, появился вновь, на этот раз в Саммертауне... /читать дальше

87 комментариев

nick_trelawney_40

«Все еще не обнаружен»? Я же говорил, что здесь все не так просто, как кажется на первый взгляд.

MedoraMelborne

А я думала, что в наше время результаты экспертизы получают практически сразу.

Strictervictor_8_9

Вы смотрите слишком много сериалов по ящику. Чтобы обработать такую площадь после пожара, могут потребоваться недели.

7788PlatinumPat

Я встречала Саманту Эсмонд – Мэтти учится в школе Епископа Христофора, там же, где и мои двое. Мне она показалась очень приятной женщиной.

* * *

Когда Гис позвонил, я только что вернулся из «Теско»^[41] с новой порцией пиццы и замороженных продуктов. Я езжу туда уже третий раз за последнюю неделю. И постоянно убеждаю себя в том, что Алекс вернется через пару дней и что мне не хочется, чтобы в этот момент холодильник оказался полон еды, которую никто не будет есть. И вообще, мне кажется, давно пора, чтобы какой-нибудь умник объяснил всем, что «отрицание»^[42] – это не пустой звук...

– Мне наконец отзвонилась профессор Джордан, – сообщает Гис. – Женщину, к которой якобы приставал Эсмонд, зовут Лорен Камински. Она аспирантка в Вольфсон-колледж.

– А это почти за углом от Саути-роуд...

– Я звонил туда, но мне сказали, что она уехала на Рождество. Домой, в Нью-Йорк. Но вроде бы должна вернуться в этот уик-энд. Мне позвонят, как только она появится, и мы съездим туда. Некоторые вопросы лучше задавать, глядя прямо в глаза.

– А как насчет нашего призыва?

Я слышу, как он вздыхает.

– Мне кажется, позвонило уже человек тридцать пять. Отовсюду, начиная с Саутгемптона и кончая Саут-Шилдс^[43], так что я сомневаюсь, что хотя бы одному из них можно верить. Но в тот момент, когда ты обращаешься за помощью к Великой Британской Нации... ну, дальше вы сами все знаете.

Знаю. И очень хорошо.

– Но боюсь, что есть кое-что еще, босс. – Теперь я слышу, как изменился его голос. Ясно, что у него плохие новости. – Я не хотел беспокоить вас в выходные, но появились родители. Родители Саманты.

– Мы что, их разыскали?

– Не совсем так. Они приехали сюда. И сейчас находятся в здании. Они получили наше сообщение, но до этого уже успели увидеть новости, пока были на каникулах. И приехали прямо из аэропорта.

Я роняю пакеты с едой и выпрямляюсь, пытаюсь перестроиться. Дерьмовая работа становится вдруг в десять раз дерьмовее.

– Ладно. Посади их в какую-нибудь допросную попримечнее и организуй кофе, хорошо? Я буду через двадцать минут.

* * *

Запись беседы с Грегори и Лорой Гиффорд в полицейском участке Сент-Олдейт, Оксфорд, 6 января 2018 г., 11:05

Беседу провели детектив-инспектор А. Фаули и детектив-констебль В. Эверетт.

А.Ф.: Прежде всего мне хотелось бы сказать вам, мистер и миссис Гиффорд, что мы очень сожалеем о случившемся. Вам, должно быть, уже известно, что пожарные нашли еще одно тело. И я боюсь, что это тело вашей дочери.

Г.Г. (касясь руки своей жены; миссис Гиффорд начинает всхлипывать): Мы тоже этого боимся. Что бы ни говорили по телевизору, мы уверены, что Саманта никогда не оставила бы детей одних. Так что мы знаем, что в доме нашли именно ее.

А.Ф.: Я также хочу извиниться, что мы не смогли сообщить вам о пожаре до того, как вы увидели новости.

Г.Г.: Ну, мы же были на отдыхе, не так ли? В наши дни все происходит именно так. Одни сплошные новости.

А.Ф.: И тем не менее мне очень жаль. Я должен предупредить вас, что

эта комната оборудована записывающей аппаратурой. С вашего позволения, мы хотели бы записать все, что вы скажете. Трудно переоценить, насколько ваши слова будут важны для наших розысков. И меньше всего на свете мы хотели бы вызывать вас сюда еще раз, чтобы вы отвечали на новые вопросы.

Л.Г. (продолжая всхлипывать): Я не очень понимаю, что мы можем вам сообщить. Ведь это был несчастный случай, да?

В.Э.: Мы пока не уверены в этом на все сто процентов, миссис Гиффорд. Пожарная служба все еще работает в доме и продолжает свое расследование.

Л.Г.: Вы хотите сказать, что кто-то намеренно поджег дом? С Самантой и этими милыми малышами, спящими внутри? Кому мог прийти в голову этот ужас?

Г.Г. (успокаивая жену): Вы действительно так думаете, инспектор?

А.Ф.: Я знаю, что разочарую вас, но в настоящий момент возможно и то, и другое. Именно поэтому мы и хотели с вами поговорить.

Г.Г. (обмениваясь взглядами с женой): Знаете, я не представляю, что мы можем вам рассказать. Мы давно не видели Саманту.

В.Э.: Это обычно для ваших отношений?

Л.Г.: Не совсем. Обычно мы виделись с ними чаще. Мы живем в Озерном крае^[44], и они приезжали к нам на каникулы. Мэтти плавал с Грегом на лодке...(Она вновь начинает плакать в платок, стараясь заглушить всхлипывания.) Он такой милый, милый мальчик...

А.Ф.: А когда вы видели дочь в последний раз, мистер Гиффорд?

Г.Г.: Наверное, в конце июня. У жены был день рождения. Они оставались на ночь.

А.Ф.: Это очень давно.

Г.Г.: Камбрия далеко. Так, по крайней мере, всегда говорил Майкл.

А.Ф.: То есть на Рождество вы с ними не виделись?

Г.Г.: Мы поставили у себя этот «Скайп» – так что видели, как Мэтти и Захария открывали наши подарки.

А.Ф.: И как вам показались члены семьи?

Г.Г.: Майкла было мало видно. Он присутствовал где-то на заднем плане.

Л.Г.: Они все были в детской. Саманта прекрасно ее украсила. У нее дар к такого рода вещам.

А.Ф.: А как они вели себя во время вашей встречи в июне?

Г.Г.: Да вроде как обычно. Саманта была не такая активная, как обычно, но она сказала, что у Захарии болел животик, и она сильно

недосыпала.

А.Ф.: А Майкл?

Г.Г.: Да как обычно.

А.Ф. (после паузы): У вас были хорошие отношения с зятем, мистер Гиффорд?

Г.Г.: Если начистоту, то я всегда считал его надутым индюком.

Л.Г.: Грег, он пропал без вести...

Г.Г.: Я знаю, Лора. А наш внук умер, и если он имеет к этому какое-то отношение, ну хоть малейшее...

А.Ф.: Почему вы это говорите, мистер Гиффорд?

Г.Г.: Ну, я не знаю. Он мог с кем-то поссориться...

Л.Г.: Грег, я прошу тебя...

А.Ф.: Вы имеете в виду кого-то конкретно?

Г.Г. (после паузы): Нет.

А.Ф.: То есть у него не было врагов, о которых вы знали бы?

Г.Г.: Я ни о чем подобном не знал. Одно могу сказать точно – я хорошо представляю себе, как он может кого-нибудь взбесить.

А.Ф.: А вы не знаете, хранили ли они в доме деньги или драгоценности?

Л.Г.: Вы думаете, что это могло быть ограбление?

Г.Г.: Но ведь если кто-то забрался в дом, то должны были остаться следы? Вроде взломанной двери или чего-то в этом роде...

А.Ф.: Масштабы нанесенного огнем урона таковы, что нам понадобится какое-то время, прежде чем мы сможем ответить на этот вопрос. А пока, как я уже сказал...

Г.Г.: Вы ни в чем не уверены. Понятно.

А.Ф.: Как я понимаю, дом приобретался не в ипотеку. Это семейное владение?

Г.Г.: У семьи Майкла был ювелирный бизнес. И они продали его лет двадцать назад. Сделали на этом хорошие деньги. Так, по крайней мере, говорил мне Майкл.

А.Ф.: То есть в доме могли быть дорогие вещи?

Л.Г.: У Майкла были золотые карманные часы, которые, наверное, немало стоили. По-моему, они принадлежали еще его прапрадеду. На них еще было написано что-то по-польски. «Кровь гуще воды...» – что-то в этом роде. Семья действительно очень ими дорожила.

А.Ф.: Я проверю, находили ли на месте пожара золотые карманные часы. Что-нибудь еще?

Г.Г.: Я никогда ничего не видел. И он никогда не делал дорогих

подарков Саманте – это я знаю точно. Даже помолвочное кольцо они купили в «Эйч Сэмюэл»^[45].

Л.Г.: Но ведь они были тогда студентами, Грег...

Г.Г.: Ты что, думаешь, я этого не знаю? Им вообще не надо было так быстро жениться. Саманта была слишком молода. А что касается ребенка...

В.Э.: Я не уверена, что поняла вас. У нее что, были проблемы с беременностью?

Л.Г.: Речь не об этом. А о том, что ей пришлось ко многому привыкать, вот и всё. Большинство молодых мам с этим сталкиваются. Она надыхаться не могла на Мэтти. (Она опять начинает всхлипывать.)

А.Ф.: Думаю, что этого достаточно. Констебль Эверетт организует, чтобы вас отвезли в больницу, где вы сможете увидеть внука. Она также будет вашим контактным лицом. Так что если вам что-нибудь понадобится или у вас появятся вопросы – связывайтесь с ней.

* * *

Выйдя в коридор, я жду, пока Эверетт проводит их до ресепшен.

– Я предложила съездить с ними в больницу, – говорит она, возвращаясь. – Наверное, будет лучше, если это сделаю я – иногда эти палаты могут испугать, особенно если не привык к ним.

Я вспоминаю, как и всегда в подобных обстоятельствах, что, прежде чем прийти в полицию, Эв получила образование медицинской сестры.

– А если они смогут выдержать, то после этого я устрою опознание Саманты.

– Ну, и каковы твои впечатления? – спрашиваю я. Она очень чутко улавливает все скрытые эмоции, наша Эв. Это одна из причин, по которой я пригласил ее на беседу.

– Отношения между зятем и тестем нельзя назвать безоблачными, а? – тяжело вздыхает она.

– Чем больше я узнаю про Майкла Эсмонда, – я согласно киваю, – тем меньше он мне нравится.

– Мне тоже, босс. Но даже если он обладает талантом настраивать против себя людей, то все равно отсюда и до поджога – дистанция огромного размера.

Да, для того, чтобы совершить такое, надо быть социопатом^[46]. А пока никого, даже отдаленно его напоминающего, на горизонте не видно. Или

мы о нем ничего не знаем.

* * *

Стр.6 из 17

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ

Журнал записи телефонных разговоров 6 января 2018 г.

<i>Имя звонившего:</i>	<i>Имоджин Хамфри</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	4 января 2018 г., около 23:30
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Звонившая сообщила о том, что видела мужчину, отвечающего описанию Майкла Эсмонда, в районе Ковент-Гардена в Лондоне. По ее словам, он плохо ориентировался в пространстве и, возможно, был пьян. Из носа у него текла кровь.
<i>Дальнейшие действия?</i>	Сержанту Вудс связаться с Мет относительно доставленных в больницы/приюты для бездомных.

<i>Имя звонившего:</i>	<i>Том Узсли</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	4 января 2018 г., 08:45
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Возможное появление в Хантсе. Звонивший видел мужчину с собакой на берегу. У него создалось впечатление, что он спал на улице.
<i>Дальнейшие действия?</i>	Констеблю Линбери связаться с полицией Хантса.
<i>Имя звонившего:</i>	<i>Алан Уилкокс</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	5 января 2018 г., 15:25
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Возможное появление Майкла Эсмонта в Грэме, Линкольншир. Делал покупки в «Асаде». Звонивший абсолютно уверен, что это был он.
<i>Дальнейшие действия?</i>	Сержанту Вудс связаться с полицией Линкольншира.
<i>Имя звонившего:</i>	<i>Гарриет Морган</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	4 января 2018 г., 16:00
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Видел Майкла Эсмонта в Нортхэмптоне, ожидающего своей очереди у телефонной будки.
<i>Дальнейшие действия?</i>	Констеблю Линбери проверить звонки из данной будки на предмет их связи с Майклом Эсмондом.
<i>Имя звонившего:</i>	<i>Ник Брайс</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	5 января 2018 г., 16:30
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Сообщил о том, что видел Эсмонта на станции «Кингз-Кросс» возле кафе «Старбакс».
<i>Дальнейшие действия?</i>	Констеблю Линбери получить записи с камер наблюдения компании «Нетворк рейл»

<i>Имя звонившего:</i>	<i>Сара Эллисон</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	<i>5 января 2018 г., около 14:00</i>
<i>Краткое содержание разговора:</i>	<i>Возможно, видела Эсмонда в Гайд-парке в сопровождении собаки. Находилась от него на большом расстоянии.</i>
<i>Дальнейшие действия?</i>	<i>Не требуются</i>
<i>Имя звонившего:</i>	<i>Райан Коллинз</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	<i>6 января 2018 г., 09:20</i>
<i>Краткое содержание разговора:</i>	<i>Возможно, видел разыскиваемого возле Бичи-Хэд.</i>
<i>Дальнейшие действия?</i>	<i>Сержанту Вудс связаться с полицией Сассекса</i>

* * *

В больнице Джона Рэдклиффа яркие лучи зимнего солнца заливают палату интенсивной терапии в педиатрическом отделении. Дойдя до двери, Гиффорды останавливаются, потрясенные количеством аппаратуры, установленной возле каждой кровати. Простыни ярких цветов и рисунки животных на стенах лишь усиливают это впечатление. Сестры быстро и бесшумно двигаются между пациентами, проверяют мониторы, дают лекарства и переговариваются друг с другом полусшепотом. Лора Гиффорд подносит носовой платок к губам, и Эв успокаивающе дотрагивается до ее руки.

– Я знаю, выглядит это ужасно, но на поверку все не так плохо, как кажется на первый взгляд, – говорит она негромко. – Здесь просто фантастические специалисты. Лучшего для Мэтти и пожелать невозможно.

– Мистер и миссис Гиффорд? Нас предупредили, что вы приедете. Прощу, пожалуйста, за мной.

Мэтти лежит в кровати возле окна. Глаза у него закрыты, и он не шевелится. На лице у него закреплена кислородная маска, от груди идет

целый пучок проводов. Все его тело скрыто под бинтами и повязками. Вокруг глаз – там, где горела оправа, – видны следы.

– Как он? – шепотом спрашивает Лора.

– Сейчас он под воздействием седативных средств. – Сестра поднимает на нее глаза. – Ему сделали бронхоскопию и рентген. Теперь мы постарались устроить его как можно удобнее, но, боюсь, состояние остается очень тяжелым. Следующие сорок восемь часов станут критическими.

Миссис Гиффорд начинает беззвучно всхлипывать; муж обнимает ее за плечи.

– Они знают свое дело, милая. Это одна из лучших больниц в стране.

– Он кажется таким крохотным...

– Это все из-за кровати, – с готовностью поясняет сестра. – Они у нас такие большие, что бедные детишки на них просто теряются.

– А можно с ним немножко посидеть? – спрашивает Лора.

– Ну конечно. – Сестра улыбается. – Сейчас я организую пару стульев.

Но когда она выходит в коридор, Гиффорд кладет руку на плечо жены.

– Ты оставайся здесь с сестрой, а мы с констеблем постараемся найти нам всем чай.

Эверетт уже готова сказать, что она справится с этим одна, но одного взгляда на лицо Гиффорда достаточно, чтобы понять: он хочет поговорить с ней с глазу на глаз.

Как только они отходят достаточно далеко, мужчина поворачивается к ней лицом.

– Вам же надо будет провести опознание, не так ли? Я имею в виду Саманту.

– Боюсь, что да. – Эверетт кивает.

– А она здесь? – спрашивает мужчина, и тон его голоса цепляет Верити. – В этой больнице? Понимаете, я не хочу, чтобы Лора ее видела. Ей и так несладко. Я не хочу, чтобы она запомнила дочь такой...

– Думаю, это очень мудро с вашей стороны, сэр.

– Так, может быть, сделаем это сейчас? Пока она с Мэтти? Вы можете это организовать?

– Я сейчас спущусь и поговорю с патологоанатомом, – говорит Эверетт, доставая телефон.

Вернувшись за свой стол, Гислингхэм оказывается перед дилеммой. Теоретически он может отпрапляться домой – в конце концов сегодня выходной, – но вся команда работает, а он – их сержант. И не хочет, чтобы остальные подумали, что он дал слабину. Так что, когда Гислингхэм включает компьютер и во второй раз набирает в «Гугле» «Майкл Эсмонд», он делает это скорее для того, чтобы чем-то себя занять, а не потому, что надеется найти что-то новое.

Десять минут спустя Гис убеждается: все, что он видит перед собой на экране, уже найдено Бакстером в «Фейсбуке». Рутинная информация о научной квалификации Эсмонда, ссылки на его выступления на конференциях и публикации. В конце шестой страницы «Гугл» сообщает: «Мы удалили некоторые статьи, аналогичные тем 72, которые вы видите перед собой». Любой другой на его месте – а Куинн-то уж точно – сдался бы, но Упрямство – это второе имя Гиса, так что он возвращается в начало списка и кликает по одной из наименее многообещающих ссылок. И находит...

* * *

– Вы хотите сказать, что мне не придется туда заходить? – Грегори Гиффорд сидит в небольшой комнатке рядом с помещением морга. В ней нет окон, пол затянут традиционным серым ковром. На столе перед ним стоит компьютер. На экране лениво то исчезает, то появляется логотип клиники. Это все-таки лучше, чем оцифрованные рыбки.

Эверетт дружелюбно улыбается Гиффорду:

– К счастью, сейчас всё уже не так, как показывают по ящику. Гораздо менее драматично. Когда будете готовы, ассистент выведет на экран фотографию, и вам зададут вопрос: «Узнаете ли вы свою дочь?» Вот и всё – больше ничего делать не нужно.

– О'кей. Понятно. – Гиффорд делает глотательное движение. Несколько мгновений он барабанит пальцами по столу. – Ладно. Давайте заканчивать. Лора будет нас искать.

Эверетт кивает ассистенту, который нажимает несколько клавиш. На экране появляется изображение. Фотографировали с верхней точки. Видно лицо женщины, а вот ее тело закрыто простыней. Не так это было, когда Эверетт попала сюда впервые. Она уже говорила это и будет повторять в будущем: «Как бы они ни умерли, у всех них есть нечто, что западает тебе в голову и никуда не девается, – какая-то мелочь, которая несет на себе

отпечаток их личности». В случае с Самантой Эсмонд это лак для ногтей. Несмотря на все повреждения и грязь, Эверетт ясно видит, как много внимания эта женщина уделяла своим рукам. Бесцветный лак, аккуратные кутикулы. Констебль готова побиться об заклад, что на тумбочке возле ее кровати стояла целая банка с кремом для рук.

Она слышит, как сидящий рядом с ней Гиффорд втягивает воздух, и поворачивается к нему.

– Это ваша дочь, сэр?

– Да, это Саманта. – Он повторяет глотательное движение.

– Благодарю вас. Я знаю, как это непросто...

Изображение исчезает. Гиффорд поворачивается в кресле и оказывается лицом к лицу с Эверетт.

– А Захария? Разве его не надо опознавать?

Эверетт и ассистент обмениваются взглядами.

– Есть другие методы, которые, на наш взгляд, больше подходят в его случае, – отвечает ассистент.

Но Гиффорд далеко не дурак.

– Вы не хотите, чтобы я его видел, так? Потому что он в жутком состоянии, да?

Эверетт качает головой, понимая, что неискренна с ним. Она видела фотографии.

– Нет необходимости расстраивать вас, – говорит она. – Правда.

Гиффорд откидывается в своем кресле, и на одно ужасное мгновение ей кажется, что он будет настаивать, но его плечи слегка опускаются.

– Ладно, – говорит он. – Вам виднее.

– Думаю, да, – говорит констебль, делая печальное лицо. – К сожалению.

* * *

– Инспектор Фаули? Вас здесь хотят видеть, сэр.

Это Андерсон – он сегодня дежурный. И, кажется, с большим, чем обычно, подозрением относится к неизбежным рискам, связанным с нашей профессиональной деятельностью, коими в его глазах являются посетители.

– Только что явился в дежурную часть. Немец. Ему не назначено. Могу сказать, что вас нет, – ведь сегодня выходной, и вы, наверное, ждете не дождетесь, когда можно будет отправиться домой...

– Да нет, все в порядке, пусть проходит...

Потому что если смотреть правде в глаза, то мне сегодня никуда не нужно.

Пять минут спустя сержант вводит в мой кабинет мужчину. Он высокий – очень высокий. Наверное, не меньше шести футов четырех дюймов^[47], если судить по первому впечатлению. А когда он представляется, я узнаю акцент. Он вовсе не немец, а голландец. Последний раз, когда я видел своего брата, у него была девушка из Голландии, и у нее был точно такой же акцент. А еще в ней было шесть футов и два дюйма^[48]. Джулиан тогда еще шутил, что ему пришлось заняться скалолазанием. Правда, говорил он это не в ее присутствии.

– Чем могу служить?

Мужчина садится. Очень аккуратно для человека его роста.

– Я по поводу пожара. Этого ужасного пожара на Саути-роуд. Если я не ошибаюсь, дом принадлежит моему коллеге, Майклу Эсмонду.

Я заинтригован. И не в последнюю очередь его очевидным волнением.

Он поправляет очки в металлической оправе.

– Насколько я понимаю, вас можно назвать старшим дознавателем по этому делу?

– Да, можно, – отвечаю я. Должно быть, он где-то это вычитал.

– Как только увидел теленовости, я сразу же понял, что вы захотите со мной поговорить. И решил предвосхитить вашу просьбу, явившись сам.

Моя «заинтригованность» слегка увеличивается. Какого черта все это значит?

* * *

Гислингхэм отодвигается от стола. Если то, что он обнаружил, правда, то им придется заново пересмотреть все это гребаное дело. Шаг за шагом. И не в последнюю очередь – тот факт, что Анабелла Джордан солгала им. И это была не просто попытка отвязаться от них – после такого их карьера пошла бы псу под хвост. Гислингхэм наклоняется и еще раз вводит имя Йюрьен Кёйпер. Возраст, место рождения, образование, занимаемая должность. Страничка на «Фейсбуке», которая выглядит довольно безобидно (хотя многое в ней написано по-голландски, а автоматический переводчик может опустить нюансы). Сообщения в «Твиттере», но тоже вполне академичные. Честно говоря, ни одного признака того, что здесь

что-то не так. На лице Гислингхэма появляется гримаса. Но так ли это? Неужели возможно, что профессиональная катастрофа таких размеров не оставила вообще никаких следов? Он поворачивается к клавиатуре и начинает быстро печатать.

* * *

Ox-eGen

Ваш онлайн-источник университетских новостей, мнений, слухов и сплетен

Размещено Tittle-Tattler 21 ноября 2017 г. в 11:56

Межплеменная война?

Гром барабанов в факультетских джунглях сообщил о том, что она началась на закате в здании одного из факультетов на Банбери-роуд, когда один из сотрудников был убит публичной и откровенной рецензией на его magnum opus^[49], появившейся в литературном приложении «Таймс». А кто же преступник? Не кто иной, как его соплеменник. Считаете, что такое невозможно? Может быть. В конце концов, конструктивная критика – это одно, а принесение человека в жертву – совсем другое. Наши источники сообщают о том, что на факультете наступил новый «ледниковый период», что на этот раз ни в коей мере не отражает состояния примитивной системы центрального отопления. Заинтересованные наблюдатели в настоящее время сгорают от любопытства, станет ли телевизионный контракт, о котором ходило столько слухов, следующей жертвой. Достаточно сказать, что если информация об этой катастрофе выйдет наружу, то карьера нашего любезного голландца превратится из летучей в падучую и горючую^[50]. Так что его мечты о будущей мести будут вполне извинительны...

* * *

– Так что вы понимаете, инспектор, почему я сижу здесь, перед вами.
Я медленно киваю.

– Вас беспокоит, что мы можем подумать, что вы имеете к пожару какое-то отношение.

– Да, именно, – говорит он, и его щеки слегка розовеют. – Хотя само по себе это нелепо – просто невыносимо. Даже если бы я носил в своей душе подобное негодование по отношению к доктору Эс-монду...

– А мне кажется, доктор Кёйпер, у вас есть все основания чувствовать себя оскорбленным.

– Да, конечно. Естественно. – Он моргает. – Он опорочил мои исследования. Мою профессиональную честность. Я уверен, что вы сами были бы не просто «слегка возмущены», если бы подобное случилось с вами.

Кстати, со мной такое случалось. И я тогда просто-таки раскалился добела. Что, наверное, не самая удачная метафора в нынешних обстоятельствах.

* * *

Спустя полчаса Гислингхэм начинает гордиться собой. Он никогда не был экспертом в комплексном анализе, но сегодня превзошел сам себя. Хотя ему и пришлось привлечь Бакстера, чтобы тот помог ему с технической стороной вопроса. И это оказалось очень мудро с его стороны, принимая во внимание то, что им удалось раскопать. Прежде всего сообщение в «Твиттере» под именем @Ogou_badagri. Выбор такого имени мало что для них значил, а вот имя владельца этого имени значило очень много. Голландский Йюрьен Кёйпер – это английский Джордж Купер, и владельцем этого имени был именно Джордж Купер. И, в отличие от официального Йюрьена Кёйпера, этот далек от академичности.

* * *

– Я вам очень сочувствую, доктор Кёйпер.

Ученый делает поклон в мою сторону.

– Благодарю вас. Когда подобным образом подрывают веру в вашу работу, это причиняет душевные страдания.

«Подрывают веру». Интересно, сколько британцев выразилось бы

подобным образом? Или хотя бы знают, что это такое... А вот Кёйпер знает.

– И тем не менее, – невозмутимо продолжаю я, – нам придется исключить вас из списка подозреваемых.

На его лице появляется легкое сомнение.

– Уверен, что в вашем случае это будет простая формальность. Но существуют процедуры, которым мы обязаны следовать. Уверен, что вы меня поймете. – Я придвигаю свой блокнот. – Давайте начнем с того, что вы делали около полуночи в среду?

Кёйпер опять поправляет очки.

– А я надеялся, что... – Тут он замолкает и краснеет.

– Я вас слушаю.

– Дело довольно деликатное...

Я откидываюсь на спинку кресла. Этап моей «заинтригованности» уже давно миновал. Этому человеку явно есть что скрывать.

* * *

– Кёйпер не просто взбешен, сэр, – тут все гораздо серьезнее.

Это Гислингхэм. Бакстер вывел записи в «Твиттере» на проектор в комнате оперативного штаба, и теперь Гис прокручивает их на стене. Куинн тоже присоединился к нам – он всегда считал себя крупным специалистом по социальным сетям («Так и должно быть, – сказала однажды Эв. – Если подумать о всем том времени, что он проводит в «Тиндере»^[51]); правда, сейчас его явно беспокоит то, что Гис смог одержать маленькую, но победу.

– Я «погуглил» имя, – говорит Гислингхэм, протягивая распечатки. – Огоу Бадагри – это дух из гаитянского культа вуду.

Я смотрю на распечатку, а потом поднимаю глаза на Гиса.

– И не только это, – продолжает тот. – Оказывается, он также бог огня, – выразительно смотрит на всех нас. – А кроме того, его можно просить о помощи, когда хочешь отомстить кому-то, кто тебя достал.

– Да брось ты, – начинает смеяться Куинн, – ведь никто же не верит всерьез в эту хрень. Это в наши-то дни?

– Дело не в этом, – негромко говорю я. – Не в том, верят или не верят. А в том, чтобы эту хрень использовать. В качестве определенного сообщения. Майкл Эсмонд – специалист по вуду в Латинской Америке, и он наверняка поймет значение такого послания. И кто за ним стоит.

– Похоже, что Кёйпер какое-то время «троллил» Эсмонда. – Гис кивает. – Как видите, здесь подобной ерунды более чем достаточно. А еще

он разместил несколько довольно свирепых постов в блогах под еще одной вымышленной фамилией, – берет в руки еще одну распечатку. – И в одном из них он пишет, что исследования Эсмонда – это «поверхностная работа со слабой справочной базой, не отдающая должное работам предыдущих исследователей».

Никто другой подобного написать не мог – вокабуляр выдает Кёйпера с головой. Но даже если он выбрал демона из культа вуду в качестве ника для своего аккаунта в «Твиттере», это еще не значит, что он действительно сжег дом Эсмондов. Все это просто способ высказать свои фантазии на данную тему. Причем публично. И не боясь последствий. И это, конечно, самое главное. Социальные сети превратились в площадку, на которой действуют наши темные «я». Иногда мне кажется, что мы ввязались в ту самую гонку, о которой рассказывается в «Запретной планете»^[52] – якобы продвинутая цивилизация создает машину, способную превращать мечты в реальность только для того, чтобы люди поняли, что Зло – у них в головах. Я не пользуюсь «Твиттером». Если вдруг вы решите спросить.

– То есть сам Кёйпер тоже был не прочь серьезно «подорвать веру» в работу коллеги, – говорю я себе под нос. И ловлю на себе любопытный взгляд Гислингхэма. – Извини, приватная шутка, – поворачиваюсь к Бакстеру. – И когда, ты говоришь, он удалил весь этот материал?

– В четверг утром, босс. Приблизительно в то же время, когда в новостях показали пожар. – Бакстер пожимает плечами. – Теоретически удаленный аккаунт в «Твиттере» исчезает навсегда, но если вы знаете, где искать, то можете восстановить эту информа- цию.

И он знает, где искать.

– А Кёйпер об этом что-нибудь говорил, когда встречался с вами, босс? – спрашивает Эв.

– Он упомянул о рецензии, но дальше этого не пошел. – Я качаю головой. – В основном всячески старался убедить меня, что может быть нам полезен. Хотя, я подозреваю, главной его целью было сделать так, чтобы пара тупоголовых полицейских прекратила наезжать на коллегу и расстраивать его. Так мне показалось вначале.

– А потом?

– Занервничал, когда дело дошло до алиби. Сказал, что был дома, в постели, но не захотел, чтобы мы звонили жене и проверяли, потому что она беременна. А когда я сказал, что избежать этого не удастся, он изменил показания. Теперь говорит, что катался по городу. Жена якобы вертелась на кровати, разбудила его, и он не смог больше заснуть. Поэтому вышел из дома.

Я остановился и посмотрел на всех, пытаюсь понять, как они все это восприняли.

– В такую погоду? – Куинн не стал скрывать свой скепсис. – В среду вечером от холода яйца отваливались. Даже угонщики с Блэкберд-Лейс лежали под одеялами с «Хорликсом»^[53] в руках.

– Но жена его действительно беременна, – заметил Гислингхэм. – Я видел ее фото в «Фейсбуке». Она такая крупная... Думаю, что она действительно могла его разбудить. – При этих словах Куинн фыркает, и Гис слегка краснеет. – Я просто сказал. Знаю, как это бывает.

– Ладно, – говорю я, – давайте начнем с проверки алиби Кёйпера, как мы делали бы это при любом расследовании. Особое внимание дорожным камерам и распознавателям номеров в радиусе одной мили от Саути-роуд. Надо выяснить, был ли Кёйпер в ту ночь где-то недалеко от дома – неважно, пешком или на машине. А потом пригласите его, чтобы снять с него отпечатки пальцев. Пусть знает, что мы не шутим.

Гислингхэм кивает Куинну, но я готов поспорить, что Гарет перепоручит все это Бакстеру. Тому всегда достается все самое тяжелое.

Я снимаю куртку со спинки стула.

– А я еду домой. Но прежде хочу нанести визит Анабелле Джордан.

* * *

Дом на одну семью в эдвардианском стиле расположен в стороне от Банбери-роуд к северу от Саммертауна. Место чем-то напоминает Саути-роуд, но только в уменьшенном масштабе. Те же самые эркеры, те же самые остроконечные крыши, такие же деревянные украшения на штукатурке с каменной крошкой. Здесь живет много ученых – из тех, кому повезло купить тут недвижимость, пока она была доступна. Теперь же они могут позволить себе дома в Кидлингтоне^[54] и дальше за ним, а хоромы в викторианском стиле, изначально построенные для ученых, теперь ждут банкиров-инвесторов. Или китайцев.

Когда Джордан открывает дверь, мне совершенно ясно, что она не подозревает, кто я.

– Слушаю вас. Что вам надо?

– Детектив-инспектор Адам Фаули. – Я предъявляю свое удостоверение. – Могу я войти, профессор Джордан?

Она слегка хмурится. Не зная, как ей поступить, смотрит вглубь дома.

Оттуда доносятся голоса, детский визг и стук тарелок.

– У нас гости, – говорит она. – Семья моей жены...

– Я не займу у вас много времени.

– Хорошо, – говорит Джордан, поколебавшись.

Ясно, что гости расположились на кухне, поэтому она проводит меня в гостиную. В ней царит артистический академический хаос. Полки, набитые книгами, разнотильная мебель, дополнительные декоративные украшения ярких цветов, разбросанные там и тут.

Джордан закрывает за нами дверь.

– Что я могу для вас сделать, инспектор? Если вы по поводу Майкла Эсмонда, то я уже говорила с вашими подчиненными.

– В этом все дело, профессор. Вы с ними уже говорили и умудрились ни разу не упомянуть Йюрьена Кёйпера в вашей беседе.

Мгновение она прожигает меня своим взглядом, а потом отводит глаза. Подходит к софе и садится.

– Мои офицеры особенно интересовались, были ли у Майкла Эсмонда конфликты с кем-то из коллег, и вы им ответили: «Я об этом не знаю». Вы что, действительно хотите убедить меня в том, что ничего не знали о рецензии, написанной Эсмондом? Если это так, то, должен вам сказать, мне будет очень трудно в это поверить.

– Конечно, знала. – Она вздыхает. – Это был какой-то кошмар... – Поднимает на меня глаза. – И, если хотите, во всем я виню только себя. Когда ко мне обратились из литературного приложения «Таймс» с просьбой порекомендовать кого-то, кто сможет отрецензировать монографию Йюрьена, я предложила Майкла. Мне и в голову не могло прийти, что он... так... так...

– Сработает так топорно?

– Вижу, вы прочитали... – Ее лицо мрачнеет. Она складывает руки на коленях. – В таком случае вы уже знаете, что Майкл обвинил Йюрьена в манипуляции данными для доказательства своих выводов. А в такой небольшой и замкнутой на себе самой области науки, как наша, это рассматривается как серьезное преступление, а не как легкая провинность.

– А он это действительно сделал? Я про манипуляцию фактами?

– Разбирательство еще не закончено. Но я очень удивилась бы, зная Йюрьена, если бы он это сделал. В то же время тот Майкл, которого я, как мне казалось, знала, никогда не выдвинул бы подобного обвинения, не будь у него на руках неопровержимых фактов.

– А что насчет передачи на телевидении?

– А вы хорошо информированы. – Джордан приподнимает одну

бровь. – Да, Йюрьену предложили стать ведущим серии передач на канале «Нэйшнл джио- грэфик». Конечно, не уровня «Голубой планеты»^[55], но тем не менее достаточно престижной и гораздо лучше оплачиваемой, чем научные публикации. Но только из этого ничего не получилось, после того как появилась эта рецензия. Видимо, они решили, что игра не стоит свеч. Однако если вы на мгновение подумали, что Йюрьен имеет хоть какое-то отношение к этому ужасному пожару...

– Я ничего не «думаю», просто пытаюсь выяснить все факты. И мне вряд ли нужно говорить человеку, столь разумному, как вы, что «факты» в моей профессии гораздо важнее, чем в вашей. А нам приходится встречаться с вами во второй раз, чтобы их получить.

Она краснеет, явно взволнованная:

– Ни для кого не секрет, что жизнь в научном мире может быть очень конкурентной, особенно в наши дни, но, знаете ли, это все-таки не эпизод из «Инспектора Морса»^[56]. Люди в этом университете не убивают друг друга из-за какой-то рецензии или из-за отмены телевизионного сериала, каким бы выгодным он ни казался с финансовой точки зрения. А что касается поджога дома, полного людей, включая двух невинных детишек, – Йюрьен на это просто не способен.

Я держу паузу.

– А на что он способен?

– Вы о чем?

– Способен ли он, например, на угрозы? – Я внимательно слежу за ее лицом. – Или на организацию спланированной акции троллинга в Интернете?

Теперь Джордан старается отвести взгляд.

– Я не понимаю, о чем вы...

Но она все прекрасно понимает. Теперь я это вижу. Вытаскиваю распечатки из кармана куртки и вручаю их ей. Она бросает на них быстрый взгляд и откладывает в сторону. Ее рот превращается в тонкую, сердитую линию – ведь она думала, что этот материал удален. И не предполагала, что нам хватит ума его разыскать. А это реально выводит меня из себя.

– Так я вас слушаю.

– Он просто выпускал пар. – Джордан глубоко вздыхает. – Давал волю своему разочарованию. Если вы поговорите с ним еще раз, то я уверена – он скажет вам, что теперь понял, насколько это было глупо. Но больше в этом ничего не было.

Я запоминаю этот «еще раз». Она знает, что Кёйпер с нами встречался.

А может быть, даже сама велела ему это сделать.

– К вашему несчастью, профессор Джордан, доктор Кёйпер не способен доказать, что «больше в этом ничего не было». Он начал рассказывать нам, что во время пожара был дома, с женой, а когда я сказал, что нам придется допросить ее, быстро изменил свои показания. Теперь он говорит, что катался на машине. Посреди ночи. В самый разгар зимы.

На ее лице мелькает сомнение, и я понимаю, что впервые за время нашей беседы сообщил ей что-то новенькое.

– Но ведь вы можете это проверить – камеры наружного наблюдения и все такое?

– Именно это мы и собираемся сделать. – Я киваю. – Но, вполне возможно, нам не удастся убедиться в том, что он говорит правду. Более того, мы можем узнать, что это тоже не «факт», а ложь. И если это случится...

– Что тогда?

– Тогда вам придется стряхнуть пыль с той инструкции по управлению кризисами, которую когда-то подготовила ваша пресс-служба. Боюсь, что в жизни все гораздо хуже, чем в «Инспекторе Морсе».

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Воскресенье, 7 января 2018 г. | Последнее обновление в 10:53

«Жуткая трагедия»: Мальчик 10 лет умер от травм, полученных во время пожара в Оксфорде

Представительница больницы имени Джона Рэдклиффа подтвердила, что Мэтти Эсмонд умер в палате интенсивной терапии детского отделения клиники сегодня утром. Мать Мэтти и его младший брат Захария, трех лет, также стали жертвами сильного пожара в доме семьи в прошлый четверг. По словам представительницы больницы, «эта смерть — жуткая трагедия». Она также сообщила, что сотрудники больницы оказали необходимую помощь родственникам мальчика, которые были с ним в момент смерти.

Ни Управление полиции долины Темзы, ни оксфордширская Пожарно-спасательная служба пока не сделали заявления относительно причин пожара. Полиция до сих пор не обнаружила отца Мэтти, Майкла Эсмонда, 40 лет, несмотря на публичное обращение к нему и на то, что представители полиции характеризуют как «согласованные попытки» розыска.

Мы будем держать вас в курсе развития событий.

Атмосфера в ситуационной комнате мрачная. Нет ничего хуже, чем смерть ребенка. Эверетт рассказывает, что Гиффорды практически лишились рассудка.

– Я была там, когда все вдруг стало очень плохо. Знаете, как это бывает: сигналы тревоги, повсюду сестры, тележки с медикаментами... В общем, ужас.

Я смотрю на Гислингхэма – Билли тоже дважды реанимировали, когда тот был в отделении для недоношенных. Они его почти потеряли. Лицо сержанта посерело от этих воспоминаний.

– Им пришлось снять повязки, чтобы провести сердечно-легочную реанимацию, – продолжает Эверетт, – так что эти бедняги увидели, в каком состоянии он был под бинтами. И теперь они этого уже никогда не забудут. – Она качает головой. Иногда их работа бывает чертовски отстойной.

Гислингхэм заставляет себя вернуться к текущим делам.

– О'кей, – произносит он. – Вот что у нас есть на настоящий момент: нам необходимо отсмотреть записи с камер наружного наблюдения вблизи Саути-роуд, чтобы выяснить, был ли Кёйпер в этом районе. И поговорить с Лорен Камински, которая – по информации на десять тридцать вечера – вернулась в Оксфорд. И чтобы все было ясно с самого начала – она не подозревается в поджоге, так как у нас есть подтверждение, что Камински приземлилась в аэропорту Джона Ф. Кеннеди двадцать первого декабря прошлого года. Так вот, – он оглядывает сидящих в комнате, – мы с констеблем Сомер встретимся с Камински, а Куинн займется камерами наружного наблюдения.

Это сопровождается несколькими приглушенными издевательскими комментариями; Куинн бормочет: «Да, конечно» – и показывает всем средний палец, думая, что я не вижу.

– А мы уже нашли кого-то из друзей Эсмонда? – задаю я вопрос.

– Мы оставили несколько сообщений... – начинает Гислингхэм.

– Есть их соседи, – прерывает его Эверетт. – Некоторых из них не было дома, когда я заходила к ним в последний раз, но, если нужно, я могу попробовать еще.

– Да, попробуй. Может быть, они что-то видели. Ладно, пока всё. Все остальные могут наслаждаться выходными. Вернее, тем, что от них

осталось.

Гислингхэм идет за курткой, а когда поворачивается, то видит, что Сомер остановилась, чтобы поговорить с Фаули. Стоят они близко друг к другу. Она говорит ему что-то вполголоса, а он улыбается. Гислингхэм вдруг понимает, что не помнит, когда видел босса улыбающимся в последний раз.

* * *

Запись беседы с Рональдом и Мэрион Янг, состоявшаяся на Саутироуд, 25, в Оксфорде, 7 января 2018 г. в 13:16.

Беседу записала детектив-констебль В. Эверетт.

В.Э.: Благодарю вас за то, что нашли время встретиться со мной, мистер Янг.

Р.Я.: Я сам собирался звонить вам завтра с утра. Мы увидели записку, которую вы засунули под дверь. Я и не знал, что здесь случился пожар. Нам чертовски повезло, что он не добрался до нас.

В.Э.: Вы уезжали на Рождество?

Р.Я.: Да, с дочерью. В Барселону. Мы улетели 22 декабря.

В.Э.: А вы не заходили к Эсмондам перед отъездом?

М.Я.: Я заходила. Заскочила, чтобы сказать, что нас не будет, и попросить приглядывать за домом.

В.Э.: И в тот раз вы видели и мистера Эсмонда, и миссис Эсмонд, миссис Янг?

М.Я.: Нет, только Саманту.

В.Э.: И как она вам показалась?

М.Я.: Немного растерянной. Помню, что малыш плакал. Она выглядела усталой. Но так выглядит большинство новоиспеченных мамочек.

В.Э.: Захарии было три года, так? Ее сложно назвать новоиспеченной мамочкой.

М.Я.: Ну, с годами легче не становится. Наша Рейчел...

Р.Я.: Мэрион, констебля это не интересует.

В.Э.: А вы не знаете, у Эсмондов не было гостей на праздники? Друзей? Или родственников?

М.Я.: Я никого не видела. Я почти всегда дома, так что, наверное, заметила бы, если бы кто-то появился до нашего отъезда.

В.Э.: И никто необычный не появлялся здесь за последние несколько недель?

М.Я.: Что значит «необычный»?

В.Э.: Тот, кого вы не знали.

М.Я.: Нет, не припоминаю.

В.Э.: А у вас были хорошие отношения с Эсмондами – как с соседями?

Р.Я.: Она была приличной женщиной. Правда, немного вялой. А вот он – он просто подонок.

В.Э.: Правда? А почему вы так считаете?

М.Я.: Со мной он всегда был очень мил...

Р.Я. (оборачиваясь к жене): Мил? Да он убил нашу чертову собаку!

М.Я.: Ты этого не знаешь. Не наверняка...

Р.Я. (обращаясь к Эверетт):. В сентябре мы договорились, что они посмотрят за нашей собакой, пока мы будем в отъезде. Мы уезжали всего на одну ночь. Их мальчик – Мэтти – всегда с удовольствием приходил и играл с ней, ходил с ней гулять...

М.Я.: Молли была очаровательной собачкой.

Р.Я.: Обычно мы отдавали ее в собачий питомник, но тогда подумали: «Всего одна ночь. Что с ней может случиться?» А когда вернулись, бедная псина оказалась мертва.

М.Я.: Рон, ей было уже четырнадцать!

Р.Я.: Но ведь она была здорова, правда? Мы много лет не водили ее к ветеринару. А потом она вдруг неожиданно умирает, и именно в ту ночь, когда за ней присматривали Эсмонды?.. Прости, но в такие совпадения я не верю.

В.Э.: Мой инспектор – тоже.

Р.Я.: Вот видишь, Мэрион, констебль согласна со мной.

В.Э.: Я вовсе не хотела сказать...

М.Я.: Мы ничего не могли доказать, Рон. Ты же прекрасно знаешь.

В.Э.: А как это объяснил мистер Эсмонд?

Р.Я.: А никак.

М.Я.: Рон...

Р.Я.: Нет, правда. Он сказал, что у собаки, должно быть, случился сердечный приступ или что-то в этом роде. Сказал, что утром пришел, чтобы покормить ее, а она уже лежит мертвая. Полная ерунда.

В.Э.: И вы не делали вскрытия?

Р.Я.: А вы знаете, сколько это стоит?

М.Я.: Я подумала, что лучше всего согласиться с тем, что это был несчастный случай. То, что бедную Молли разрезали бы, не вернуло бы ее

к жизни, и я не хотела осложнять наши отношения с Эсмондами. Они ведь оставались нашими соседями. И нам надо было с ними жить.

В.Э.: Я вас хорошо понимаю, миссис Янг.

М.Я.: Майкл даже предложил нам деньги. Сказал, что ему очень жаль, и дал 100 фунтов.

Р.Я. (презрительно): Жалкие 100 фунтов.

М.Я.: Самое печальное – то, что после случившегося мы стали очень редко видеть Мэтти. Он потерял голову из-за Молли. Бедный мальчик – я никак не могу забыть о его ужасной смерти... Помню тот день, когда они переехали сюда, так хорошо, будто это случилось вчера, – он так радовался саду... Мне кажется, раньше у них никогда не было сада.

В.Э.: А вы давно здесь живете, миссис Янг?

Р.Я.: Да уже лет десять. Нет, двенадцать.

В.Э.: То есть вы знали родителей мистера Эсмонда?

Р.Я.: Ричард мне никогда не нравился, а Алиса Эсмонд была очень приятной женщиной.

М.Я.: Она была полностью у него под каблуком, Рон, и ты это знаешь. Как это теперь называется? «Держать все под контролем»? Так вот, он все держал под контролем.

В.Э.: То есть как отец он тоже мог вести себя таким же образом? Я имею в виду, с сыновьями...

М.Я.: Меня это ничуть не удивило бы. Действительно, Майкл был очень тихим. А вот Филипп, насколько я его знаю, был его прямой противоположностью. Очень живой и открытый. Помню, прошлым летом я видела его с Мэтти в саду. Они вытащили надувной бассейн, и Филипп пытался научить Мэтти сёрфингу, или как там это называется. Они залили водой все вокруг. Даже Саманта смеялась. Вот такими я и хочу их запомнить. Смеющимися в лучах солнца. Нормальной счастливой семьей.

* * *

Предполагалось, что поисками Кёйпера на записях с камер наружного наблюдения займется Куинн, но никого не удивило, что всю грязную работу делал Бакстер. На Банбери-роуд было несколько камер, еще несколько располагались возле магазинов в главной прогулочной зоне Саммертауна. Но в переулках их не было, так что, если у Кёйпера была бы хоть капля ума, он воспользовался бы именно переулками. У них имелся единственный шанс отследить его по дороге от Литлмора, где он жил. И

тут неважно, выбрал Кёйпер путь по окружной дороге или через центр города – они все равно его увидели бы. Конечно, в том случае, если он воспользовался собственной машиной.

Бакстер загружает первую запись и искоса смотрит на Куинна, который возится со своим мобильным.

– Сделай одолжение – проверь такси. Вдруг Кёйпер заказал машину?

– Да неужели? – На лице Куинна появляется гримаса. – Прямо так сел на заднее сиденье и сказал: «Не обращай внимания на бензин, приятель; я заплачу, если испачкаю сиденья»?

Теперь наступает очередь Бакстера корчить рожи.

– Ладно, ладно, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. – Он поворачивается назад к экрану и бормочет себе под нос: – Хоть чем-то полезным займешься.

* * *

Лорен Камински живет в одном из новых общежитий Вулфсон-колледжа, окна которого выходят на Чаруэлл^[57] и Радужный мост^[58]. Новым оно было в 1970 году, когда его построили, но в этом городе даже колледж, основанный в 1379 году, тоже называют «новым». Деревья все покрыты изморозью, по течению реки неторопливо скользят два лебедя. Над рекой кружатся чайки, кричащие, как ведьмы. Сама комната маленькая, но удобная. Никакого беспорядка и очень мало вещей, которые выдавали бы личные предпочтения хозяйки. Кухонька, крохотная ванная комната, которую видно сквозь полуприкрытую дверь. Что же касается самой Лорен, то она так же сдержана, как и окружающие ее вещи. Изящная, с короткими каштановыми волосами, подстриженная под эльфа. Она замечает, как Сомер оглядывает ее комнату, и слегка устало улыбается.

– Я редко здесь бываю. Мой молодой человек преподает в Магдалене, и бо́льшую часть своего времени я провожу там. То есть я хочу сказать, что здесь удобно и все такое, но Оксфордом это не назовешь, правда?

Она жестом предлагает им сесть. Дивана едва хватает на двоих, и Сомер ощущает неловкость, чувствуя, как ее бедро касается бедра Гислингэма.

– Полагаю, вы хотите поговорить со мной о Майкле Эсмонде? Какой ужас все то, что случилось...

Все говорят одно и то же. И иногда одними и теми же словами.

– Как я понимаю, о сексуальном харрасменте сообщил ваш молодой

человек? – начинает разговор Гислингхэм.

– Я не хотела раздувать скандал, – Камински кивает, – но Нед был вне себя. Он хотел, чтобы я обратилась в полицию, подала официальное заявление, то есть все, как положено.

– И, насколько мне известно, доктор Эсмонд отрицает все обвинения?

Она садится, но на самый краешек, как будто готова в любой момент упорхнуть.

– А вы как поступили бы на его месте?

– А сами вы с ним об этом не говорили? – задает вопрос Сомер.

Лорен качает головой.

– Нет, я не общалась с ним с того самого вечера. Все это привело меня в сильное замешательство. И я решила – пусть этим занимаются на факультете. Им за это деньги платят.

– А как он вел себя с вами до этого? – интересуется Гислингхэм. – Он никогда...э-э-э...

– Не подкатывал ко мне? – Женщина улыбается, видя затруднение сержанта. – Нет. Он всегда был – как это у вас, британцев, говорится? – сдержан. И застегнут на все пуговицы. До того самого вечера. Я думаю, что во всем виновато спиртное.

– Но это его не извиняет, – нахмурившись, замечает Сомер.

– Нет, конечно. Он вел себя, как сексистское дерьмо. Послушайте, он же мне раньше нравился. И все это было на него совершенно не похоже. Я уже сказала, что не стала бы ничего предпринимать, но Нед был против.

– То есть до того дня между вами не было никакого флирта, ничего, что указывало бы на то, что вы интересуете его в этом смысле?

– Не-а, – ответила Лорен, пряча зевоту. – Простите, это все смена часовых поясов.

– А что еще? – продолжает Сомер. – Может быть, вы обратили внимание на что-то в поведении доктора Эсмонда в последние несколько месяцев? Другие говорят, что он был в состоянии сильного стресса. Вы так не считаете?

Камински задумывается.

– Я не так часто с ним встречалась. Но, по-моему, он был немного не в себе. Вся эта история с рецензией на работу Кёйпера тоже сыграла свою роль, но ведь можно сказать, что он сам во всем виноват... Вы же слышали об этом, да?

В ответ Сомер утвердительно кивает.

– А еще что-нибудь вы можете нам рассказать? Что-нибудь, чего мы еще не знаем?

Камински с трудом подавляет зевок.

– Вряд ли... Послушайте, может быть, перенесем нашу встречу? Я действительно в полном ауте. Если что-нибудь вспомню, то позвоню вам.

Сомер смотрит на Гислингхэма – больше здесь они ничего не узнают. Детективы встают.

– Благодарю вас, мисс Камински, – говорит Гислингхэм у двери. – И обязательно позвоните нам, хорошо? Даже если вспомните что-то, на ваш взгляд, совершенно неважное.

Они спускаются по лестнице и выходят на холод. Сомер натягивает берет, и Гислингхэм говорит с улыбкой:

– Ты сейчас так похожа на мою младшую сестру...

– А я не знала, что она у тебя есть. – Эрика искоса смотрит на него.

– Ну да. Она на семь лет младше, так что всегда была любимицей семьи. А у тебя есть сестры?

– Старшая. – Но что-то в выражении ее лица заставляет Гиса воздержаться от дальнейших вопросов.

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – спрашивает Сомер, когда они подходят к привратницкой и Гислингхэм открывает тяжелую стеклянную дверь.

– Не вижу для Камински смысла врать. А потом, мы знаем, что ее не было в стране, когда начался пожар.

– И только пятнадцать процентов поджогов совершаются женщинами, – задумчиво добавляет Сомер.

– Правильно. Так что это просто проверка для очистки совести. Или я что-то пропустил?

Какое-то время Сомер молчит.

– А что по поводу ее молодого человека?

– Этого парня из Магдалены? Неда Как-его-там? А что с ним не так?

– Очевидно, что он очень сильно зол на Эсмонда. А ты бы не был, если бы речь шла о Джанет?

– Конечно, был бы. Но я не стал бы поджигать его гребаный дом. Можешь мне поверить. Это тупик.

Стоя у окна, Лорен Камински следит за тем, как полицейские скрываются из вида. Затем берет в руки мобильный телефон.

– Нед, перезвони мне, пожалуйста. У меня была полиция.

Она отключается, но остается стоять у окна. На ее лице появляется озабоченное выражение.

* * *

Вернувшись в участок Сент-Олдейт, Эверетт решает не отделяться от команды и добровольно садится за проверку звонков, полученных на горячую линию. Обычно это называют неблагодарным делом. Просидев час, она чувствует, как у нее занемели ноги, и встает, чтобы взять себе кофе. Прихрамывая, идет по коридору, ощущая в ногах покалывание.

– У тебя всё в порядке? – спрашивает Куинн, который, стоя возле кофемашины, размышляет, какой кофе ему выбрать. За ухом у него торчит ручка, как и всегда.

– Все хорошо, – отвечает Эверетт. – Пытаюсь не одеревенеть, как мои ноги.

– Ах, вот как...

– А ты как?

– Хреново. – Он бьет рукой по аппарату. – Нигде никаких следов Кёйпера. И такси он вроде бы тоже не нанимал, хотя мы и не проверили еще все фирмы... Как много фирм такси в этом гребаном городе?

– На вокзале в дождь их точно никогда нет, – вздыхает Эверетт.

Вернувшись в кабинет, она подсаживается к Сомер и интересуется, глядя на бумаги на столе перед констеблем:

– Что-нибудь нашла?

– Просто хочу понять, есть ли что-нибудь на молодого человека Лорен Камински.

Брови Верити лезут вверх.

– Ты что, думаешь, его надо подозревать?

– Нет, наверное. – Эрика криво улыбается. – Но я хочу поставить жирную галочку в графе «железное алиби».

– Сомер, – зовет ее Бакстер с противоположного конца комнаты, – тебе звонят. По третьей линии.

* * *

Запись телефонного разговора с Филиппом Эсмондом, 7 января 2018 г., 16:55.

Разговор провела детектив-констебль Э. Сомер.

Ф.Э.: Констебль Сомер? Это опять Филипп Эсмонд. Я видел новости.

Про Мэтти.

Э.С.: Мне очень жаль.

Ф.Э.: Хотелось бы мне успеть вовремя...

Э.С.: С ним были его бабушка и дедушка, если вам будет от этого легче.

Ф.Э.: Ну хоть что-то, наверное... Они, должно быть, с ума сходят. Сначала Захария, потом Сэм, а теперь вот это... (вздыхает). Ну что, по крайней мере, все это дерьмо в Сети перестанет обвинять ее в том, что она была плохой матерью.

Э.С.: Я знаю, что это может быть нелегко, но вам надо просто не обращать на это внимания. Они же вас не знают. И устраивают бурю в стакане воды.

Ф.Э.: Да, я все понимаю. Правда, это легче сказать, чем сделать... Послушайте, я позвонил вам потому, что кое-что вспомнил. В нашем последнем разговоре вы упоминали «лачугу». Ну, якобы о ней говорила Ма.

Э.С.: Совершенно верно. Кажется, она думает, что ваш брат может быть там.

Ф.Э.: *Знаете, по-моему, это очень маловероятно, но мне кажется, я понял, что она имела в виду. Когда мы были детьми, один раз ездили на южное побережье на каникулы. И там Па арендовал пляжный домик на Кэлшот-Спит^[59].*

Э.С.: Домик на берегу?

Ф.Э.: Вот именно. Но со своим Альцгеймером она может все путать. Наверное, забыла, что Майклу уже сорок, а не четырнадцать... Я знаю, что он тогда влюбился в то место. Но, наверное, этот дом развалился много лет назад. Если хотите знать мое мнение, то шансов застать его там у вас нет, хотя мне показалось, что я должен вам об этом сказать.

Э.С.: А вы можете письменно сообщить мне точные координаты этой... лачуги?

Ф.Э.: Конечно.

Э.С.: И еще – если ваш брат с вами свяжется...

Ф.Э.: Обязательно. Как только брошу якорь в Пуле, я сразу же выеду в Оксфорд. При хорошем ветре это займет не больше двух дней.

* * *

Дом встречает меня темными окнами. Ничего другого я и не ожидал, но, когда выключаю двигатель и пешком иду по подъездной дорожке, на

сердце у меня беспокоит. Из-за всего этого почтового мусора я с трудом открываю дверь. Реклама агентств по торговле недвижимостью, какие-то листовки либеральных демократов – все это идет прямо в ведро. А еще предложения по уходу за садом и по доставке пиццы. На них мне грех жаловаться – последнее время я живу на этой гребаной пище. Включаю свет, компьютер на кухне, ставлю замороженную еду в микроволновку. Моя слабая попытка убраться на кухне ни к чему не приводит, потому что посудомойка уже забита под завязку, так что посуду больше ставить некуда. Я открываю бутылку вина. Мне казалось, что она все еще лежит в холодильнике, но, должно быть, я прикончил ее прошлым вечером. Последнее время такое случается достаточно часто.

Раздается звонок в дверь. Я решаю не открывать ее. У Алекс есть свой ключ, а встречаться со свидетелями Иеговы у меня нет никакого настроения. Или с бывшими преступниками, занявшимися разъездной торговлей, – последнее, что мне сейчас нужно, это новые полотенца на кухню. Но звонок звонит опять. И опять...

Я распахиваю дверь и вижу на пороге не очередного коммивояжера из Ноттингема, а Сомер.

– Простите, что беспокою вас дома, сэр. Я пыталась дозвониться, но ваш мобильный не отвечает.

Твою мать... Я, должно быть, забыл его зарядить.

– Я хотела вам кое-что рассказать, – продолжает она неуверенным голосом.

– Правда?

– О том, что сказал мне Филипп Эсмонд. Он звонил сегодня.

Мне только сейчас приходит в голову, что я стою перед ней с бокалом вина в руке. И что распить бутылку с кем-то – это, возможно, единственный способ не выпить ее всю в гордом одиночестве.

– Не хотите зайти? – Я делаю шаг в сторону.

Она колеблется и смотрит в коридор у меня за спиной.

– А как же ваша жена, сэр...

– Она у сестры.

– Ну, если вы так считаете... – Сомер улыбается. – Почему бы и нет?

Я иду вслед за ней на кухню, наблюдая, как она изучает внутреннюю отделку, мебель и декор. И, естественно, делает выводы. Ведь нас учат именно этому. Хотя вовсе не нужно быть полицейским, чтобы прийти к некоторым очевидным выводам, глядя на состояние, в котором находится дом. Грязь, пустые упаковки возле задней двери, тот факт, что, вернувшись, я первым делом не принял душ... По идее, меня должно напрячь то, что

она все это видит, но почему-то я ничего не чувствую.

– Бокал вина? – предлагаю, указывая ей на стул.

– Половинку, – отвечает Сомер. – Я за рулем.

Я достаю бутылку и чистый бокал.

– И что же рассказал вам Филипп Эсмонд?

– Когда констебль Эверетт рассказала матери Эсмонда о том, что тот пропал, та упомянула какую-то лачугу. Оказалось, что это пляжный домик на Саутгемптон-уотер.

– И?..

– Понимаю, что это выглядит притянутым за уши, но вам не кажется, что нам стоит проверить это место? Просто для успокоения души?

– А почему, черт побери, он должен быть именно там?

– Я знаю, что в этом нет никакой логики. Просто вспомнила одно из сообщений на горячую линию, касающееся Хайта^[60]. А это недалеко от Саутгемптона.

В этом есть какой-то смысл.

– Ладно, – говорю, – я с утра свяжусь с полицией Хайта – хуже от этого никому не будет.

Наверху раздается звонок стационарного теле-фона.

– Прошу прощения.

Я хочу, чтобы это была Алекс. И убеждаю себя, что это звонит она; а почему на домашний телефон – убедиться, что я дома, в одиночестве и что мы можем поговорить...

Но когда я снимаю трубку, то слышу раздражающе жизнерадостный голос автоматизированной банковской системы безопасности. И даже на мгновение ощущаю некое изумление, что их алгоритм уже успел обнаружить беспрецедентное преобладание счетов из заведений быстрого питания в последнее время. Но подтверждение последних трех транзакций занимает у меня больше времени, чем хотелось бы, и к тому времени, когда я возвращаюсь на кухню, Сомер занята тем, что заполняет посудомойку. Чистая посуда ровными рядами стоит на столе.

Констебль слегка краснеет.

– Я не хотела открывать ваши шкафы. Ненавижу, когда люди это делают. – Видя мое лицо, она прикусывает губу. – Простите, я вовсе не собиралась вмешиваться. Просто хотела чем-то помочь... – Ее голос стихает. – Простите, – повторяет Эрика, и ее щеки становятся пунцовыми.

– Я это тоже ненавижу, – говорю я с гримасой. – Но, слава богу, вы разобрали эту чертову посудомойку. Я вот уже почти неделю откладываю это до лучших времен.

Она улыбается с явным облегчением.

– Готова убрать у вас в гостиной за еще один бокал вина.

– А мне показалось, что вы за рулем...

– Я могу вызвать такси. А машину заберу завтра, по пути на работу.

Теперь наступает моя очередь улыбаться.

– Ну, если вы так считаете...

* * *

2 мая 2017 года, 12:27

247 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Сэм сидит на кровати в свободной спальне на верхнем этаже и смотрит в окно. Она привыкла приходить сюда в «плохие» дни. Как будто она может собрать весь негатив и спрятать его в этой полупустой, гулкой комнате, которой вот уже много лет никто не пользуется... Как будто таким образом может сделать так, чтобы негатив не распространялся на остальной дом – на ее жизнь... В самой комнате прохладно, но на улице светит солнце, и, несмотря на сорняки, в саду расцвели цветы. Целое буйство тюльпанов возле одного из бордюров. Махровые алые лепестки с черными пестиками в центре. А здесь, в комнате, на нее словно давят какие-то серые облака на самой периферии ее зрения. Она ощущает явную болезненность у основания черепа. Но Майкл говорил, что может заскочить днем, чтобы узнать, как у нее дела. Он не хочет обнаружить ее в этой комнате. Он только разволнуется еще больше, а в последнее время ему и так достается.

Она заставляет себя подняться на ноги и протягивает руку за кардиганом. И в это момент слышит... Где-то внизу. Негромкий звук, как от захлопнувшейся двери, или как от падения, или как от скрипа старой ступеньки, приглушенного ковром. Но это не дети – их нет в доме. И не сквозняк. Она стоит, внимательно прислушиваясь. Такое с ней уже случалось, но никогда в доме. Однажды на тропинке. В последний раз перед кухней. Какой-то неясный промельк. Движение, но не ветра и не птицы или белки, пробежавшей по ограде. Она чувствует металлический привкус во рту и понимает, что так сильно прикусила губу, что из нее идет кровь. Но ведь она не сходит с ума – она *не позволит себе сойти с ума*...

Сэм заставляет себя быстро пройти к двери и распахнуть ее. Она

спускается по лестнице, цепляясь за перила, как настоящая старуха, а потом проходит по всем комнатам нижних этажей, распахивая по дороге двери всех шкафов и выдвигая все ящики. Эти усилия в конце концов лишают ее последних сил.

А потом она слышит, как хлопает входная дверь и муж зовет ее:

– Сэм, ты наверху?

– Сейчас спускаюсь, – отвечает она полупридушенным голосом. – Я сортирую белье для стирки.

И через несколько мгновений уже спускается по лестнице с бельевой корзиной в руках.

– Здравствуй, милый. Как прошло твое утро?

* * *

В понедельник с утра я трачу полчаса, разыскивая нужного нам человека в полицейском управлении Гемпшира и объясняя ему, что нам от него нужно. И слышу, как мой визави начинает потихоньку заки-пать.

– Послушайте, инспектор, мы здесь не совсем полные придурки.

Может быть, он сказал это и не такими словами, но смысл понятен.

Когда я кладу трубку, в окно ударяет порыв ветра. Небо имеет желтоватый оттенок – возможно, пойдет снег. Его количества, наверное, хватит, чтобы создать всеобщий хаос на дорогах, но не хватит на то, чтобы оправдать его. В Англии нет города, который смотрелся бы в сильный снегопад лучше, чем этот: Крайст-Чёрч-Мидоу, олений парк Магдалины, Рэдклифф-сквер... Но на нашей чертовой работе ты можешь думать только о том, что от снега количество трупов постоянно растет. Бездомные иногда умирают в снегу, и здесь это происходит так же часто, как и везде.

* * *

Запись телефонного разговора с детективом-инспектором Жилем Сумаресом, полиция Гемпшира, 8 января 2018 г., 11:26.

Разговор провел детектив-инспектор А. Фаули.

Ж.С.: Инспектор Фаули? Мы проверили этот пляжный домик, и в нем явно кто-то живет. Мужчина. По всей видимости, прибыл несколько дней назад, но мы не знаем, когда точно. Пара местных заметили костер на

берегу и сообщили нам об этом. Мы показали им вашу фотографию, и они уверены, что это один и тот же человек.

А.Ф.: Ваши офицеры не пытались поговорить с ним?

Ж.С.: Нет. Сегодня с утра там не было никаких признаков жизни, но мы будем наблюдать за ним, пока не появятся ваши люди. Во-первых, это значительно облегчит нам всем бумажную волокиту...

А.Ф.: Ладно, мы будем у вас как можно скорее. И спасибо за все.

Ж.С.: Пустое. На тот случай, если он захочет смыться, мы разместили на дороге двух офицеров. А другой дороги у него, по-видимому, нет. Если только на лодке... Я сейчас пришлю вам ссылку на видеорегиистратор, чтобы вы всё увидели сами.

А.Ф.: А что это вообще за место?

Ж.С.: Кэлшот? Честно говоря, это полная дыра. Летом Спит заполняется, но в это время года здесь как в пустыне. За последнюю неделю я четыре раза был на пляже в полном одиночестве.

А.Ф.: Гуляли?

Ж.С.: Плавал.

А.Ф.: Боже! Это в такую-то погоду?

Ж.С. (со смехом): Отлично прочищает мозги. Я плаваю почти каждое утро – живу всего в пяти милях от моря. Честное слово, смешно...

А.Ф.: Смешно?

Ж.С.: Место, в котором я живу, – оно называется Фаули.

* * *

Я возвращаюсь в ситуационную комнату, чтобы рассказать всем, что на этот раз мы, похоже, наконец-то обнаружили Эсмонда. Все на мгновение замолкают, а потом забрасывают меня вопросами.

– Кэлшот? А какого черта он там делает?

– То есть мерзавец убил всю семью и отправился развеяться на гребаное побережье?..

– Но он же должен был понимать, что рано или поздно мы его там найдем...

– Попомните мое слово – этот человек соскочил с катушек. Теперь все будет очень просто – вот увидите...

Но за всем этим раздражением ощущается почти физическое облегчение. И я не виню их за это. Мы уже стали задумываться, а не охотимся ли мы за призраком? Пара констеблей одобрительно

похлопывают Сомер по спине, а она краснеет и старается не обращать на это внимания. И, конечно, напрасно – найти правильный баланс между «возможно» и «совершенно невероятно» в нашей работе бывает чертовски трудно. Особенно женщине. Не стоит и говорить о том, что я велю ей отправляться в Кэлшот вместе с Гислингхэмом. А после того, как они уезжают, возвращаюсь к себе в кабинет и какое-то время смотрю на изображение с камеры видеорегистратора, которое прислал мне Сумарес.

На экране передо мной плоский участок земли, поросший кустарником, ограниченный с одной стороны рядом пляжных домиков. Мусорный ящик. Пакет на голых ветвях дерева. И никакого движения – ни машин, ни людей, вообще ничего. И лишь кружащиеся чайки и качающийся в прибое мусор доказывают, что это не фотография.

* * *

В 14.30 Гислингхэм останавливается на дороге, ведущей на Кэлшот-Спит. Затянутое серыми облаками небо, запах соли и режущие порывы ветра с моря. В нескольких ярдах от них стоит ничем не примечательная полицейская машина и довольно потрепанный черный «Лендровер». Его водительская дверь распахивается, и из нее появляется мужчина в гражданском платье. Ему, наверное, лет сорок пять, но выглядит он значительно моложе. Стройный, атлетического телосложения, с круглогодичным загаром, который бывает только у людей, живущих возле моря. Гислингхэм замечает выражение лица Сомер и, смутившись, понимает, что, вылезая из машины, невольно втянул живот.

– Детектив-инспектор Сумарес, – представляется мужчина, подходя и пожимая им руки. – Это я разговаривал с Адамом Фаули.

– Детектив-сержант Гислингхэм. Детектив-констебль Сомер. Есть новости об Эсмонде?

– Ни единого движения с тех пор, как я здесь появился. Хотя ребята говорят, что слышали внутри какие-то звуки, так что он, вероятно, все еще там. – Сумарес поворачивается и показывает пальцем. – Красный домик в середине ряда. На этой стороне в нем нет окон, так что я сомневаюсь, что он знает о нашем присутствии.

Гислингхэм начинает движение в сторону домика, но неожиданно понимает, что Сумарес остается стоять на месте.

– Вы что, не с нами?

– Теперь это ваша проблема, как говорят американцы, – инспектор

пожимает плечами.

Глаза Гислингхэма превращаются в щелочки, он размышляет, не стоит ли ему обидеться. По крайней мере, в том, что касается его собственного физического состояния, он уже оскорблен. Гис отводит плечи назад и медленно идет к лачуге. Дверь закрыта, но ее явно совсем недавно взломали: дерево расщеплено, а ручка держится на честном слове.

Гислингхэм стучит в дверь и замирает, прислонившись к ней ухом и стараясь расслышать звуки сквозь порывы ветра. Затем стучит еще раз. И на этот раз слышит внутри какое-то движение. Кто-то скребется, а потом дверь приоткрывается на несколько дюймов.

– Кто здесь?

– Мистер Эсмонд?

– Нет, боюсь, что вы ошиблись адресом. Я совсем другой человек.

Мужчина смеется смехом, похожим на смех сумасшедшего, а его язык заплетается. Гислингхэм ощущает запах алкоголя.

Он достает свое удостоверение и подносит его к щели:

– Детектив-сержант Крис Гислингхэм, полиция долины Темзы. Вы позволите войти?

– Валите отсюда – я же сказал, что я не этот, как его там...

Дверь начинает закрываться, но сержант просовывает в щель свой ботинок.

– Мы знаем, что это вы, мистер Эсмонд. Люди вас опознали.

Сомер оглядывается вокруг. Несмотря на свои слова, Сумарес подошел вслед за ними. А за ним виден полицейский в форме.

Гислингхэм чувствует, что дверь не поддается.

– Мистер Эсмонд, мне, право, не хочется открывать ее силой. – Он стучит еще раз. Теперь за дверью стоит тишина. Сержант поворачивается и делает знак Сомер – почему бы ей не попробовать? Она подходит к двери, ощущая спиной взгляд Сумареса.

– Мистер Эсмонд, я детектив-констебль Эрика Сомер. Не могли бы вы открыть дверь на минутку? Я уверена, что мы во всем разберемся.

Кажется, что на несколько мгновений все затаили дыхание. А потом дверь неожиданно распахивается.

Стол и два старых складных стула – на один из них тяжело опустился мужчина. На нем вельветовый пиджак и хлопчатобумажные брюки; все грязное и засаленное. В горлышко бутылки из-под «Кока-Колы» воткнута свеча, на столе обрывки бумаги и упаковки от сэндвичей, а на полу валяется пустая бутылка виски. В крохотной комнатке воняет потом, мочой и алкого-лем.

Мужчина смотрит на них, пытаясь сконцентрировать взгляд на том, что видит.

– Я же сказал, проваливайте...

Сомер делает шаг вперед. Теперь ее глаза привыкли к полумраку, и она может получше рассмотреть сидящего. Возраст, цвет кожи, рост – все подходит. Но это не Майкл Эсмонд. Весь путь они проделали впустую, и все это из-за нее. Она прикусывает губу, судорожно соображая, как бы поделикатнее сообщить об этом Гислингхэму, но в этот момент мужчину неожиданно бросает вперед, и его тело переламывается.

– Твою мать! – восклицает Сомер, когда он начинает блевать прямо на нее.

* * *

12 мая 2017 года, 11:49

237 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Майкл Эсмонд ногой открывает входную дверь и бросает в холле два пакета с покупками, а потом возвращается к машине, выпускает Мэтти и, обойдя ее с другой стороны, вытаскивает из кресла Захарию. Малыш плакал всю дорогу из супермаркета домой.

– Мэтти, подойди, пожалуйста, и возьми один из этих пакетов, – говорит Майкл, поднимая на руки младшего сына. У него горячая на ощупь кожа.

Мэтти возвращается из дома, еле-еле волооча ноги.

– Мама проснулась? – спрашивает Майкл.

Тот отрицательно качает головой.

– Ладно, тогда возьми один из этих пакетов – зеленый, не очень тяжелый.

Спустя пять минут покупки уже разложены на полу кухни, и Майкл, держа Захарию на одной руке, пытается запихнуть в микроволновку макароны с сырным соусом для ланча.

Из холла появляется Мэтти.

– Папа, можно я погуляю с Молли?

– Ты же знаешь, что одному тебе нельзя. Она слишком большая. И может вытащить тебя на дорогу.

– Тогда пойдем вместе со мной.

– Я не могу, – отвечает Майкл в изнеможении. – Мне надо все это распаковать, потом приготовить ланч, а после него мне просто необходимо поработать.

– Па-а-а-почка, ну пожалуйста!

– Я сказал НЕТ, Мэтти, – рявкает Майкл. Он только что понял, что одна из упаковок с йогуртом порвалась в пакете. На пол сочится белая липкая жижа. Майкл с трудом сдерживается, чтобы не выругаться – он никогда не ругается, особенно при детях.

– Ты всегда так говоришь, – хнычет Мэтти. – Мне никогда ничего нельзя.

– Ты знаешь, что это неправда.

– Нет, правда. Сначала ты говоришь, что мы пойдем в зоопарк, а потом Захария заболевает; потом ты говоришь, что поиграешь со мной в футбол, – и не играешь... Так нечестно. Тебя беспокоит только Захария. А обо мне никто вообще не беспокоится.

– Послушай. – Майкл краснеет, и голос его становится тише. – Мы же с тобой уже говорили об этом, правда? Я же говорил тебе, что наша мамочка нездорова и мы с тобой должны ухаживать за ней и заниматься хозяйством, пока ей не станет лучше. А это значит, что ты должен вести себя как Большой Мальчик и помогать мне: убирать свою комнату и не слишком шуметь, когда она спит.

Теперь Захария глухо и монотонно ноет, как будто у него уже нет сил кричать. Майкл поднимает его чуть выше.

– Послушай, почему бы тебе не поиграть в приставку, пока я не разберусь с малышом? А если ему станет получше, то мы, может быть, погуляем с собакой. Вдвоем.

– Обещаешь? – уточняет Мэтти с сомнением в голосе.

– Обещаю.

Майкл относит Захарию наверх в детскую, где снимает с него одежду и пытается отыскать его пижаму с Винни Пухом. На животике мальчика видно красное пятно, и ему это совсем не нравится. Захария свертывается калачиком под пуховым одеялом, и Майкл на минуту присаживается рядом, поглаживая его по волосам, а потом проходит по коридору, чтобы взглянуть на жену. Она в халате лежит поверх покрывала с закрытыми глазами. Ее волосы выглядят грязными, и Майкл задумывается, принимала ли она сегодня душ. Поворачивается, чтобы выйти, но она останавливает его.

– С мальчиками всё в порядке? – У нее севший голос, как будто она еще не проснулась.

– Все хорошо. Ты будешь есть?

– Я не голодна, – едва произносит она, поворачиваясь к нему спиной.

Майкл прикрывает за собой дверь и уже хочет спуститься по лестнице, как вдруг слышит что-то, что заставляет его остановиться. Шум доносится из детской. Нахмурившись, Майкл возвращается по коридору. Теперь он ясно слышит, что происходит. Мэтти раздраженным тоном разговаривает с братом, а малыш рыдает.

– Ты должен это выпить, потому что, если не сделаешь этого, я не смогу погулять с Молли.

Майкл влетает в комнату. На кровати сидит Мэтти. Одной рукой он держит брата за плечи, а другой пытается впихнуть ложку ему в рот. В ложке что-то розовое и липкое. Вся физиономия Захарии испачкана этой жидкостью, он визжит и пытается вывернуться, напрягая при этом все тело.

– Боже праведный! – кричит Майкл. – Какого черта ты здесь делаешь? – Он отталкивает Мэтти и хватается Захарию. – Сколько ты ему дал?

– Не много. – Мэтти прижимается к стене.

Майкл смотрит на старшего сына: мысленно он уже звонит в 999, вызывает «Скорую помощь» и везет ребенка на промывание желудка...

– И сколько это – «не много»?

Мэтти пожимает плечами.

Майкл бросается к нему и хватается мальчика за плечи.

– Сколько? Это очень важно – ты можешь это понять?

– Ты делаешь мне больно! – кричит Мэтти.

– И сделаю еще больше, если ты не скажешь правду! – кричит в ответ Майкл, трясая сына.

– Всего одну ложку, – бормочет тот, надувшись.

– Ты в этом *совершенно уверен*?

Мальчик кивает. Он старается не смотреть на отца.

Майкл разжимает руки. Только сейчас он понимает, насколько крепко держал сына. Возвращается к Захарии и сажает малыша на колени. Малыш хнычет и трет глаза кулачками. От него пахнет сыростью.

– Что здесь за шум?

Майкл резко оборачивается. В дверях, держась рукой за притолоку, стоит Сэм.

– Так, ничего, – быстро отвечает он. – Просто разлил «Калпол»^[61], вот и всё.

Сэм смотрит сначала на Мэтти, потом на мужа и слегка хмурится.

– Ты в этом уверен?

– Абсолютно, – отвечает Майкл с подбадривающей улыбкой. –

Беспокоиться не о чем. У нас всё в порядке, правда, Мэтти?

Хорошо видно, что у мальчика далеко не все в порядке, но у его матери нет сил, чтобы спорить.

– Ладно, – говорит она и исчезает у себя в комнате.

Майкл кладет Захарию в постель и поворачивается к старшему сыну.

– Я не хотел на тебя кричать, но ты должен понимать, что «Калпол» – это не сок, а лекарство. И ты не можешь давать его брату – никогда. Это можем делать только мамочка и я. Это понятно?

Мэтти бросает на отца взгляд и быстро кивает. У него напряженное, замкнутое лицо.

И только гораздо позже, когда Майкл наконец садится за стол и принимается за черновик, который должен был представить своему издателю еще три месяца назад, он вдруг понимает... Во всем этом хаосе, крике и панике Мэтти так и не извинился. Ни разу.

Ни разу не сказал, что он сожалеет о том, что сделал.

* * *

Теперь на пляже собралась небольшая толпа. Патрульные машины стоят с включенными проблесковыми огнями. Двое полицейских пытаются запихнуть мужчину в одну из них, а Сомер стоит возле мусорного ящика и пытается счистить с себя его блевотину. Хотя это, как выразился Гислингхэм с присущей ему изысканностью, все равно что пытаться башкой пробить стену.

Сумарес подходит к ней от полицейской машины.

– Не уверен, что эти салфетки сильно помогают, – замечает он.

– Ну что ж, это хоть чему-то меня научит, – отвечает Сомер с гримасой.

Гислингхэм, закончив беседу с одним из офицеров, возвращается к ним.

– Похоже, что наш мужик – хорошо известный местный бродяга. И зовут его, по всей видимости, Тристрам.

– Да, бродяги у нас здесь знатные. – Сумарес улыбается.

– Ты готова? – спрашивает Гислингхэм у Сомер, не обращая внимания на инспектора, возможно, слишком демонстративно.

– Послушайте, – Сумарес поворачивается к Сомер, – почему бы вам не поехать со мной? Мы можем заехать ко мне домой – это все равно по пути, – и вы сможете хоть немного привести себя в поряд- док.

Сомер смотрит на Гислингхэма.

– Вы как, сержант? Честно говоря, сомневаюсь, чтобы вы хотели ехать до Оксфорда с вонючкой.

– Ладно, – нехотя соглашается Гислингхэм, потому что с этим не поспоришь; его мутит даже на расстоянии трех футов от констебля. – Я поеду за вами. Только давай не очень долго. Мы и так достаточно времени сегодня потратили впустую.

В отличие от экстерьера, интерьер «Лендровера» поражает своей чистотой. И это, по мнению Сомер, самое главное. И не только для офицера полиции, но и вообще для мужчины. А ведь мусор в машине можно найти даже у Фаули. Спустя десять минут они тормозят и сворачивают на дорогу, больше напоминающую сельскую колею. Невысокие деревья, вспаханное поле, проволочный забор. Вокруг нет и намека на жилье.

– Вот почему я езжу на этой машине, – говорит Сумарес, когда они задевают борозду. – Чтобы проехать здесь зимой, нужен внедорожник.

Крутая и неухоженная дорога продолжается первые сто ярдов, а потом деревья внезапно расступаются, и Сомер видит перед собой покрытую щебенкой площадку с несколькими белыми одноэтажными домами на краю. С одной стороны площадки заросший лесом склон спускается прямо к воде, а с другой стороны, которая гораздо ближе к ним, находится электростанция: громадные суровые железобетонные блоки и торчащая над ними труба. А где-то далеко за ней расположился нефтеперерабатывающий завод, по размерам напоминающий небольшой город. Металлические трубы с сигнальными огнями наверху. Низкие емкости для сжиженного газа, стоящие будто на гигантской шахматной доске. Шлейфы дыма на фоне неба цвета индиго.

Сумарес выбирается из машины и присоединяется к ней.

– Ну, и как вам все это?

– Никак не могу решить, красиво это или отвратительно.

– Я тоже. – Инспектор смеется. – И это одна из причин, почему я живу здесь. Излечивает меня от самоуспокоенности. Ну и, конечно, здесь очень дешево. Большинство людей считают все это недостойным видом.

Когда он открывает входную дверь и нагибает голову, чтобы войти, Сомер понимает: то, что показалось ей тремя или четырьмя отдельными коттеджами, в действительности является одним. Кто-то – может быть, сам Сумарес – соединил их все в одно открытое пространство. Камин из камня, необработанные полы, зашпунтованные стены. Белое и оттенки серого. Бледные пятна других цветов. Зеркала в рамах из леса-топляка.

– А мне здесь нравится, – говорит Сомер, неожиданно понимая,

насколько она грязная.

Сумарес занят тем, что включает повсюду свет.

– Ванна там, сзади, – показывает он рукой. – Если захотите принять душ, то там есть полотенца, а я пока поищу что-нибудь, что вы сможете надеть.

Все это похоже на дежавю – в скольких романтических сериалах Эрика видела подобную сцену, – но когда она через десять минут осторожно открывает дверь, на пороге лежит футболка. И она точно не принадлежит Сумаресу. Сомер, как может, приводит в порядок волосы и выходит из ванной. В одном из окон она видит Гислингхэма, стоящего возле машины и разговаривающего по телефону. Наверное, докладывает Фаули, как она лажанулась и что 200 миль они проехали впустую.

– Закончили? – спрашивает Сумарес с другого конца комнаты.

– Спасибо за футболку.

– Она не моя, как вы, наверное, догадались.

– Тогда спасибо вашей девушке.

– Моей дочери. – Инспектор улыбается. – Если точно, то моей старшей дочери. Оливии всего десять, а вот Клаудиа почти такого же роста, как и вы. Или была такой, когда я видел ее в последний раз.

– Красивые имена.

– Выбор жены. – Он сардонически улыбается. – Она сказала, что я назвал бы их дочь А и дочь Б, будь на то моя воля.

– А они далеко живут? – задает вопрос констебль, запомнив слова «в последний раз».

– Ванкувер для вас достаточно далеко?

Что-то в его лице заставляет ее прикусить язык.

– Простите... я не хотела...

– Пустяки. По крайней мере, для меня. Я скучаю по ним, хотя для них это великолепный шанс. Сам я вырос на острове длиной в двенадцать миль. И хочу, чтобы перед моими девочками открывались широкие горизонты.

Он замечает, как Сомер переводит взгляд на окно и смеется.

– Со всеми так – считают, что я говорю об острове Уайт; но речь идет о Гернси. Он гораздо меньше и гораздо дальше.

– И как часто вы видите дочерей?

– По «Скайпу» мы общаемся каждую неделю, – Сумарес пожимает плечами, – а раз в год, когда они приезжают, я превращаюсь в их папу-героя. И это работает. Конечно, не об этом я мечтал, когда они родились, но это работает.

Раздается стук в дверь, и Сумарес открывает ее, чтобы впустить

Гислингхэма, который демонстративно смотрит на часы.

– Может быть, уже поедем?

Он таращится на ее майку. На ней розовыми и синими блестками написано «Бейонсе». Эрика краснеет.

– Инспектор был так добр, что одолжил ее мне.

– Это майка одной из моих дочерей, – беззаботно поясняет Сумарес. И это мгновенно заставляет Гислингхэма насторожиться. Потому что всего час назад он проверил – инспектор не носит обручального кольца.

Возникает пауза, которая грозит превратиться в неловкость, а потом инспектор прочищает горло:

– Если я еще чем-то могу помочь, то вы знаете, где меня искать.

– Слишком много выпендривается, – замечает Гислингхэм, пока они идут к машине.

– Правда? – Сомер снова краснеет. – Не знаю... Мне он показался вполне нормальным.

Гислингхэма так и подмывает спросить, как Фаули отнесется к ее заигрываниям с чужим инспектором, но он вовремя останавливается. В конце концов, он же не знает наверняка, есть ли что-нибудь между ней и боссом. Да это и не его дело. И то, чем она занимается в частной жизни, – тоже. *Без всяких вопросов.* В то же время он никак не может избавиться от раздражения, а раздражает его то, что он раздражен, а еще больше раздражает то, что она видит, что он раздражен, и, наверное, думает, что это все потому, что она заставила его направиться на эти бесполезные поиски.

Назад они возвращаются в полном молчании.

* * *

Запись телефонного разговора со Стейси Ган, 9 января 2018 г., 09:11.

Разговор провела детектив-констебль Э. Сомер.

С.Г.: Алло! Кто это?

Э.С.: Меня зовут детектив-констебль Эрика Сомер. Вас переключили на меня, потому что я вхожу в группу, расследующую пожар на Саути-роуд.

С.Г.: Понятно. Хорошо. Я видела ваше обращение. В местных новостях. И поэтому звоню вам.

Э.С.: Вы знали Эсмондов, миссис Ган?

С.Г.: Только ее. Саманту. Мы вместе занимались пилатесом^[62]. Я никогда не знала, где она живет, и поэтому не поняла, что этот кошмарный

пожар случился у нее в доме. А его я видела лишь однажды – ее мужа. Он забирал ее после занятия. Поэтому я узнала его по телевизору.

Э.С.: А когда вы видели миссис Эсмонд в последний раз?

С.Г.: В последнее время она не часто ходила. Я имею в виду на занятия. Прекратила, когда была беременна, и после этого так и не вернулась к ним в полной мере.

Э.С.: Значит, вы не видели ее больше трех лет?

С.Г.: Простите, я, наверное, плохо объясняю... Я видела ее у врача, у того, что недалеко от Вудсток-роуд. И случилось это месяца два назад. С ней были оба ее сынишки. Честно сказать, я ее почти не узнала. Выглядела она ужасно. Торчащие во все стороны волосы, никакой косметики... А раньше всегда была так красиво подкрашена... Даже на пилатесе. Мне кажется, это нравилось ее мужу.

Э.С.: А почему вы так думаете?

С.Г.: В тот день, когда я его видела, он подал ей пальто, а потом отступил назад, посмотрел на нее и заправил выбившийся локон ей за ухо. Честно сказать, у меня мурашки по телу побежали.

Э.С.: А она когда-нибудь говорила с вами о своем муже?

С.Г.: В общем-то, нет. Так, всякие общие фразы. Но сейчас, когда я это все вспоминаю, у меня такое впечатление, что она говорила о нем с большой осторожностью. Как будто боялась сказать лишнее.

Э.С.: Я поняла. Вы сказали, что встретили миссис Эсмонд у врача. Она не сказала, что с ней такое?

С.Г.: Я знаю только, что это не было связано с детьми. Когда ее приглашали в кабинет, то называли ее имя. Но если хотите знать мое мнение, то все было очевидно...

Э.С.: Я вас слушаю...

С.Г.: Послеродовая депрессия^[63]. У моей двоюродной сестры было то же самое. И выглядела она точно так же. Как будто у нее глаза потухли.

* * *

Сомер кладет трубку и несколько мгновений сидит, не двигаясь. Потом быстро встает и выходит из комнаты. Пять минут спустя Эверетт открывает дверь дамской комнаты и находит ее тупо смотрящей в зеркало.

– С тобой всё в порядке?

– А что, так заметно? – Сомер вздыхает.

– Может быть, не для большинства парней. – Эверетт сухо

улыбаются. – Но если ты все еще не можешь успокоиться по поводу Кэлшота, то, послушай меня, заканчивай. Ты все сделала правильно. Только представь себе, что было бы, если бы он действительно там был, а мы не проверили бы этот вариант...

– Дело не в этом, – быстро отвечает Сомер. – Я только что говорила с одной из подруг Саманты Эсмонд. Ну, или с той, кто ближе всего подпадает под определение «подруга».

Эверетт подходит ближе и опирается на раковину.

– А ведь ты права. Я раньше об этом как-то не подумала... Но ведь нам не позвонил никто из тех, кто знал ее, правильно?

– У меня такое впечатление, что муж «не одобрял» ее друзей.

– И что рассказывает эта женщина?

– Она встретила с ней у врача. – Сомер поворачивается к Верити лицом. – Саманта не сказала, что с ней такое, но ее подруга считает, что дело может быть в послеродовой депрессии. Она признала симптомы – видела их у кого-то из своих знакомых.

Две женщины стоят какое-то время молча. Сомер отворачивается, а Эверетт продолжает наблюдать за ней. Неожиданно несколько разрозненных фактов, которые она узнала об Эрике после того, как они подружились, встают на свои места.

– Ты тоже. Правильно? Тоже видела их у кого-то...

– У моей сестры. – Сомер поднимает глаза. – Она на три года старше.

– И что с ней было? – мягко спрашивает Эверетт.

– Это был просто кошмар. – Эрика вздыхает. – Кэт всегда была одной из тех, кому хочется подражать. Начнем с того, что она потрясно выглядела...

«И это кое-что говорит о тебе», – думает Эверетт. Будучи столь привлекательной женщиной, Сомер, казалось, никогда не заикливалась на своем внешнем виде. Но если у нее была красавица-сестра, то, возможно, это все объясняет.

– Кэт всегда была лучшей – окончила университет с отличием, получила работу в престижной адвокатской конторе, вышла замуж за парня, который ее просто обожал... Когда ей исполнилось тридцать, она решила, что если у них будет ребенок, то лучше с этим не затягивать. И строила большие планы – как она наймет няню с проживанием, вернется на работу и так далее... И родившийся ребенок был просто прелесть – самая очаровательная малышка из тех, которых мне доводилось видеть. А Кэт ее просто не переносила...

Эверетт слегка дотрагивается до плеча Сомер. Она понимает, что

подруга предпочитает не распространяться о том, как все это было непросто.

– И сколько сейчас малышке?

– Восемнадцать месяцев. И все это время Кэт пыталась стать такой, какой была до беременности. Но она все еще не вернулась на работу. Они дали ей долгосрочный больничный. Большинство людей не представляют себе, как долго может продолжаться эта послеродовая депрессия.

На лице у Эверетт появляется гримаса.

– Должно быть, все это было очень непросто... Особенно для ее мужа.

– Для Стюарта? Да он просто герой. Я даже представить себе не могу, что с ней было бы, не имей она такой поддержки.

Какое-то время обе молчат, но думают об одном и том же: как поддерживал Саманту Эсмонд ее муж?

Дверь открывается, и входит одна из патрульных констеблей. Они с Сомер обмениваются приветствиями.

– Ладно, – быстро говорит Эверетт, пока дверь кабинки закрыта. – И что теперь?

– В первую очередь завтра я поговорю с ее врачом, – отвечает Эрика. – Посмотрим, что она нам расскажет.

– Странно, правда, что родители Саманты даже не упомянули об этом?

– Стю понадобились месяцы, прежде чем он признался моим родителям, – Сомер качает головой. – Иногда когда делишься с кем-то своей проблемой, то становится еще хуже, особенно если люди живут далеко и ничем не могут тебе помочь.

В ее голосе слышится боль, и Эверетт решает не беречь эту рану.

По крайней мере, сейчас.

* * *

Когда раздается звонок телефона, я сижу в машине – жду, пока мне удастся съехать с кольцевой дороги. Неважно, каким путем вы пытаетесь въехать в город во время утреннего часа пик (а я испробовал их все), все равно попадете в пробку. Настроение у меня не из лучших, и я никак не могу решить, стоит ли отвечать на этот гребаный звонок. Пока не вижу, кто звонит.

– Алекс? Как здорово, что ты позвонила... Как у тебя дела? Как твоя сестра?

«Суетишься, Фаули, суетишься...»

Она молчит, и это мне не нравится.

– Алекс?

– Кто она, Адам?

Не знаю, что убивает меня больше – вопрос или тон, которым она его задает.

– О ком ты? Прости, я тебя не понимаю.

– Вот только не надо... Ты же лжец и всегда им был.

– Честное слово, я не понимаю, о чем ты.

Я слышу, как она втягивает воздух. У нее прерывистое, злое дыхание.

– Я сегодня заезжала домой, чтобы забрать почту...

– Надо было предупредить – я бы подождал тебя. Почему ты мне ничего не сказала?

– ...и когда уже уезжала, встретила миссис Баррет.

Которая живет напротив нас и от безделья сует нос куда не следует. Это плохо.

– Она сказала, что видела тебя – с ней.

– С кем? Послушай, Алекс, я не придуриваюсь – я действительно не понимаю, о чем ты. Честное слово. И почему ты готова верить этой тетке Баррет, а не мне?

– Потому что у *нее* нет причин врать мне.

Теперь наступает моя очередь втягивать воздух. Нам обоим надо успокоиться. И попридержаться эмоции.

– Алекс, клянусь тебе. Я. Не. Знаю. Если речь идет о женщине – ты что, думаешь, у меня есть на это время?

Но еще не успев закончить фразы я понимаю, что говорить ее не следовало.

– Прошу тебя, только не клади трубку. Мы с тобой не разговаривали несколько недель – и теперь вот это? Клянусь тебе, я ни с кем не встречаюсь. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты вернулась домой. Ну как еще тебе это объяснить? Что мне сделать, чтобы ты мне пове- рила?

Она молчит.

– Послушай, я знаю, что у нас сейчас проблемы. Я знаю, что ты хочешь усыновить ребенка, и мне очень хотелось бы, чтобы я хотел того же, но я не хочу. И не могу позволить нам строить семью на таком глобальном разногласии. Это нечестно по отношению к тебе и, что самое главное, нечестно по отношению к ребенку, которого мы можем усыновить.

Мне можно этого не говорить. Все это перелопачено давным-давно. Еще в ноябре Алекс заставила меня выслушать серию передач о том, как искали приемных родителей для брата и сестры, двух и трех лет.

Временный воспитатель, старательный и внимательный социальный работник, новые родители, которые, с одной стороны, вне себя от радости, что могут дать этим малышам кров, а с другой – боятся, что те могут им не понравиться; и вот наконец последняя программа, записанная много месяцев спустя, в которой говорится о том, что они, все четверо, создали настоящую семью, в которой царит любовь и в которой существуют те же проблемы и та же необходимость ежедневной притирки, как и во всех других семьях. Я знал, почему Алекс хотела, чтобы я это услышал, – и, естественно, я это сделал. Она хотела доказать мне, что не все думают об усыновлении то же, что и я. Что найти любовь, приятие и сопричастность вполне возможно. И программа это доказывала – доказывали все эти люди, написавшие на радио потому, что были тронуты этой историей, и те, кто написал потому, что хотел доказать правильность своего собственного решения об усыновлении, какие бы сложности ни стояли у них на пути. А потом, в конце, прозвучало интервью с женщиной лет пятидесяти, которая сравнила усыновление с пожизненным приговором и описала то ощущение вины, которое она чувствовала, «будучи каким-то жутким подобием кукушки», то чувство разоб- щенности и боли, которое со временем становилось лишь сильнее, а не легче. Алекс слушала все это, замерев на месте. Я не мог смотреть на нее, поэтому подошел к окну и стал разглядывать сад, который в темноте был не виден. А через три дня она сказала мне, что уходит.

И вот теперь она молчит на другом конце линии.

– Алекс...

– Это было в воскресенье, – говорит она ледяным тоном. – Миссис Баррет выставляла мусорные ящики и видела, как из дома выходила женщина. А еще она сказала, что вы оба вели себя очень «по-свойски». – Теперь в ее словах слышится горечь. – Она блондинка. Лет тридцати. Очень привлекательная. По всей видимости, – добавляет она.

Вот теперь я все понимаю. И кто это был и почему это причиняет Алекс такую боль. Она думает, что я хочу поменять ее на кого-то помоложе, кто сможет родить мне ребенка.

– Это была Эрика. Эрика Сомер. Она у нас работает. Ты же знаешь.

Но Алекс никогда с ней не встречалась. Эрики не было на моем дне рождения.

– Миссис Баррет ничего не говорила про форму.

– Потому что теперь Сомер работает в криминальном отделе. Я тебе говорил.

– И что же она там делала? В нашем доме? В воскресенье? В десять

вечера? – Но теперь в ее голосе слышится неуверенность. Она хочет мне верить. Или мне хочется так думать.

– Она хотела кое-что обсудить со мной. А в доме царил полный бардак, поэтому Сомер предложила немного убраться. Вот и всё. Правда.

И снова тишина.

– Дом действительно выглядит чище, чем я ожидала, – говорит она наконец. – По крайней мере, сегодня утром.

– Моей заслуги в этом нет. Хотя мне и хотелось бы это сказать. Но ведь ты сразу осадила бы меня. Ты же сама сказала, что я лжец.

Я пытаюсь говорить это со смехом, чтобы она присоединилась ко мне.

Неожиданно машины передо мной начинают двигаться, и сзади раздается сигнал.

– Послушай, почему бы тебе не приехать сегодня? Я закажу еду. Бутылочку вина. И мы сможем нормально поговорить.

– Я не знаю, Адам. – Она вздыхает.

– Но ты мне веришь? Я о Сомер.

– Да, верю, – говорит Алекс монотонным и несчастным голосом. – Но я еще не готова вернуться. Пока не готова. Прости.

И она отключается.

* * *

Помещение полно народа и сотрясается от кашля. Кругом хрипящие легкие и текущие носы. Январские микробы. Сама приемная располагается в специально приспособленном жилом помещении в одном из тех викторианских домов на одну семью, которые кажутся очень узкими со стороны улицы и уходят далеко вглубь квартала. Комната ожидания расположена в самой глубине здания, и из ее окон виден сад, который, должно быть, летом выглядит очень мило, а сейчас засыпан слоем опавших и гниющих листьев высотой до колена. В самом конце его стоит большое дерево, окруженное кольцом из выцветших опавших иголок ржавого цвета толщиной в два дюйма.

«Какой смысл заводить вечнозеленые растения, – размышляет Сомер, – если все равно приходится убирать весь этот мусор?»

Хотя она приехала до начала приема, ей приходится ждать не менее получаса, пока освободится доктор Миллер. Женщина явно измотана. Ее выкрашенные синькой седые волосы забраны в тугий пучок, а на лбу красуются очки. Сомер готова поспорить, что она теряет их не реже двух

раз в день.

– Простите, офицер, – говорит женщина, суетливо передвигая предметы на своем столе. – Неделя после каникул всегда похожа на кошмар... Чем я могу вам помочь?

– Я по поводу Саманты Эсмонд.

Суетливые движения прекращаются.

– А, ну да. Это просто кошмар, – в ее глазах мелькает неподдельное душевное страдание.

– Мы говорили с одной из подруг Саманты, и она думает, что та могла страдать от послеродовой депрессии. Это правда?

Врач начинает постукивать шариковой ручкой по столешнице.

– Вы же понимаете, что это конфиденциальная медицинская информация. Я полагаю, что вы получили все необходимые разрешения?

– Уверяю вас, с бумагами всё в порядке. Если хотите, могу показать вам копию.

Сомер не ожидает, что врач будет ловить ее на слове, но та протягивает руку. Детектив достает из сумки лист бумаги. Миллер опускает на нос очки, задевая при этом свою прическу. Прочитывает бумагу, затем кладет ее на стол перед собой и снимает очки.

– Да, – произносит она со вздохом, – у Саманты действительно была послеродовая депрессия. И уже не в первый раз. Те же проблемы у нее были, когда родился Мэтти, хотя, если судить по ее записям, после рождения Захарии все было гораздо хуже. И продолжалось гораздо дольше.

– А в чем это выразалось?

– Симптомы вполне обычные: апатия, ощущение собственной неполноценности, беспричинные слезы, проблемы со сном.

– Она принимала лекарства?

– Да. Недавно я назначила ей темазепам, чтобы отрегулировать ее сон. А еще она принимала сертралин, чтобы снять тревожность.

– Все было настолько плохо, что вы назначили ей антидепрессант?

– Да, боюсь, что так. – Миллер внимательно смотрит на констебля. – Мы попробовали несколько вариантов, прежде чем пришли к выводу, что этот препарат наиболее ей подходит.

Сомер колеблется, но вопроса не избежать.

– А вы никогда не думали, что она может причинить вред себе? Или ребенку?

– Если быть до конца честной, – доктор откидывается в кресле, – нас начинал беспокоить Захария, но не только по этой причине. Как это ни прискорбно. У него слишком часто возникали боли в животе. Мы пытались

выяснить причину этого.

– Понимаю...

– Хотя ничто не указывало на то, что с малышом плохо обращаются, если вас это интересует... А что касается Саманты, то она была... я бы сказала... совершенно ошеломлена. Не забывайте, ей приходилось думать еще и о Мэтти. Для нее это было чересчур.

– Но муж ей помогал, не так ли?

– Майкл? Да он просто образцовый муж. Большого для нее никто не сделал бы. Магазины, уборка, обихаживание детей, а еще и Мэтти надо в школу возить... И он все это делал. Невероятно ее поддер- живал.

«Или невероятно контролировал», – думает Сомер.

– Не знаю, как он все это успевал и при этом работал на такой ответственной работе, – говорит врач, может быть, излишне лаконично. Возможно, она почувствовала скепсис Сомер. – Большинство людей этого не выдержали бы. Включая меня.

– А на нем этот стресс никак не отражался?

– Доктор Эсмонд не принимал никаких препаратов против стресса, депрессии или чего-то подобного. – Миллер прищуривается. – Что же касается Мэтти, то мальчик был довольно нервным ребенком, но при этом было ясно, что его любят и за ним хорошо ухаживают. Что еще вы хотите от меня услышать?

Это что-то новенькое.

– Вы сказали, что Мэтти был нервным ребенком. А в чем это проявлялось?

Миллер вновь начинает постукивать ручкой по столу.

– Он был немного раздражительным. Принимал все слишком близко к сердцу. Впечатлительный и, как мне кажется, легкоранимый ребенок.

– Легкоранимый? Вы хотите сказать, что над ним издевались?

– Нет. – Врач качает головой. – Я абсолютно уверена, что это не тот случай. Школьный врач связывалась со мной в прошлом году, и я уверена, что она сказала бы мне о подобных вещах.

– А если не об этом, то о чем она хотела с вами поговорить?

– Мэтти сильно беспокоился о своей маме, – вздыхает Миллер. – Он рассказал учительнице, что мама видит призраков.

* * *

Гислингхэм как раз едет в участок, когда звонит его мобильный.

Одного взгляда на экран достаточно, чтобы понять, что на звонок необходимо ответить. Он съезжает на обочину и берет трубку.

- Детектив-сержант Гислингхэм.
- Крис? Это Пол Ригби. Я на Саути-роуд. А вы где?
- В машине. И могу подъехать минут через двадцать.
- Отлично. Я думаю, что вам стоит как можно скорее увидеть это.

* * *

*13 июня 2017 года, 14:13
205 дней до пожара
Саути-роуд, 23, Оксфорд*

Когда Сэм возвращается с мальчиками из парка, Майкл находится в саду. После серенького утра солнце наконец вышло из-за туч, и стало так жарко, что ей пришлось вернуться раньше, чем она планировала. На кухне каждый из детей получает свою порцию сока, и, только подойдя к раковине, чтобы вымыть стаканы, она понимает, что муж в саду не один. Вместе с ним находится молодой человек, которого она никогда прежде не видела. Высокий, симпатичный, одетый в рабочие шорты и лоферы. Даже на таком расстоянии видно, что он чувствует себя вполне комфортно. Заинтригованная, Саманта посылает мальчиков на улицу и сама выходит вслед за ними.

– Я Гарри, – говорит молодой человек, когда она подходит к нему, и с улыбкой протягивает ей руку. Такую улыбку в этом городе Сэм видела множество раз. Она результат высокого мнения о себе, глубоко укоренившейся веры в свою собственную значимость и уверенности, что ты всегда будешь достойно воспринят окружающими.

– Гарри откликнулся на объявление, – объясняет Майкл. – То, которое я поместил в газете, о помощи по саду.

– Ты мне никогда об этом не говорил. – Сэм даже не пытается скрыть своего недоверия. Ее муж в жизни не разместил ни одного простейшего объявления. И всегда говорил, что неизвестно, чем все это может закончиться.

– Мистер Эсмонд надеялся, что я успею подстричь лужайку до вашего возвращения, – вмешивается в разговор Гарри. – В качестве сюрприза. Но в косилке закончился бензин.

– Я же говорила, что нам надо всегда иметь запасную канистру, –

жизнерадостным тоном произносит Саманта. Ей не хочется, чтобы Майкл подумал, что она недовольна, особенно в присутствии постороннего. – Так вы, значит, студент, Гарри? – Она поворачивается к молодому человеку.

– Последнего курса, так что деньги нужны. – Тот кивает со страдальческим выражением на лице.

Мэтти постепенно подобрался к взрослым. В руке у него мяч, и он начинает дергать Майкла за рукав:

– Ну, п-а-а-п...

– Я занят, Мэтти. Мы разговариваем, – отвечает ему Майкл.

– Любишь футбол, Мэт? – спрашивает Гарри, и Сэм замечает, как напрягся Майкл. Никто не называет их сына «Мэт». Они давно уже работают над этим.

Гарри протягивает руку и берет у Мэтти мяч. Затем отходит на пару шагов и начинает показывать разные трюки. Чеканит мяч коленями, ловит его на лопатки... Мэтти просто вне себя от восторга.

– А вы меня можете научить? – спрашивает он, задыхаясь.

– Конечно. – Гарри берет мяч в руки. – Можем начать прямо сейчас.

Сэм видит, как ее муж готов сказать: «Нет», – но Мэтти уже подпрыгивает на месте, размахивает руками и кричит:

– Можно? Папочка, можно?

Захария бросается к ним с криком: «И я! Я тоже!»

– А вы уверены, что вам этого хочется? – поворачивается Сэм к Гарри.

И опять тот улыбается ей этой своей улыбкой.

– Конечно. Без проблем. Мне сегодня больше нечего делать. И мне всегда хотелось иметь братишку.

Через час дети окончательно выбиваются из сил, а Майкл удаляется в свой кабинет. На кухне Сэм угощает Гарри пивом.

– Приятное местечко, – говорит он, проходя через гостиную и рассматривая мебель, дедовские часы и рояль со стоящими на нем фотографиями.

– Это дом семьи Майкла, – объясняет Сэм, не понимая, почему вдруг начинает говорить извиняющимся тоном. – Здесь мало что изменилось после смерти его бабушки.

Гарри поднимает крышку рояля и нажимает несколько клавиш, а потом кривит лицо:

– Давно пора настроить.

– Знаю. – Саманта вздыхает. – Мы все время хотим это сделать, но сами знаете, как оно бывает... Хотя Мэтти хочет учиться играть.

– Правда? – Гарри смотрит на нее. – Тогда вам надо поддержать это его

желание. Сейчас у него самый возраст.

Он закрывает крышку и берет в руки фото, на котором Мэтти играет в песочнице со своим дядей. На ней сыну года четыре, и он улыбается во весь рот. Неожиданно у Сэм перехватывает горло, и она понимает, что Мэтти давно уже так не улыбается. Или не улыбался до сегодняшнего дня.

– А вы точно вернетесь? – быстро спрашивает она. – Я имею в виду поработать в саду?

* * *

Начальная школа Епископа Кристофера англиканской церкви все еще до конца не избавилась от рождественских украшений. Мусорные ящики полны орнаментов, готовых к переработке, но это далеко не всё, так что на некоторых окнах все еще остается приклеенная мишура. Сомер и Эверетт вылезают из машины. Эрика, в отличие от Верити, никогда не была здесь, поэтому и попросила подругу поехать с ней.

– Здесь многое изменилось?

– Да нет. – Эверетт качает головой. – Дети, наверное, будут другими, но само место такое же, как и было.

Как и было тогда, когда пропала Дейзи Мэйсон и Эверетт с Гислингхэмом приезжали сюда, чтобы допросить учителей и одноклассников. А теперь школа недосчитается еще одного ученика, и вопросы начинаются по новой.

Эверетт проходит вперед – она знает, куда идти по этим запутанным коридорам. И их, очевидно, уже ждут. Алисон Стивенс нервно ходит по приемной перед своим кабинетом.

– Детектив-констебль Эверетт! – восклицает она, подходя к полицейским и протягивая руку. – Как я рада снова видеть вас, несмотря на трагичность ситуации...

– Это моя коллега, детектив-констебль Сомер.

Эрика пожимает руку женщины, обращая внимание на то, как прохладна ее кожа и как тревожна улыбка.

– Прошу вас, проходите. Я пригласила учительницу Мэтти присоединиться к нам.

Эверетт не знает женщину, которая ждет их в кабинете. На ней надеты большие круглые очки, платье с ярким цветочным орнаментом и теплый кардиган. Все это дополняют ботинки на плоской подошве. Она разительно отличается от элегантной и сдержанной Стивенс.

– Это Эмили Уэст, – представляет ее директриса. – Работает у нас с прошлого года.

Значит, она никогда не знала Дейзи Мэйсон. Стивенс этого не говорит, но это и не нужно. Директриса поворачивается к столу и, пытаясь как-то успокоиться, начинает разливать чай. Возле компьютера стоит фотография ее дочери, волосы которой искусно заплетены в косы. Девочке, наверное, столько же лет, сколько и Мэтти Эсмонду. Эверетт и Сомер садятся. Кажется, Эмили Уэст волнуется гораздо меньше директрисы.

– Вас интересует Мэтти? – спрашивает она.

– Сегодня утром я встречалась с его врачом, – начинает Сомер. – Она сказала, что Мэтти почему-то вас беспокоил. Причем настолько, что школьный врач даже звонила ей.

Сомер намеренно ни слова не говорит про призрак. Ей интересно, как они сами заговорят о нем, если вообще заговорят.

– Знаю – вы, вероятно, считаете, что это как-то связано с издевательствами в школе, – улыбается Уэст. Она начинает первой, и Эверетт замечает тень недовольства, мелькнувшую на лице Стивенс, хотя та остается сидеть молча. – Но, честно говоря, ничего такого не было. Мальчик беспокоился о маме. Говорил, что она не очень здорова. Что ее «как будто кто-то околдовал». Но больше всего его волновало то, что она рассказала ему, как видела призрака в доме.

– А он не говорил, почему она так решила?

– Как оказалось, она слышала шум. – Уэст кивает.

– И всё?

– Нет. Еще она его видела. – Учительница качает головой.

– А где именно? – Эверетт подается вперед.

– Один раз, кажется, в саду. А еще она думала, что слышала его в доме. Сомер и Эверетт переглядываются.

– И это определенно был «ОН»?

Уэст опять качает головой.

– Нет, совсем не обязательно. По-видимому, она плохо его рассмотрела. Полагаю, что это был некий промельк, который вы засекаете краем глаза.

– И она была единственной, кто его видел?

– Хороший вопрос, – говорит Уэст после паузы. – Возможно, Мэтти тоже, или ему так казалось... Сложно вспомнить точно его слова, но у меня такое ощущение, что он думал, что тоже что-то видел.

«Но не надо забывать, – думает Сомер, – что речь идет о мальчике, которого характеризуют как “впечатлительного”. И если его мама сказала

ему, что видела призрак, то он вполне мог решить, что тоже видел его».

– А вы обсуждали это с кем-то из его родителей? – задает вопрос Эверетт.

– Однажды я говорила об этом с доктором Эсмондом. – Уэст кивает и смотрит на Стивенс. – Мы хотели, чтобы сюда пришли оба родителя мальчика, чтобы с ними можно было спокойно поговорить, но Майкл сказал, что очень занят, а Саманта нездорова. Что она сидит на таблетках и иногда от этого ведет себя будто одурманенная, но что всё под контролем и беспокоиться не о чем. Однако он обещал мне поговорить с Мэтти. Честно говоря, Майкл был со мной немного резок, но ведь он, в конце концов, ученый, и я думаю, что рассказы о призраках и вурдалаках должны его раздражать.

«Это точно не относится к антропологам, – думает Сомер. – Он бы как раз хорошо понял, что все это может означать...»

– А сам он ничего странного не наблюдал?

– Нет, абсолютно ничего, – быстро отвечает Уэст. – Все это было для него новостью. И мне кажется, что это была одна из причин, по которой он так вышел из себя, – мы узнали о его семье нечто, что было не известно ему самому.

– И когда же вы с ним говорили? – Эверетт достает блокнот.

– В прошлом году, кажется, в конце весенней четверти. Да, именно тогда.

– А как вы нашли Мэтти, когда он пришел в школу осенью?

– Должна сказать, – подает голос директриса, – выглядел он более счастливым. Раньше у него были проблемы с тем, чтобы с кем-то познакомиться, а теперь он был более уверен в себе.

– И что, на это была какая-то особая причина? – спрашивает Сомер, переводя взгляд с одной женщины на другую.

– Нет, – отвечает Уэст. – Но такое иногда случается. Особенно с мальчиками. Они могут повзрослеть совершенно внезапно.

– Или не повзрослеть никогда, как это произошло с некоторыми из наших коллег, – бормочет себе под нос Эверетт, чем вызывает сухую улыбку у Стивенс.

Сомер глубоко вздыхает – что ж, коль уж спрашивать, так до конца.

– А у Мэтти были нормальные отношения с отцом? – Она старается произнести это беззаботным голосом, чтобы не повлиять на ответ.

– Совершенно очевидно, что доктор Эсмонд был человеком строгим, – Уэст улыбается, – но Мэтти боготворил его. Какой он умный, какая у него важная работа... В прошлом году Мэтти был единственным учеником в

классе, отец которого занимался научной деятельностью.

– Мой папа сильнее твоего папы, – говорит Эверетт.

– Что-то вроде этого. – Уэст усмехается. – Вы знаете, как дети иногда любят похвастаться.

«Что-то во всем этом не сходится, – думает Сомер. – Но будь я проклята, если знаю, что именно...»

– То есть вы ничего не знаете о том, что могло бы волновать мальчика в конце осенней четверти? – спокойно продолжает она. – Может быть, какие-то проблемы дома?

– Нет, не знаю. – По лицу Уэст нельзя ничего понять. – Он просто с нетерпением ждал каникул. Как и все дети. Простите, но я не знаю, что еще вам ска- зать.

Эверетт и Сомер встают. Чай так и остается нетронутым.

* * *

Когда Гислингхэм подъезжает, Ригби уже ждет его в конце подъездной дорожки на Саути-роуд. На нем черный комбинезон и каска, на шее болтается респиратор.

– Мы нашли это всего час назад, – рассказывает он, пока они идут к дому мимо трех человек, стоящих на четвереньках и разбирающих кучу мусора, – но, честно говоря, у нас были другие приоритеты.

Они останавливаются перед гаражом. Тот расположен в нескольких ярдах от дома, поэтому почти не пострадал, если не считать следов сажи и вздувшейся краски.

На дверной ручке висит замок, но Гис сразу же видит, что он не заперт.

– И, упреждая ваши вопросы, – продолжает Ригби, с усилием открывая дверь, – когда я сюда попал, все было так, как вы видите сейчас. На мне были перчатки, так что если здесь есть отпечатки пальцев, то они остались нетронутыми.

Он нажимает на выключатель, и в помещении вспыхивают и начинают потрескивать лампы дневного света. Возможно, изначально помещение строили как гараж, но сейчас оно превращено в сарай. Мусорные контейнеры на колесах, пара древних лопат, коробки с кучей домашнего хлама, тачка, велосипеды, садовый стол, стулья и тент, весь затянутый паутиной.

– Похоже на то, что люди верно говорят, – замечает Гислингхэм, оглядываясь, – мусор действительно старается заполнить любое свободное

пространство.

Но, еще не успев закончить фразы, он понимает, что хочет показать ему Ригби. Возле одной из стен стоит газонокосилка. С мотором.

– Судя по пятнам на полу, – негромко говорит пожарный, – думаю, что рядом стояла емкость с бензином для этой косилки. А теперь ее совершенно точно нигде нет.

– Но я готов спорить, что знаю, где мы ее найдем, – говорит Гислингхэм с мрачным лицом.

– И это еще не всё. – Ригби кивает. – Тут есть еще кое-что.

Он начинает пробираться между кучами хлама, жестом приглашая сержанта следовать за собой. В задней стене виднеется дверь, которая открывается в совершенно иной мир. Бледно выкрашенные стены украшены детскими рисунками, на полу лежат ковры ярких восточных расцветок, а стеклянная дверь выходит прямо в сад.

– Мы даже не подозревали об этом помещении, – говорит Ригби. – Жалюзи на дверях были опущены, поэтому для нас это была просто задняя стена гаража. – Он обводит взглядом помещение. – Неплохая берлога, правда?

Гислингхэм смотрит во все глаза. На стол, на ящики для бумаг, на полки с книгами.

Это вовсе не берлога. Это кабинет Майкла Эсмонта.

* * *

Когда Гис звонит мне с Саути-роуд, по звуку я понимаю, что он находится в каком-то помещении.

– Мы нашли его стационарный компьютер и зарядку для ноутбука. Его он, по-видимому, взял с собой. А еще здесь целая куча бумаг. Я не преувеличиваю.

Я глубоко вздыхаю:

– Ладно, тащи компьютер сюда, мы его проверим. И боюсь, что нам придется внимательно просмотреть все эти гребаные бумаги.

– Слушаюсь, босс. Я все организую.

На мгновение я задумываюсь, на кого он это все свалит. И если бы я был азартным человеком, то поставил бы на Куинна.

– Но и это еще не всё, босс. Мы наконец обнаружили машину Йюрьена Кёйпера с помощью распознавателя номеров. В ту ночь он был на выезде с окружной дороги в Литлморе в десять минут первого ночи. Это

практически сразу же после начала пожара, так что я не думаю, что поджигал он. От Саути-роуд до этого места даже ночью минут пятнадцать, а на камерах не видно, чтобы машина превышала скорость.

Я все еще никак не могу понять, какого черта Кёйпер катался так поздно и в такую жуткую погоду, но это, похоже, уже совсем другая история, конца которой мы никогда не узнаем.

* * *

Эверетт и Сомер едва успевают к началу совещания в 16.30. Эрика вылезает, не дожидаясь, пока Верити припаркует машину, и идет к полицейскому участку. Вновь начинается дождь, и Эверетт никак не может найти свободное место, а когда выключает двигатель, видит, что Сомер говорит с кем-то в дверях участка. В сумерках и под дождем ей требуется несколько мгновений, чтобы понять, с кем она общается.

С Фаули.

По своей природе Эверетт не любопытна. Ее не интересуют сплетни, и она старается жить, не вмешиваясь в жизнь других людей. Но не смотреть она не может. Фаули с Сомер стоят очень близко друг к другу, и невозможно определить, прячутся ли они от дождя или что еще. От лампы, горящей у них над головами, падают глубокие, резкие тени; видно, как Фаули наклонил голову и что-то говорит Сомер – настойчиво и в то же время как близкому человеку, чего Эверетт раньше никогда не замечала. Обычно он держит дистанцию – во всех смыслах. Но не сегодня.

Верити открывает дверь и медленно вылезает из машины. Потом поворачивается, достает с заднего сиденья зонтик и открывает его, стараясь произвести как можно больше шума, желая дать им возможность заметить, что она уже на подходе. И это ей, очевидно, удастся, потому что когда она подходит к двери, рядом с Сомер никого нет.

– Кто это был? – небрежно спрашивает Эверетт, стряхивая зонтик.

– Да так, один из патрульных. Спрашивал, как идет расследование.

У Верити обрывается сердце. Поскольку, как любой мало-мальски приличный офицер полиции, она знает, что обычно люди врут только тогда, когда им есть что скрывать.

* * *

Отправлено: Ср 10/01/2018 в 15:45

Важность: Высокая

От: Colin.Boddie@ouh.nhs.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk, AlanChallowCSI@
ThamesValley.police.uk

Тема: Токсикология и анализ крови: Дело № 556432/12
Феликс-Хаус, Саути-роуд, 23

Я только что получил результаты токсикологии всех трех жертв. Вкратце: у Мэтти Эсмонда не обнаружено никаких отклонений. В крови Захарии обнаружен достаточно высокий уровень ацетоминофена (парацетамола), но он не превышает уровень, соответствующий терапевтической дозе такого детского лекарства, как «Кал-пол».

В крови Саманты Эсмонд обнаружен десметилсетралин (входит в состав антидепрессанта сетралина) в концентрациях, соответствующих терапевтической дозе. Однако в крови обнаружен также очень высокий уровень алкоголя (0,10 %) и бензодиазефина (входит в состав темазепама). Чтобы снять все сомнения – уровень бензодиазефина соответствует терапевтической дозе, но в комбинации с алкоголем мог быстро привести женщину ее роста и веса к опьянению. Что касается Саманты, я не закончил еще один тест, результаты которого направлю вам, как только буду иметь их на руках.

Что касается результатов анализа крови Захарии Эсмонда: уровень монооксида углерода значительно ниже, чем я предполагал. Поэтому я не могу полностью исключить вероятность того, что Захария был уже мертв к тому времени, когда начался пожар. Никаких других повреждений я не обнаружил, но наиболее вероятной причиной смерти может быть удушье.

Честно говоря, во время совещания я ощущаю себя не в лучшей форме. Никак не могу забыть звонка Алекс. Сам я трижды пытаюсь дозвониться до нее, но каждый раз натываюсь на голосовую почту. А потом прекращаю эти попытки, поскольку понимаю, что они выдают мое отчаяние. Хотя это так и есть. И какая-то часть меня хочет, чтобы Алекс об этом узнала.

Так что если я пару раз теряю нить дискуссии, то именно из-за этого. Хотя это не попытка оправдаться. Просто констатация факта. И мне это сходит с рук лишь потому, что обсуждать практически нечего. Несмотря на наши обращения, на твиты, на сотни поступивших к нам звонков и на количество затраченных человеко-часов, о котором я даже думать боюсь, мы всё еще не имеем ни малейшего представления о том, где скрывается этот чертов Майкл Эсмонд. О чем я и говорю всем собравшимся. И вижу, как Эверетт бросает на меня пару быстрых взглядов. В то самое время, когда Сомер отчитывается о визите в школу и к семейному терапевту.

– Итак, – говорит она, подводя итог, – теперь мы знаем, что Саманта Эсмонд страдала от постнатальной депрессии. Но ее врач настаивает на том, что она не представляла никакой опасности ни для себя, ни для своих детей.

Может быть, Эрика использует другие слова, но все мы понимаем, что она имеет в виду: если кто-то хочет превратить Саманту в вероятную подозреваемую, то Сомер с ним не по пути.

– А ты в этом уверена? – спрашивает Бакстер, читая что-то в своем телефоне. – Вот здесь сказано, что в тяжелых случаях может развиться паранойя с галлюцинациями, и если заболевание не лечить, то до четырех процентов матерей кончают тем, что убивают своих детей.

При этих словах по комнате проносится тревожный шепот.

Все помнят, что написано в письме Бодди: Захария мог быть мертв до того, как начался пожар. А удушение – это один из самых распространенных способов, которым женщины убивают своих детей.

– Ты сейчас говоришь о послеродовом психозе, – немного резко возражает ему Сомер. – А не о постнатальной депрессии. А Саманте никогда не ставили диагноз «послеродовой психоз».

– И все равно... – продолжает Бакстер.

Но она не дает ему закончить:

– Послеродовой психоз почти всегда начинается в течение первых двух недель после рождения младенца. Захарии было *три* года. Количество случаев начала послеродового психоза после такого длительного периода после рождения исчезающе мало.

Бакстер смотрит сначала на меня, потом на Сомер.

– А ее постнатальная депрессия не могла перерасти в послеродовой психоз? Такое невозможно?

– Нет. – Сомер качает головой. – Это два совершенно разных заболевания. И одно не приводит к другому.

– То есть если Саманта действительно что-то видела, то с депрессией это никак не связано?

– С болезнью – нет. Предположу, что здесь могли сыграть свою роль препараты. Но даже если это так, между появляющимися призраками и намеренным убийством всей семьи – дистанция огромного размера.

Что-то в выражении ее лица и в том, как она это говорит, прекращает дальнейшую дискуссию. Хотелось бы мне обладать ее уверенностью...

* * *

25 июня 2017 года, 16:30

193 дня до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Сэм сразу же чувствует: что-то произошло.

– Я принесла тебе пиво, – осторожно говорит она, ставя бутылку на край стола. В это время года в кабинете просто чудесно: стеклянные двери в сад открыты, и он полон света и ароматов скошенной травы. Красная бабочка-адмирал уселась на принтер и открывает и закрывает свои крылья на теплом сквозняке. Но ее муж хмурится.

– В чем дело?

– Опять этот Филипп, – отвечает Майкл с гримасой. – Он прислал письмо, что приедет тринадцатого июля.

– И на сколько?

– Пишет, что на пару дней, но ведь ты его знаешь. Это легко может растянуться на пару недель.

– Что ж, мы вряд ли сможем сказать ему «нет». Ведь он...

– Знаю, всё знаю... – В голосе Майкла слышится раздражение.

Сэм прикусывает губу. Она хорошо знает, что Филиппа лучше не

защищать. Последний раз, когда она попыталась это сделать, ей пришлось выслушать двадцатиминутную тираду о том, какой он никчемный человек, порхающий по всему свету с одного тропического пляжа на другой и ни разу не сделавший ничего полезного. Ни когда хоронили отца. Ни когда маму надо было поместить в дом для престарелых. Впервые Майкл до конца раскрылся перед ней именно тогда, когда заговорил о Филиппе. Они были вместе около шести недель, и все это время он был настолько безукоризненным, что Сэм уже стала думать, что такого просто не бывает. Все время такой внимательный, терпеливый, деликатный... А потом, в один прекрасный день, она пришла к нему под вечер и застала его разговаривающим по телефону с отцом. Майкл позвонил ему, чтобы сообщить, что в одном из академических журналов вот-вот должна появиться его первая научная статья, но к моменту окончания разговора чуть не плакал.

– Ну что же мне еще сделать? – говорил он. – Филипп даже не стал пытаться поступить в Оксфорд. Он в жизни не сделал ничего полезного, потому что проживает деньги, оставленные ему дедом. Ведь это Филипп должен быть разочарованием для всех. А послушать моего отца, так это я бездомный бродяга, ночующий на станции «Чаринг-Кросс».

Она стала возражать, села рядом и обняла его за плечи.

– Он так гордится тобой... Ты же знаешь, что он не хотел тебя обидеть. Майкл посмотрел на нее; в глазах у него стояли злые слезы.

– Именно, что хотел. Все время слышу только «Филипп – то, Филипп – это»... Все время, пока я рос, папа называл его «Пип». Он ерошил ему волосы и говорил, что возлагает на него «большие надежды». И только годы спустя я понял, на что он намекал, – а так я все это время думал, что он ждал от Филиппа большего, чем от меня. Не думаю, что он хоть на минуту задумался, как такое отношение могло на меня повлиять.

И ее сердце разбилось из-за того, что этот грустный маленький мальчик превратился в невероятно амбициозного мужчину, которым стал. Тогда она ощутила то, что никогда больше не ощущала с Майклом: что в семье она сила, что это она должна отдавать и защищать, а не ждать защиты. Тогда Сэм ощутила это впервые. И больше такого никогда не повторялось.

* * *

Сомер останавливается у своего стола, чтобы забрать пакет с

покупками, которые она сделала во время ланча. Какие-то фрукты из него закатились под стол, и ей приходится встать на четвереньки, чтобы достать их. Когда она наконец выпрямляется, то с удивлением видит, что рядом стоит Куинн. На мгновение Эрика чувствует неловкость, потому что понимает, что у нее красное лицо и растрепавшиеся от усилий волосы.

– Ты что?

Он выглядит застенчивым. Это слово никогда не приходило ей в голову применительно к Куинну.

– Просто хотел убедиться, что с тобой всё в порядке.

Она с удивлением смотрит на него, не уверенная, что правильно расслышала.

– Понимаешь, – он пожимает плечами, – это все из-за того, что ты там говорила. Было такое впечатление, что ты знаешь кого-то с этой болезнью... лично.

Сомер колеблется, не уверенная, стоит ли делиться своей проблемой. Особенно с ним. Но что-то в его лице заставляет ее заговорить.

– Ею болела моя сестра, то есть она и сейчас болеет. – Она смотрит ему прямо в глаза. – Я имею в виду постнатальный синдром. Было очень непросто. Всем нам.

Он кивает.

– Самое страшное, что на этой болезни лежит роковая печать. Даже в наши дни. Многие женщины не получают адекватной помощи, потому что их слишком беспокоит, что подумают о них люди. Боятся, что навсегда останутся с клеймом «плохой матери» или «истерички», или что там еще говорят про женщин, чего никогда не говорят про мужчин. – Сомер останавливается, понимая, что покраснела еще больше.

– Я знаю, – совсем тихо говорит Куинн. – Про эту депрессию. Она была у моей матери.

А вот это уже удар наотмашь. Эрика открывает было рот и снова закрывает его.

– Ты никогда об этом не говорил. Даже когда мы были...

– Все, как ты сказала. – Он снова пожимает плечами. – Предрассудки и дремучее невежество.

А столько лет назад все это должно было быть еще хуже...

– Кончилось тем, что ее пришлось направить на принудительное лечение, – продолжает Куинн, как будто прочитав ее мысли. – Так что отец шесть месяцев был вынужден воевать с новорожденным и с восьмилеткой. Он так и не понял, за что ему все это. – Он поднимает глаза и впервые встречается с ней взглядом.

– Тебе было всего восемь?

На лице Куинна появляется слабая улыбка.

– Па не уставал повторять, что я должен быть большим мальчиком. Что у него и без меня забот хватает. В семье об этом никогда не говорили. Как будто она совершила что-то постыдное. Или криминальное. Прошли годы, прежде чем я узнал, что же в действительности произошло.

Эрика кивает и пытается найти подходящие слова. Теперь она многое понимает в Куинне. Его демонстративную независимость, неприятие слабостей в других, неспособность показать свою незащищенность.

– В любом случае, – он слегка распрямляет плечи, – я просто хотел убедиться.

Он уже достаточно далеко, когда она окликает его:

– Куинн!

– Да? – Он поворачивается к ней.

– Спасибо. За то, что рассказал. Должно быть, это было непросто.

– Пустое.

Он в третий раз пожимает плечами и исчезает из виду.

* * *

11 июля 2017 года, 10:23

177 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– Привет, – здоровается Филипп, когда она открывает дверь. – Я добрался до Пула чуть раньше, чем планировал.

С помолвки, на которой он вел себя как образцовый дружка, хотя перед этим Майкл часто и громко высказывал свои сомнения в целесообразности его приглашения, Саманта видела его всего один или два раза.

С того момента, когда она видела его в последний раз, он похудел, но это ему идет. Выгоревшие на солнце волосы, глубокий загар, рубашка, чуть слишком сильно открытая на груди. У его ног лежит гора пыльных сумок и мешков. Такси как раз заканчивает разворачиваться и выезжает с улицы на Банбери-роуд.

Филипп видит ее реакцию, и на его лице появляется застенчивое выражение.

– Прости, я знаю, что приехал на два дня раньше. Но если это проблема, то я просто оставлю здесь все это барахло и потеряюсь на пару

часов.

– Да нет, всё в порядке, – улыбается Сэм. – Просто все это так неожиданно...

– Я пытался дозвониться Майклу на мобильный, но он не отвечает.

– Такое случается, – говорит она с гримасой. – Он выключает его, чтобы экономить заряд батареи, потом забывает об этом и удивляется, что ему никто не звонит.

– В нем всегда было что-то от пещерного человека. – Филипп ухмыляется. – Я имею в виду, в хорошем смысле.

Одна из соседок останавливается на противоположной стороне улицы. Она притворяется, что поправляет обувь, но Сэм видит, что она засекла Филиппа и сейчас мысленно складывает два и два, получая в результате внебрачную связь.

– Заходи, – быстро говорит Саманта, освобождая проход. – Тебе помочь со всем этим?

– Ни в коем случае, – твердо отвечает Филипп. – Па всегда говорил, что, только научившись путешествовать с рюкзаком, ты научишься отвечать за себя.

К моменту возвращения Майкла они сидят в саду с бутылкой «Шабли», которую привез Филипп. Захария сидит у их ног и играет со своей игрушечной пожарной машиной. Гарри тоже где-то недалеко, потому что лужайка подстрижена, а скошенная трава сложена в мешок рядом с мусорным контейнером. Майкл хмурится, затем идет к холодильнику и, прежде чем выйти в сад, достает себе пиво. То ли нарочно, то ли нет, но Филипп поставил свой стул так, чтобы видеть дом. Заметив Майкла, он немедленно встает.

– Майк! Прости, что свалился как снег на голову, – говорит он и распахивает руки, чтобы обнять брата.

– Без проблем, – говорит Майкл, слегка напрягаясь в его объятьях.

Саманта, заметив эту неловкость, поднимает на него глаза. Ее щеки порозовели, чего Майкл не видел вот уже много недель.

– Мы принесли тебе стул, – с улыбкой говорит она.

– А где Мэтти? – спрашивает он, ставя пиво на стол.

– Со своей приставкой, – говорит Филипп с гримасой. – Я попытался вытащить его на улицу, но, кажется, он полностью погружен в игру.

– Ну да, – произносит Майкл. – И это уже не первый раз. – Он поворачивается к жене: – А что будем делать с обедом?

– Все уже сделано, – быстро отвечает за нее Филипп. – Заказана доставка из «Браун'з». Это самое меньшее, что я мог сделать.

Два часа спустя солнце заходит, и стулья сдвигаются на одну сторону, чтобы Филипп мог поиграть с Мэтти в футбол.

Майкл стоит возле раковины и ополаскивает тарелки, прежде чем поставить их в посудомойку.

– Они так не веселились целую вечность, – говорит Сэм, которая входит на кухню с подносом, заставленным стаканами, и сонным Захарией, которого она прижимает к бедру. – Судя по всему, Филипп – это Криштиану Роналду, а Мэтти – Лионель Месси.

Из сада доносится крик. Филипп только что забил гол и теперь бежит по лужайке, натянув футболку на голову.

– Идиот, – замечает Майкл, правда негромко.

– Завтра он ведет нас кататься на плоскодонке, – как бы между прочим сообщает Сэм.

– Да неужели? – Майкл смотрит на нее. – А ты уверена, что он знает, как это делается? Прошли, должно быть, годы с того дня, когда он делал это в последний раз.

– Он говорит, что знает, – пожимает плечами Саманта. А потом добавляет: – Я думала, что ты обрадуешься. Сможешь поработать в тишине и покое...

И это действительно так.

– Хочешь, я схожу в магазин? – спрашивает Майкл, делая над собой усилие. – С утра можно купить кое-что для пикника в «Маркс и Спенсер»...

– Не волнуйся. Фил сказал, что все сделает. А ты занимайся своей книгой.

Она легко дотрагивается до его руки, а потом выходит на улицу. Воздух полнится взрывами смеха.

* * *

На Саути-роуд Куинн распахивает дверь в кабинет Эсмонда и останавливается, оглядываясь. Судя по тому, что осталось от дома, он ожидал увидеть здесь помпезный письменный стол с убирающейся крышкой, антикварное кожаное кресло и одну из ламп для чтения с зеленым абажуром. Но он сильно ошибся. Вся обстановка в помещении легкая, современная, изысканного дизайна, включая тонкий обогреватель «Дайсон», проигрыватель дисков «Бозе» и блестящую кофемашину «Неспрессо» с полным запасом капсул. Он вешает куртку на спинку стула и

включает обогреватель на полную. Может быть, в конечном счете задание окажется не таким уж хреновым...

* * *

Отправлено: Ср 10/01/2018 в 18:45

Важность: Высокая

От: Colin.Boddie@ouh.nhs.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk, AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

Тема: Анализы крови и токсикология: Дело № 556432/12 Феликс-Хаус, Саути-роуд, 23

Я получил результаты последнего анализа крови Саманты Эсмонд. В крови у нее обнаружено высокое содержание человеческого хорионического гонадотропина (чХГ). Это может быть результатом наличия злокачественной опухоли, но, так как подобное отклонение отсутствует, я не вижу причин отказываться от простейшего клинического объяснения: Саманта Эсмонд была беременна.

Принимая во внимание количество вещества и тот факт, что в моче ничего не обнаружено, я определил бы срок беременности в четыре недели. На этом этапе зародыш представляет собой не более чем простое скопление клеток.

* * *

– Ну, и как вы думаете, она знала? О ребенке?

Этот вопрос задает Гислингхэм в ситуационной комнате. И то ли специально, то ли случайно смотрит при этом на Эв и Сомер.

– Меня спрашивать не стоит. – Эверетт пожимает плечами. – Я никогда не была беременной.

Сомер слегка краснеет, и я неожиданно задумываюсь, не было ли такого эпизода в ее прошлой жизни.

– Невозможно ответить на этот вопрос, сэр, – произносит она. – Хотя я думаю, врач сказала бы мне об этом, если бы делала соответствующий тест.

Но это ровным счетом ничего не значит. Алекс дошла до этого всего

один раз за все те годы, что мы активно старались. Эти дни, полные надежд, – месяц за месяцем. Дни, когда она покупала эти наборы и запиралась в ванной. Дни, когда я слышал ее всхлипывания. Дни – и это были самые тяжелые дни, – когда она выходила молча, с сухим лицом и ледяными руками, и ее тело каменело в моих объятиях. А потом появилась голубая полоска, которая стала Джейком, – и начались дни отчаянной надежды, всяческих предосторожностей и попыток договориться с Господом, в которого я не верю. С тех пор я часто думаю: может быть, в этом была моя ошибка? Ведь я умолял его лишь о том, чтобы Джейк появился – и никогда о том, чтобы он остался с нами.

– Но это могло стать для нее поводом. – Голос Бакстера прерывает мои мысли; тот смотрит на Сомер. – Я хочу сказать, что помню, как ты сказала, что она не могла поджечь дом, но это было до того, как мы выяснили, что она снова залетела. И если у нее все было так сложно с первыми двумя, то, возможно, она не смогла смириться с мыслью о третьем.

– Но это и не повод убивать себя. – Сомер смотрит на него ледяными глазами. – И уж *точно* не повод убивать детей.

– Ладно, ладно, я просто высказал предположение. – Бакстер поднимает руки вверх.

Сомер открывает рот, чтобы ответить, но ее прерывает Эверетт. В роли истинного миротворца.

– Нет смысла спорить по этому поводу. Все очень просто – мы никогда не узнаем, знала ли она о своей беременности.

– А тест ДНК мы можем провести? – задает вопрос констебль Асанти.

– Хорошая идея, но – нет. – Я качаю головой. – Слишком рано.

– То есть мы не знаем, был ли Эсмонд отцом ребенка, – продолжает Асанти. – Я к тому, что вдруг это был кто-то другой, муж узнал и...

– Но ведь он во время пожара был в Лондоне, нет? – негромко говорит Гис.

– А никаких других мужчин в ее жизни мы так и не обнаружили, – поддерживаю его я. – Насколько я знаю, она из дома-то редко выходила, не говоря уже о том, чтобы завести интрижку на стороне.

Асанти идет на попятный. Видно, что он хорошо понимает, когда следует прекращать раскопки. Но в одном констебль прав: эта беременность – джокер, который мы раньше не учитывали. И это не дает мне покоя, как камешек в ботинке.

Дверь открывается, и дежурный офицер осматривает комнату.

– Констебль Сомер? Вас ждут в дежурной части. Некто мистер Филипп Эсмонд.

*12 июля 2017 года, 16:43
176 дней до пожара
Саути-роуд, 23, Оксфорд*

Филипп и Мэтти уже в третий раз подряд затягивают песню «Что нам делать с пьяным морячком?», когда Майкл наконец сдаётся, прекращает работу и возвращается в дом. На кухню. Захария сидит на плечах Филиппа, а Сэм стоит возле раковины, выскребая остатки еды из контейнера. Остатки пикника разбросаны по всей кухне.

– «Вей! Хей! Встает она. Вей! Хей! Встает она. Вей! Хей! Встает она так рано по утрам», – во весь голос кричит Филипп, прежде чем повернуться и увидеть в дверях брата.

– Ищю! Ищю! – Захария барабанит ручками по голове мужчины. – Ищю хочу!

Филипп опускает его на стол и улыбается Майклу.

– Прости, мы тебе помешали? На нас нашло морское настроение, если ты меня понимаешь.

Сэм поворачивается от раковины и улыбается:

– Это было просто прекрасно – не понимаю, почему мы не делаем этого чаще. Всего-то десять минут ходьбы...

Майкл рассматривает брата. Его футболка насквозь промокла.

– Ты что, свалился в воду?

– Ты же знаешь, как говорят, – отвечает Филипп со страдальческой физиономией, – коли не искупался, значит, на плоскодонке не поплавал.

– Дядя Филипп реально классный, – заявляет Мэтти. – Мы были быстрее всех. А еще там был один толстяк, который свалился в воду с целым фонтаном брызг, а один дядька воткнул свой шест в дно...

Майкл кивает.

– Похоже, что вы все...

Но Мэтти еще не закончил:

– А потом там была эта лиса. Это было очень круто.

– Можно было бы подобрать слово и получше, Мэтти, – хмурится Майкл.

– Ты знаешь, – вступает в разговор Филипп, – это было действительно круто. Я имею в виду в буквальном смысле. Мы как раз развернулись возле Вики-Армс и направлялись в сторону дома, когда в воде вдруг появилась

утонувшая лиса. То есть она попала в воду буквально за несколько минут до этого.

– Было клево, – выдыхает Мэтти с широко открытыми, круглыми глазами. – Как будто волшебник превратил ее в камень.

Сэм поворачивается к ним, вытирая руки о полотенце:

– Я никогда ничего подобного не видела. Вокруг было довольно мрачно – все из-за этого тумана... Река словно покрылась льдом.

– Насколько я знаю, – хмуро замечает Майкл, – лисы умеют плавать.

На это Филипп пожимает плечами и вновь забрасывает визжащего Захарию себе на плечи.

– Я знаю только одно, – говорит он. – Эта – не умела.

Всю следующую неделю Майкл думает об этой лисе. Неужели она действительно бросилась прямо в воду? Может быть, за кем-то гналась или от кого-то убегала? Однажды она ему даже приснилась. Они в плоскодонке вместе с Филиппом. Погода холодная, ветви деревьев свисают совсем близко, а с реки поднимаются клочья тумана. Всё окрашено в серо-черные тона. Всё, кроме лисы. Она просто горит от красок. И находится так близко от лодки, что он может дотронуться до нее, протянув руку. Он видит ее усы, грубый мех, пузырьки воздуха возле рта и глаза. Широко открытые и смотрящие прямо в лицо смерти.

* * *

В дежурной части находятся четыре человека, но Сомер без проблем определяет, кто из них Филипп Эсмонд. Пожилой мужчина с грейхаундом; темнокожий молодой человек в капюшоне, играющий в игру на своем мобильном, с дергающейся вверх-вниз ногой; женщина, в которой она сразу же узнает корреспондентку «Оксфорд мейл»; и мужчина лет сорока, расхаживающий по помещению. Издали он здорово похож на Жиля Сумареса. Такая же фигура, такой же загар, такая же уверенность в собственных силах. Когда он поворачивается и замечает ее, то сразу же подходит:

– Констебль Сомер? Я Филипп Эсмонд. Приехал прямо сюда.

Эрика оглядывается.

– Послушайте, давайте пойдём выпьем кофе или что-нибудь в этом роде. Так будет проще.

– А что с Майклом? Вы его нашли?

Сомер качает головой.

– Нет. Боюсь, что нет. – Она замечает, что журналистка с интересом рассматривает их, и понижает голос: – Серьезно, мне кажется, что нам лучше поговорить где-нибудь в другом месте.

Какое-то время он растерянно смотрит на нее, а потом соглашается:

– Конечно. Хорошо. Если вы так считаете...

Кафе находится всего в нескольких ярдах вниз по Карфакс, и в нем никого нет. Оно вот-вот закроется. Сомер покупает кофе, отмахнувшись от предложения Эсмонда заплатить, и они садятся за столик у окна, выходящего на собор Церкви Христа, который освещен прожекторами на фоне низкого, мрачного неба. В воздухе пахнет дождем.

– Итак, – говорит Эсмонд, подаваясь вперед с взволнованным лицом, – что вы можете мне сказать?

– Боюсь, что очень мало. – Констебль вздыхает. – Мы сделали все, что в наших силах, чтобы разыскать вашего брата, но безрезультатно. Может быть, вам хоть что-то пришло в голову с момента нашего последнего разговора – хоть какая-то мелочь, которая может нам помочь?

– Я уже весь мозг сломал, но, честное слово, ничего не могу придумать. Мы не были слишком близки – то есть я любил его, он был моим младшим братом, – но нас так или иначе разделяло очень многое.

Дверь открывается, и в кафе с трудом протискивается мать с одним малышом в коляске и вторым, который крепко держится за ее пальто, засунув палец в рот. Они младше детей Майкла Эсмонда, но ненамного. Филипп на мгновение крепко зажмуривает глаза, а потом поворачивается лицом к Сомер.

– Чем я могу вам помочь? Я же должен сделать хоть что-то?

– Может быть, вы поговорите со своей матерью? Мы сами пытались, но я уверена, что будет лучше, если она услышит все от кого-то, кого она знает.

– Конечно. – Филипп кивает. – Я уверен, что вы правы. Завтра же с утра съезжу к ней. – Он берет ложечку и начинает рассеянно вертеть ее в руках. – Мне в любом случае надо туда. И не только чтобы посмотреть на нее. Мне надо обсудить с ней похороны. Хотя, боюсь, она не в том состоянии, чтобы на них появиться.

Сомер кивает. Эв говорила практически то же самое.

– А кроме того, мне, наверное, придется встретиться с Гиффордами.

– Вы не очень ладите?

Ложечка с грохотом падает на стол.

– Да нет, не совсем так. Честно сказать, я их едва знаю. Но Майкл всегда считал их занудами. По крайней мере, Гиффорда-старшего. Мне

кажется, что с Лорой у них все было хорошо. – Он смотрит ей прямо в лицо. – Не волнуйтесь. Я не собираюсь еще больше осложнять жизнь. Ни им, ни себе.

* * *

Когда я возвращаюсь, дом кажется еще более пустым. По идее, такого не должно быть, но это так – и все от мыслей о том, что Алекс была здесь недавно, а теперь ее нет. Я даже чувствую аромат ее духов. А может быть, это просто шутки моего сознания, и я принимаю желаемое за действительное...

В холодильнике я нахожу половину пиццы и полбутылки красного – так что на вечер я в порядке. Кладу пиццу в микроволновку и иду по дому, задерживая шторы на всех окнах. С тревогой понимаю, что становлюсь похожим на своего отца. Зимой он выводил нас из себя тем, что каждое утро, как по будильнику, переходил из комнаты в комнату с полотенцем в руках, вытирая конденсат на окнах. Хотя, успокаиваю себя, я еще не настолько запрограммирован. Пока еще.

В гостиной на мгновение останавливаюсь, чувствуя, что в ней что-то изменилось. Я не заходил в эту комнату вот уже несколько дней, с того самого момента, как у меня была Сомер. И, наверное, в ней все дело. Должно быть, она здесь что-то передвинула, когда убиралась. Не слишком, но я это замечаю. И сейчас понимаю – фотографии на камине стоят в другом порядке. Внезапно в голове у меня возникает образ констебля, разглядывающей фото и впервые видящей свидетельства моей частной жизни.

Наша свадьба: Алекс в длинном сатиновом платье цвета слоновой кости, облегающем ее, как перчатка. Увидев ее в конце церковного прохода, я тогда чуть не задохнулся. Наш медовый месяц на Сицилии: мы загорелые, счастливые, с бутылкой шампанского на фоне заката в Ардженто. Наш Джейк. Ну конечно, Джейк. Младенец, первоклассник, на пляже рядом с песчаным замком, который он строил целый день. Сейчас ему было бы двенадцать. И он учился бы уже в средней школе. И его уже не интересовали бы замки из песка. Он уже начинал бы размышлять о девочках.

У нас в отделе есть одна компьютерная программа – такие используют для старения фотографий пропавших детей. Однажды Алекс попросила меня прогнать через нее фотографию Джейка, но я ответил, что это

невозможно: каждое использование программы жестко фиксируется, и вообще это неэтично. Я только не сказал ей, что уже давно сделал это. Это было как-то вечером, когда в офисе никого не осталось. И использовал я фото, которое сделал за две недели до его смерти. Снял Джейка с такого близкого расстояния, что на его верхней губе была видна едва заметная влага. Как раз перед этим он хмурился, и камера зафиксировала тень этой нахмуренности – едва заметную складку между бровями и задумчивые темные глаза. С тех пор я все пытаюсь разгадать, думал ли он об этом уже тогда, планировал ли, знал ли, что сделает совсем скоро?

Хотя врачи сказали, что это маловероятно: дети, лишаящие себя жизни в столь юном возрасте, редко что-то планируют. Но даже если это и так – я не могу без боли смотреть на эту фотографию. Возможно, именно поэтому и выбрал ее. Жутковато было сидеть в полутемной пустой комнате и следить, как дорогое тебе лицо удлинняется, его мягкие контуры становятся жестче. Я видел, каким он стал бы в возрасте пятнадцати, двадцати и тридцати пяти лет. Я наблюдал, каким он был бы, став мужчиной и сделав меня дедом... Я видел его в своем собственном возрасте. В действительности он так и остался в своем времени, но для меня – мы стареем вместе с ним, рука об руку.

* * *

Совещание на следующее утро занимает не больше десяти минут. Дело постепенно превращается в «висяк». Мы безостановочно ходим по кругу. Тупики, фальстарты, темные аллеи. Бумаги, бесконечные хождения, телефонные звонки. Хотя у нас появляется кое-что новенькое – мы наконец получаем информацию о финансовом положении Эсмонда. А как всегда говорит Гислингхэм, «если это не любовь, то точно деньги». Правда, к огорчению Бакстера, изучать финансы – работа скучная. Когда я позже заглядываю в отдел, он сидит, оперевшись подбородком на руку, и смотрит на экран компьютера. А рядом с ним стоит кофе и лежит один из шоколадных батончиков, о которых его жена наверняка и не подозревает. Но я ей ничего говорить не буду.

* * *

В 9:45 утра Куинн ногой распахивает дверь в кабинет Эсмонда и

сгружает пакеты на пол. На этот раз он прибыл полностью подготовленным. И принес не только новые капсулы для кофемашины, но и круассан с миндалем, купленный в одной из французских кондитерских в Саммертауне, и сэндвич, на случай если вдруг проголодается. Он готовит себе эспрессо и в это время прислушивается к громоханию обломков, которые эксперты ссыпают на тележки и увозят с участка. Ярко сверкает солнце, и на ветках кое-где даже появились слишком ранние и потому обреченные цветы, а констебль испытывает наслаждение от того, что находится в тепле, а не на улице, где ему пришлось бы морозить себе яйца по колено в мусоре. Единственное, чего он боится, так это скуки: по-видимому, Эсмонд был одним из тех людей, которые аккуратно подшивают все клочки бумаги, когда-либо попадающие им в руки. Перед ним, зажатые гигантскими зажимами, лежат платежи и выписки из банковских счетов, разобранные по месяцам, и счета за коммунальные услуги, и подтверждения уплаты налогов, разложенные по годам. Есть даже коробка, полная семейных фотографий и сочинений Эсмонда, написанных еще в школе. Здесь же его характеристики, полученные в Гриффине. Если верить его преподавателю истории в четвертом классе, то он был «сильно увлекающимся и бескомпромиссным» уже в возрасте четырнадцати лет, а в период сдачи экзаменов уровня А^[64] женщина, преподававшая у него географию, говорила о нем как об ученике, который «слишком требовательно относится к самому себе». Что вполне соответствует тому человеку, которого описала им Анабелла Джордан.

Куинн роется в этой коробке и достает из нее скоросшиватель с работами, относящимися к первому году пребывания Майкла в школе. Первое сочинение озаглавлено: «Моя семья». Заинтригованный, Куинн достает его, откидывается на стуле и углубляется в чтение.

* * *

МОЯ СЕМЬЯ

Я думаю, что семья – это очень важно. Важно знать, откуда ты. Я очень горжусь своей семьей. Ее история восходит к викторианским временам. Мой прапрадед приехал в Англию из Польши. Его звали Захариаш Эльштейн. Приехал он сюда, чтобы добиться успеха. Он мечтал о том, чтобы основать свою

компанию и заработать много денег. Он открыл ювелирный магазин в Ист-Энде в Лондоне. Назывался он «Захария Эсмонд и Сын». Ему пришлось поменять имя, потому что никто в Англии не знал, как пишется его настоящее. Для начала он купил еще два магазина, а потом еще один в Найтсбридже Найтсбридже. Он был расположен возле «Хэрродс»^[65]. Он был очень маленький, но располагался в хорошем месте. После этого он стал очень успешным. У моего папы есть золотые часы, которые принадлежали моему прапрадедушке. Их не носят на руке, как сейчас. Там есть девиз на польском. *Blizsza koszula ciału*. По-английски это значит: «Своя рубашка ближе к телу». Папа говорит, что это означает, что те вещи, которые тебе ближе всего – они для тебя важнее всего. А семья – самая важная.

Моя семья живет в Оксфорде с 1909 года. Мой прапрадедушка приехал сюда и решил, что здесь очень красиво. В то время на Саути-роуд строили дома, и он купил один. И назвал его «Феликс-хаус», что значит по-латыни «счастливый». Потому что он был счастлив жить в нем. Этот дом всегда принадлежал нашей семье. Не думаю, чтобы в округе было много таких домов. Мой дедушка тоже работал в компании, и папа тоже. Когда я вырасту, то поступлю в Оксфордский университет. Это моя мечта.

* * *

Под председательством Королевского Коронера Орианы Паунд

**Коронерский суд^[66] Оксфорда
Каунти-Холл, Нью-роуд, Оксфорд**

Дознание проведено в среду 10 января 2018 года в 11:00:

Саманта Эсмонд, 33 лет, и Захария Эсмонд, 3 лет, умершие 04.01.2018 г. в Оксфорде, и Мэттью Эсмонд, умерший 07.01.2018 в Оксфорде.

После заслушивания мнения Королевской службы уголовного преследования дознание приостановлено впредь до особого распоряжения полиции. В связи с тем, что возможно

открытие уголовного дела, миссис Паунд назначила проведение повторного вскрытия всех трех умерших, с тем чтобы после этого тела были выданы родственникам для погребения.

* * *

Запись телефонного разговора с Джейсоном Моррелом, «Уолтон мэйнор моторс», Кначбул-роуд, Оксфорд, 11 января 2018 г., 11.50.

Разговор провел детектив-констебль А. Асанти.

А.А.: Это констебль Асанти. Телефонистка говорит, что у вас есть какое-то сообщение для нас – что-то связанное с пожаром на Саути-роуд...

Дж. М.: Ну да. Я по поводу машины. Если вы ее ищете, так она у нас. В гараже. Мы сделали ТО на прошлой неделе, и она так и стоит у нас во дворе с тех пор. Пришлось заменить одну из покрышек, а в остальном все было в порядке. Она готова – можно забирать.

А.А.: Понятно. А когда мистер Эсмонд пригнал машину?

Дж. М.: Должно быть, в четверг. Мик записал... минуточку... (Слышен приглушенный шум.) Ну да, в четверг, второго, около четверти десятого утра.

А.А.: А кто-нибудь из вас говорил с ним после этого?

Дж. М.: Я наговорил ему пару сообщений насчет покрышки в конце прошлой недели. Сказал, что ее необходимо поменять, чтобы машина прошла техосмотр, так что или он должен перезвонить мне, или я поменяю ее автоматом. Он не перезвонил.

А.А.: А этот ваш коллега – Мик – он не заметил в мистере Эсмонде ничего необычного в то утро? Чего-нибудь, что привлекло бы его внимание?

Дж. М.: Чтоб мне провалиться, но уж коли вы спрашиваете... Минутку. (Опять приглушенные звуки.) Говорит, что он спешил. И был немного несдержан. Но они все такие, приятель. Здесь это в порядке вещей.

* * *

15 июля 2017 года, 15:12

173 дня до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Майкл откидывается в шезлонге и закрывает глаза, ощущая кожей тепло солнечных лучей. После барбекю и пары пива ему совсем не хочется работать. Он вовсе не радовался приезду Филиппа, но все оказалось не так уж плохо. Сэм выглядит гораздо лучше, чем раньше, а Мэтти проводит больше времени на воздухе и меньше – со своей чертовой приставкой.

Он слышит шум сенокосилки в глубине сада, а где-то ближе – визги восторга, доносящиеся от надувного бассейна. Филипп учит Мэтти сёрфингу. И, как понимает Майкл, с минимальным успехом. Он приоткрывает глаза и видит брата возле крана, вновь наполняющим бассейн. Майкл опять откидывается в шезлонге. Наверное, он на какое-то время отключается, потому что когда приходит в себя, то слышит, как его жена и Филипп общаются всего в нескольких ярдах от него. Говорят они тихими голосами, думая, что он спит. Майкл хочет открыть глаза, но что-то останавливает его. Сначала они говорят о совершенно тривиальных вещах. Куда Филипп собирается плыть осенью? Как дела у Ма? Но неожиданно характер беседы меняется.

– Послушай, – говорит Филипп смущенным голосом, – ты, конечно, можешь послать меня к черту и сказать, чтобы я не совал нос в чужие дела, но у вас всё в порядке?

Раздается скрип шезлонга – наверное, он придвигается ближе к ней.

– А почему ты вдруг спрашиваешь? – настороженно интересуется Сэм.

– Ну, не знаю... У меня просто создалось впечатление, что ты постоянно думаешь о чем-то. И выглядишь несчастной. По крайней мере, на мой взгляд.

Наступает тишина. Возможно, Сэм кивает на мужа, потому что Филипп говорит:

– Не волнуйся, он тебя не слышит. Все это пиво – он будет в отключке еще полчаса.

Майкл крепче сжимает ручки своего шезлонга, но не двигается. Все его чувства обостряются до предела. Где-то рядом слышно жужжание пчелы. В соседнем саду лает собака. Воздух полон ароматом скошенной травы.

– Кстати, а как долго это продолжается? – продолжает Филипп. – Я о его пьянстве.

– Речь не идет о пьянстве как таковом...

– Я просто сравниваю с прошлыми временами. Раньше он вообще в рот не брал.

– На него слишком много всего свалилось, ты же знаешь... – Сэм

глубоко вздыхает. – Он рассказывал тебе о моих проблемах?

– Ты о депрессии? – Голос Филиппа становится мягче. – Да, он говорил. Но я подумал... ну... прошло уже столько времени...

– Вот именно поэтому я никому об этом не рассказываю, – печально говорит Сэм. – Все решат, что я уже должна все это пережить. Взять себя в руки. Что Захарии больше двух лет и все должно пройти само собой. Но не проходит. – Теперь в ее голосе слышатся слезы. – И теперь я не знаю, пройдет ли вообще...

– А врач что говорит?

– Она выписала мне лекарства, но я их ненавижу, Фил, просто ненавижу. Я живу теперь как в тумане – не могу ни о чем думать, не в состоянии что-либо сделать. Так что Майклу приходится заниматься и детьми, и работой, и своими исследованиями, а это нечестно. Слишком много всего: готовка, школа, дела по дому...

– Да, ты права. – Филипп тяжело вздыхает. – Этот гребаный домина...

– И я с них соскочила.

– Ты перестала принимать лекарства и ничего не сказала врачу?

Майкл прекращает дышать. Он впервые слышит, что жена перестала принимать лекарство.

– Я была в отчаянии. Только без них стало еще хуже.

– Я не удивлен...

– Нет, – печально говорит Сэм, – ты меня не понимаешь. Именно тогда все и началось. То – дру- гое...

Шезлонг скрипит вновь. Сэм плачет; скорее всего, Филипп ее обнимает.

– Ты можешь рассказать мне все, – слышится его шепот.

– Я постоянно все теряю. Кладу вещи в одно место, а потом нахожу их совсем в другом, там, где я уже ис- кала.

– Это еще ничего не значит. У меня тоже так бывает...

– Но это еще не всё. Я стала слышать звуки. В доме. Как будто там кто-то есть. А на прошлой неделе вдруг почуяла запах горелого, но на плите ничего не было...

– А может быть, кто-то устраивал барбекю? Теперь самое время.

– Нет; как я уже сказала, пахло в доме.

Филипп начинает рассуждать о возможных последствиях прекращения приема прописанных лекарств, но Сэм уже рыдает в голос.

– А ты с Майклом об этом говорила? – мягко спрашивает он. – Или с доктором?

– Я слишком боюсь.

– Боишься? И чего же ты боишься?

– Я поискала в «Гугле», – поясняет она срывающимся голосом, – и там оказалась масса сайтов, на которых говорится, что все эти галлюцинации могут быть признаком послеродового психоза, и я испугалась, что они заберут у меня Захарию, если узнают об этом. Что они подумают, что я могу причинить ему вред и что ему со мной небезопасно, а ты ведь знаешь, что это неправда, что я никогда не причиню вреда своим детям...

Она полностью теряет самообладание, и Майкл слышит, как Филипп утешает ее, говоря, что все будет в порядке. А потом раздаются удары мяча по сухой земле. Все ближе и ближе.

– А почему мамочка плачет? – спрашивает Мэтти.

– Она немного расстроена, – отвечает Филипп, – но беспокоиться не о чем, Мэт.

– А мы можем еще поиграть в Месси и Роналду?

– Через минуту. Сначала мне надо поговорить с мамочкой. Почему бы тебе не сходить на кухню и не принести сока себе и Захарии?

Мэтти начинает хныкать, но потом Майкл слышит его шаги, удаляющиеся в сторону дома.

– Прости, – говорит Сэм. – Просто все как-то разом навалилось...

– Да не извиняйся ты. Но мне кажется, что тебе надо возобновить прием лекарств.

– Уже. Я была у врача. Но не стала ей ничего рассказывать – ну, о том, что произошло... Просто сказала, что таблетки мне не подходят. И она прописала мне другие.

– А с ними лучше?

Пауза. Должно быть, она молча кивает.

– И после этого ничего больше не было – я имею в виду эти странные вещи?

Еще одна пауза.

– Но ведь это хороший знак, верно? Если все это происходило только тогда, когда ты не принимала лекарства...

– Наверное, ты прав.

– Но мне все-таки кажется, что ты должна поговорить с врачом. Обо всем. Так, на всякий случай. И беспокоиться тебе не о чем. Ничего плохого с тобой не случится.

– Обещаешь? – шепотом спрашивает Сэм.

Майкл слышал уже достаточно – он слегка шевелится в своем шезлонге, притворяясь, что только что проснулся. А когда открывает глаза, то видит, как брат держит его жену за руку.

– Обещаю, – говорит Филипп.

* * *

В больнице Джона Рэдклиффа Нина Мукерджи, помощница Алана Чаллоу, достает чистый комплект одежды^[67]. Только что прибыл Рэй Гудвин, патологоанатом, назначенный для проведения повторного вскрытия, а ее попросили при сем поприсутствовать, на тот случай, если появится что-то новенькое. Правда, никто не ожидает ничего подобного – стандартная процедура в случае открытия уголовного дела. Но сейчас возможность такого развития событий выглядит очень туманно, и Нина готовит себя к тоскливому дню, который ни к чему не приведет.

Дверь распахивается.

– Мисс Мукерджи?

Он моложе, чем она ожидала, – намного моложе. И вовсе не похож на сухаря-ученого. Скорее на гламурного сукина кота: с хипстерской бородкой и серьгой в ухе. Более того, Нина уверена, что заметила у него татуировку.

– Готовы?

Она кивает.

– Тогда начинаем наши танцы.

* * *

К пяти часам Бакстер может гордиться собой. Он вовсе не бухгалтер, но прошел несколько курсов и за все эти годы привык работать с цифрами. По крайней мере, достаточно для своих целей. Если речь идет о чем-то серьезном – например, о мошенничестве или отмывании денег, – то необходимо вызывать экспертов; но в большинстве случаев речь идет об элементарном обороте наличности. «Имел», «не имел» и вечное «мог бы иметь». Ну а с этим Эсмондом ему хватило половины дня, чтобы получить хорошее представление о его финансах. Хотя «хорошее» – не самое лучшее слово в нынешней ситуации. Бакстер снимает трубку и звонит Фаули – и вот уже через пару минут инспектор распахивает дверь и подходит к его столу. Он выглядит каким-то измученным, что в нынешние времена вполне в порядке вещей. Бакстер слышал то же самое, что слышали все в участке, но даже если бы он решил проигнорировать офисные сплетни, ему было бы трудно не заметить натянутые нервы Фаули как доказательство того, что

что-то серьезно разладилось дома.

Гис встает со своего места и тоже подходит к ним.

– Итак, – говорит Фаули, – что тут у нас?

Бакстер показывает на экран компьютера.

– Последний раз Эсмонд пользовался кредитной картой тридцать первого декабря, во второй половине дня. В «Теско» в Саммертауне. За последнее время, насколько я могу судить, не было никаких подозрительных транзакций, хотя он был близок к лимиту карты и в последние месяцы гасил кредит минимально возможными суммами. – Бакстер меняет страницу на экране. – А вот это состояние счета Эсмонда на сегодняшний день. Как видите, на нем лежит всего пара сотен фунтов. – Он прокручивает экран. – Ничего подозрительного с точки зрения поступлений и расходов, за исключением того, что два месяца назад на счет упали две тысячи фунтов, которые через три дня были сняты. Наличными.

– Кому нужно такое количество наличности в наши дни? – удивляется Гислингхэм.

– А вот это его накопительный счет. После снятия тех двух тысяч на нем осталось только, – Бакстер наклоняется ближе к экрану, – триста семьдесят шесть фунтов и пятьдесят четыре пенса. Восемнадцать месяцев назад на счете было пятнадцать тысяч, но к октябрю прошлого года все они исчезли, за исключением тех последних двух тысяч.

– И на что же он тратит деньги? – интересуется Фаули.

– Я посмотрел переводы; в основном это расходы на дом для престарелых. То место в Вантедже, где находится его мать. Это один из самых дорогих домов в округе.

«Наверное, поэтому, – думает про себя Бакстер, – Эверетт даже не стала брать его в расчет».

Она пока так ничего и не сказала ему об отце, но он видел проспекты в ящике ее стола и знает, что старик не в лучшей форме.

Между тем Фаули изучает цифры.

– Но если деньги закончились в октябре, то как он оплачивает свои счета?

Фаули точно ничего не упустит. Даже если его что-то гнетет.

Бакстер откидывается на стуле и соединяет перед собой кончики пальцев.

– Коротко? Никак. Я говорил с управляющей компанией, и он не платит по счетам вот уже два месяца. Они просили его зайти в декабре, а он ответил, что «предпринимает определенные шаги», но на их счет деньги так и не поступили.

– А мне казалось, что семья из состоятельных, – замечает Гислингхэм.

– Тогда нас уже двое. – Бакстер смотрит на него. – Так что я продолжил раскопки. Я не смог получить полные данные по семейному бизнесу, потому что сделка состоялась между двумя частными лицами, но, судя по тому, как дешево продал его отец Эсмонда, дела там были совсем плохи. После этого он до конца дней проживал полученное – к моменту его смерти денег, должно быть, оставалось совсем немного. – Бакстер корчит гримасу. – Сами слышали, наверное: «Первое поколение копит, второе поколение тратит, а третье поколение бросает деньги на ветер». Так вот, похоже на то, что отец Эсмонда все выкинул на ветер.

– Тогда почему не продать дом? – недоумевает Гислингхэм. – Конечно, это семейное достояние и все такое, но если маме нужна помощь...

– Он не может...

Это произносит от двери Куинн, который даже не успел снять куртку. В руках у него пачка бумаг.

– Все это я нашел в доме.

Он протягивает документы Фаули, который медленно прочитывает первую страницу, а потом поднимает глаза на Куинна.

– Хорошая работа, – говорит он. – Просто отличная работа!

* * *

Последняя воля и завещание

Это последняя воля и завещание Горация Захарии Эсмонда, проживающего в Феликс-хаус по Саути-роуд, 23, в Оксфорде:

1 Я назначаю доверительными управляющими и исполнителями данного Завещания (далее Душеприказчики) партнеров компании «Ротерхэм Флеминг и Ко.», что на Корнуолиз-Мьюз, в Оксфорде.

2 Разъяснение терминов, используемых в данном Завещании:

i. «Бенефициарами» являются мой сын Ричард Захария Эсмонд, его дети и их потомки.

ii. «Бенефициаром недвижимости» является мой сын, Ричард, а после его смерти – его старший живущий сын (или дочь в отсутствие такового) и так далее для каждого последующего поколения.

iii. «Недвижимость» означает Феликс-хаус по Саути-роуд, 23, в Оксфорде;

iv. «Остальная собственность» означает всю мою собственность и активы, как частные, так и коммерческие, за исключением Недвижимости.

3 Душеприказчики обязаны сохранять Недвижимость в трасте в интересах Бенефициара в течение всей его жизни и позволить ему занимать ее без уплаты ренты до тех пор, пока он (i) оплачивает все расходы, связанные с Недвижимостью; (ii) содержит Недвижимость в надлежащем состоянии; и (iii) страхует Недвижимость от имени Душеприказчиков и по согласованию с ними.

4 Душеприказчики не имеют права продавать Недвижимость, за исключением случаев означенных в статье 5 данного Завещания.

5 В том случае, если (i) Бенефициар Недвижимости умирает, не оставив после себя потомков, или (ii) если возникает необходимость снести Недвижимость (будь то в результате пожара, наводнения, проседания почвы, другого стихийного бедствия или в соответствии с распоряжением местного Совета или любого другого публичного органа в рамках его статуса или при других обстоятельствах), Душеприказчики должны продать Недвижимость и распределить полученные доходы равными долями между всеми Бенефициарами.

6 Душеприказчики должны, после уплаты всех долгов, расходов на погребение и расходов, связанных с вступлением в наследство, а также после уплаты Налога на наследство на всю собственность, находящуюся у них в управлении в соответствии с этим Завещанием, передать «остальную собственность» моему сыну, Ричарду Захарии Эсмонду.

Заключительная статья и засвидетельствование

Совершено в 14 день апреля 1965 года.

Подписано вышеупомянутым Горацием Захарией Эсмондом в нашем присутствии в соответствии с его последней волей, нами засвидетельствованной.

Г.З. Эсмонд

Питер Кларенс

Партнер,

«Ротерхэм Флеминг и Ко.»

Норман Деннис

Партнер,

«Ротерхэм Флеминг и Ко.»

Первое Добавление

Я, Гораций Захария Эсмонд, проживающий в Феликс-хаус по адресу: Саути-роуд, 23, в Оксфорде, ЗАЯВЛЯЮ о первом добавлении к моему завещанию, датированному 14 апреля 1965 года (в дальнейшем Завещание).

Завещание должно толковаться с учетом следующей статьи: Я оставляю моему внуку, Филиппу Захарии Эсмонду, рожденному 11 октября 1975 года, сумму в сто тысяч фунтов стерлингов (£100.000), свободную от налога на наследство.

Во всем остальном я подтверждаю свое Завещание от 14 апреля 1965 года, в чем и подписуюсь в 27 день ноября 1975 года.

Г.З. Эсмонд

Подпись на Первом добавлении к Завещанию нами подтверждается в присутствии подписавшего:

Норман Деннис

Партнер,

«Ротерхэм Флеминг и Ко.»

Бенджамин Тернер

Партнер,

«Ротерхэм Флеминг и Ко.»

Сотрудники уже давно разошлись по домам, а я все сижу за столом, изучая завещание и раздумывая над тем, что за человек написал его. Какое надо иметь мышление, чтобы сочинить нечто подобное, на какие ухищрения надо пойти – с единственной целью обеспечить среди грядущих поколений, которые ты никогда не увидишь, то же восприятие семьи, ее наследия и положения, каким обладаешь ты. Ясно, что в шестидесятые годы в стране было много денег – но и в то время сто тысяч штук было целым состоянием, – так что Гораций Эсмонд даже не мог себе представить, что может наступить время, когда его потомкам придется продать родовое гнездо. Но это его не извиняет. Я откидываюсь в кресле и впервые ощущаю искреннюю жалость к Майклу Эсмонду. Потом беру

телефонную трубку. Потому что у меня неожиданно появляется причина для звонка. Причина поговорить с женой – и не о ней, не обо мне, не о возможном невозможном ребенке, а о том, что является ее профессией. Потому что в моменты, подобные этому, я всегда говорю с женой. И не только потому, что она юрист по образованию, но и потому, что обладает одним из самых пронизательных умов, которые я встречал в своей жизни. У нее потрясающая способность вычленять ключевые факты – как лежащие на поверхности, так и скрытые. И если сейчас у меня возникают какие-то колебания относительно моего звонка, то это лишь потому, что я боюсь представить себе, как она использует этот выдающийся интеллект для того, чтобы положить конец тому, что еще остается от нашей совместной жизни.

– Алекс, это я. Ты не могла бы мне перезвонить? Это не по поводу нас, а по поводу моего текущего дела. Мне нужно, чтобы кто-то подтвердил, что я правильно понимаю один документ. Знаю, что я могу обратиться к нашим юристам, но мне удобнее спросить тебя. Я всегда предпочитаю спрашивать тебя.

* * *

В больнице Джона Рэдклиффа заканчивается повторное вскрытие. Особенно тяжело было с Захарией, но это неизбежно. И даже перед лицом этого ужаса Рэй Гудвин остается на удивление спокойным. На сей раз это не из-за записей струнного квартета или китового пения. У него просто такая спокойная, взвешенная манера, позволяющая ему быть одновременно и мягким, и профессиональным. Нина вынуждена признать, что она под впечатлением.

После того как все кончено и они снимают халаты, он спрашивает ее, как долго она занимается судебной медициной, и оказывается, что у них есть общие знакомые. В результате все заканчивается совместным походом в питейное заведение. Нина не замечает Гислингхэма и Эверетт, которые сидят в дальнем углу того же самого бара; перед ним пинта пива, перед ней бокал «Шардоне». Но напитки стоят нетронутыми вот уже около часа. В отличие от Нины, их день не был таким удачным.

* * *

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – спрашивает Гислингхэм.
– О чем обо всем? – Верити смотрит на него.
– Сама знаешь. О боссе. И не говори мне, что ты ничего не заметила.
– Конечно, заметила. – Эверетт вздыхает. – Просто как-то неловко говорить об этом у него за спиной.
– Но люди озабочены, Эв.
– Знаю. Я тоже. Но мы ведь не сможем решить это, правильно? Что бы там ни было.

Гислингхэм берет в руки свое пиво.

– Бакстер считает, что его бросила жена. Говорит, что слышал, как Фаули наговаривал ей на телефон послание.

– Это обязательно что-то значит. Каждый раз, когда я вижу их вместе, мне кажется, что у них никогда не бывает проблем. Хотя, если честно, я ее давно не видела.

Она начинает вспоминать. Скорее всего, последний раз это было на дне рождения Фаули. В октябре прошлого года они, в количестве пары десятков человек, набились под низкий потолок «Тёрф таверн», где воздух был тяжелым от дыма горящих на улице жаровен. Жена Фаули приехала за полчаса до окончания мероприятия, объяснив, что ее задержали на работе. Выглядела она, как и всегда, потрясающе. Туфли на высоком каблуке, ярко-красный костюм и длинные темные волосы, падающие каскадом. Эверетт всегда считала, что для такой прически у самой нее не хватает волос. И времени тоже. Алекс Фаули выпила полбокала теплого «Просекко»^[68], поддразнила Гислингхэма его повышением и улыбнулась мужу, когда они пили тост и он смотрел на нее так, как ни один мужчина в жизни не смотрел на Эверетт. А потом они исчезли. Ни один человек, который видел семью Фаули вместе, никогда не сказал бы, что между ними что-то не так. Хотя, может быть, они просто сохраняют на людях хорошую мину при плохой игре.

– Послушай, вполне возможно, что все это не стоит и выеденного яйца. – Но выражение ее лица говорит об обратном. Из динамиков раздается песня «Храню всю свою любовь для тебя»^[69]. Эв всегда ненавидела ее, а сегодня ее слова просто совершенно неуместны.

– Я никогда не держал Фаули за ходока. – Гислингхэм морщится. – А после катастрофы с Куинном я думал, что Сомер будет вести себя поосторожнее. – Он смотрит на Эверетт. – Вы же с ней подружки – неужели она тебе ничего не говорила?

– Ни звука. – Констебль качает головой. – Но я тоже ничего не

говорила бы, если бы трахалась с боссом.

Какое-то время они молчат. Эверетт рисует круги на столе своим бокалом.

– Послушай, – говорит наконец Гислингхэм. – Мне пора. Я обещал Джанет прийти вовремя. – Он встает и берет куртку со спинки стула. – Да, Эв, и вот еще что – никому ни слова. У нас и так достаточно сплетен.

Она смотрит на него так, как будто хочет сказать: «Ты за кого меня принимаешь?» и допивает свой бокал.

– Я тоже иду.

* * *

Отправлено: Чт 11/01/2018 в 21:35

Важность: Высокая

От: Alexandra.Fawley@HNHlaw.co.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk

Тема: Твое электронное письмо

Я посмотрела документ. Мы в нынешнее время не рекомендовали бы ничего подобного – слишком много ограничений.

Но в общем и целом твои предположения правильны:

- Пожизненное владение домом переходит к старшему сыну в каждом поколении, а если его нет, то к старшей дочери.

- Он (или она) имеют право жить в доме, но не могут его продать (он является собственностью Треста).

- Однако, согласно статье 5 в том случае, если дом уничтожается по причинам, находящимся вне влияния Душеприказчиков (например, катастрофическое наводнение), остатки дома и участок должны быть проданы, а деньги распределены среди всех живущих на тот момент наследников.

И если мы говорим о доме на Саути-роуд, то, по моему мнению, условия статьи 5 в данном случае выполнены на все 100 %.

Надеюсь, что тебе это поможет.

A.

Александра Фаули | Партнер | Офис в Оксфорде | Harlowe
Nickman Howe LLP

И никакой рукописной закорючки. Ничего, что она, не задумываясь, делает в переписке с друзьями, но что прекратила делать для меня.

Кажется, никогда я еще не чувствовал себя таким несчастным.

*20 июля 2017 года, 11:45
168 дней до пожара
Саути-роуд, 23, Оксфорд*

Мужчина на пороге одет в рабочий комбинезон и держит в руках складную лестницу и ящик с инструментами.

– Миссис Эсмонд?

– Да, – с опаской отвечает она. У обочины припаркован фургон с надписью «D&S секьюрити» на боку.

– Нас вызвал ваш муж, – говорит мужчина, заметив выражение ее лица. Он достает из кармана листок бумаги. – Боковые ворота, система сигнализации, новые замки на окнах и входных дверях во всем доме.

– Он мне ничего не говорил.

По крайней мере, она этого не помнит.

– Так позвоните ему. – Мужчина улыбается. – Осторожность в наше время не помешает.

– Если вы не возражаете, я так и сделаю.

Она закрывает дверь и идет в гостиную. Сквозь окно ей виден рабочий. Но, как и всегда, телефон ее мужа отключен.

– Майкл, ты можешь перезвонить? Пришел какой-то мужчина, чтобы что-то сделать с замками. Ты никогда не предупреждал меня о его приходе.

Сэм кладет телефон и возвращается к входной двери.

– Ну что, всё в порядке? – бодро спрашивает мужчина.

– Я не смогла дозвониться. Если не возражаете, можно я посмотрю бумагу?

– В офисе говорили, что он приходил в начале недели, – говорит мужчина, протягивая ей бумагу. – Кажется, это было во вторник.

На следующий день после отъезда Филиппа. И через два дня после того, как она рассказала его брату о том, что в доме кто-то есть. Только Майкл ведь об этом ничего не знает... Или знает?

– Видите? – продолжает мужчина. – Вот его подпись.

Сэм смотрит на бумагу. Он прав. Подпись действительно Майкла.

– И что, еще раз, вы собираетесь делать?

– Установлю новые боковые ворота, поставлю последнюю систему сигнализации, новые замки на двери и окна. – Он бросает взгляд на дом. – То есть сейчас сюда могут зайти все кому не лень, так? А в это время года

вы вполне можете быть где-то наверху, с открытой задней дверью, и кто угодно, включая убийцу с топором, может спокойно войти внутрь. В таком большом доме вы можете этого вообще не заметить. Ведь это же ваш муж, по-моему, говорил что-то об ограблении?

– Не об ограблении. – Сэм заливается краской. – То есть не совсем...

– И тем не менее, миссис Эсмонд, как я уже сказал, осторожность никому не помешает. Особенно в наши дни. Некоторых придурков совсем не интересуют кражи. Они тащатся от осознания того, что находятся там, где им находиться не положено.

* * *

– Так какого черта он нам ничего не сказал?

Нетрудно догадаться, что это говорит возмущенный до глубины души Куинн.

– Я серьезно, – продолжает он, оглядывая сидящих в комнате. – Филипп Эсмонд с самого начала знал об этом завещании, но так и не удосужился упомянуть о нем. Ни словом.

– Но как это все взаимосвязано? – интересуется Верити. – Филипп вообще не мог поджечь дом, потому что в это время находился посреди гребаной Атлантики.

– А мы в этом *уверены*? – уточняет Куинн.

– Ну, знаешь... – Эв краснеет.

– Вот тебе и «ну».

Я поворачиваюсь к Сомер.

– Когда вы говорили с Филиппом в первый раз?

– В четверг днем, сэр. Вскоре после пожара.

– Отлично. А вы можете еще раз проверить координаты этого спутникового телефона? Так, на всякий случай.

В этот момент у Эверетт открывается второе дыхание:

– В любом случае почему Филиппу надо было уничтожать это место? Ничто не говорит о том, что он нуждается в деньгах.

– Даже сто штук и даже при сложных процентах когда-нибудь заканчиваются, – замечает Асанти. – Особенно при его способностях тратить деньги.

В этом он прав – речь не только о новехонькой яхте, но и о его беззаботном образе жизни, и при этом без всяких видимых средств к существованию.

– Может быть, все и так, – мрачно заявляет Бакстер, – но это, черт возьми, дает мотив Майклу, не так ли?

И он тоже прав: поджог дома решил бы раз и навсегда все его финансовые проблемы. Но смог бы он на это решиться? Решиться на то, чтобы сжечь здание, столь тесно связанное с его чувством собственной идентичности и, образно говоря, с ощущением своего места под солнцем? По мне, так это очень непросто. Даже если бы внутри не было членов семьи. Даже если бы я был в это время на расстоянии пятидесяти миль.

– А почему бы мне не спросить об этом его самого? – предлагает наконец Сомер. – Я имею в виду Филиппа. Могу ему позвонить...

– Нет, – говорю я. – Надо встретиться с ним лично. Я хочу знать, как он на это среагирует. Но, прежде чем вы туда отправитесь, позвоните в «Ротерхэм Флеминг и Ко.». Я хочу знать все, что они готовы рассказать об Эсмондах.

– Скорее всего, они скажут, что это конфиденциальная информация... – У Сомер на лице написано сомнение.

– Знаю. Но за спрос денег не берут. – Я осматриваю сидящих в комнате. – У кого-нибудь еще есть что-то новое или полезное?

– Звонил Чаллоу, – сообщает Гислингхэм. – По поводу отпечатков пальцев на гаражной двери. Большинство из них принадлежат Майклу и совпадают с теми, что найдены в кабинете; но есть и другие. И, для вашего сведения, ни один из них даже отдаленно не напоминает отпечатки Йюрьена Кёйпера.

– Мне позвонил из Оксфорда друг Майкла, с которым мы пытались связаться, – сообщает Эверетт. – Он мог бы встретиться со мной сегодня днем, но, к счастью, будет на месте и завтра утром.

Она даже не удосуживается объяснить, почему вторая половина дня сегодня не подходит, потому что ответ нам всем хорошо известен. Надо будет поискать в ящике черный галстук.

* * *

– Могу я вам чем-то помочь? Вы хотите увидеть кого-то из резидентов?

Санитарка в приемном покое дома для престарелых улыбается аккуратной профессиональной улыбкой, которая совсем не затрагивает ее глаз.

Сомер достает удостоверение.

– Детектив-констебль Эрика Сомер из Управления полиции долины Темзы. Насколько я понимаю, мистер Эсмонд в настоящий момент встречается со своей матерью?

– Они в боковом холле. – Женщина кивает.

Она ведет детектива по коридору, и ее пластиковые туфли скрипят по деревянному настилу пола. Место напоминает чем-то сельскую гостиницу, которая знавала лучшие времена. Изгиб подъездной дорожки, засыпанной щебнем, слегка великоватая деревянная лестница, парчовые шторы с разукрашенными подхватами и тяжелая мебель, которая вполне подошла бы дому на Саути-роуд. Сомер приходит в голову мысль, что все это сделано специально – что Майкл Эсмонд намеренно выбирал для своей матери место, где она проведет свои последние дни, как можно больше похожее на ее собственный дом. Единственная разница состоит в том, что все стулья здесь закрыты пластиковыми накладками и в воздухе витает тяжелый запах искусственного освежителя воздуха, маскирующий еще более тяжелые запахи.

Эсмонды сидят в эркере, выходящем на сад. На наружной веранде, совсем близко к окнам, расставлены горшки с крокусами – так, чтобы их всем было видно, – а на столике перед ними стоит чайник и две чашки. С блюдами. Филипп сидит спиной к ней, но Сомер уже видит, что он успел переодеться в костюм для похорон. Он явно рад ее видеть, несмотря на все обстоятельства. Мужчина встает.

– Констебль Сомер! Спасибо, что приехали.

– Никаких проблем, – улыбается она в ответ. – Я знаю, что у вас сейчас масса дел.

– Это моя мама, Алиса.

Миссис Эсмонд поднимает на нее глаза. Она, должно быть, одна из самых молодых резидентов этого дома. Ей не больше семидесяти, а может быть, слегка за шестьдесят пять. Но у нее совсем старые глаза.

– Здравствуйте, миссис Эсмонд, – произносит Сомер и протягивает руку.

– Это твоя девушка? – спрашивает миссис Эсмонд, игнорируя протянутую руку и всем телом поворачиваясь к сыну. – А она красотка...

– Нет, Ма, – быстро отвечает Филипп, краснея и глядя на Сомер. – Эта леди из полиции.

Миссис Эсмонд открывает рот и собирается что-то сказать, но в это время ее прерывает санитарка, которая спрашивает у Эрики, не хочет ли она чаю:

– В чайнике должно еще что-то остаться...

– А почему бы и нет? Спасибо.

Санитарка удаляется в поисках чистой посуды, а Филипп поворачивается лицом к констеблю.

– О чем вы хотели поговорить со мной, констебль Сомер? Должно быть, это что-то важное?

– Мы обнаружили в доме завещание вашего деда.

– Ах, вот в чем дело... – Плечи Эсмонда слегка опускаются.

– Вы нам о нем ничего не сказали. – Эрика старается говорить беззаботно, сохраняя улыбку на лице. – Была какая-то причина?

– Я не знал, что это имеет какое-то отношение к делу, – на его лице написано изумление. – Какая здесь связь?

– Так чтобы я правильно поняла: по этому завещанию выходит, что дом переходит к старшему сыну, то есть к вам, не так ли? Но вы в нем не живете?

– Я уже говорил вам, – Филипп вздыхает, – что редко сижу на месте. Так что большую часть времени дом стоял бы пустым. А Майклу он нужнее, чем мне. У него же дети...

Внезапно Эсмонд понимает смысл сказанных слов.

– Боже! – произносит он и опускает голову на руки. – Этот гребаный кошмар... Простите меня. Обычно я редко ругаюсь, но сейчас я пытаюсь все это как-то переварить.

– Не волнуйтесь за меня, я слыхала вещи и похуже. Раньше я преподавала в средней школе.

Он смотрит на нее с грустной и печальной улыбкой. До того Эрика не обращала внимание на то, какие у него яркие синие глаза.

– То есть вы согласились на то, чтобы ваш брат с семьей жили в этом доме?

– Неофициально. Но согласился. В этом был большой смысл, особенно когда Майкл начал работать в Оксфорде.

– А что насчет той статьи, в которой говорится об уничтожении дома?

– Знаю, что она выглядит немного странно, но завещание было составлено в шестидесятые годы. Как раз в то время, когда правительство планировало строительство окружной дороги. По одному из планов, она должна была пройти прямо по Саути-роуд – и дом подлежал обязательному выкупу. Вот юристы и сказали дедушке, что у него должен быть предусмотрен вариант на такой случай – когда ситуация выйдет из-под контроля. Послушайте, констебль, это всё? А то у меня еще похороны сегодня...

– Только один вопрос, сэр. Предположим, что пожар означает, что

пятая статья вступила в силу. Дом придется разобрать, не так ли?

– Наверное. Я, честно сказать, об этом еще не задумывался.

– А это, в свою очередь, значит, что он будет продан, – не сдаётся Сомер. – Сейчас я говорю об участке. В этой части Оксфорда он будет стоить огромные деньги – под застройку таких размеров...

– Возможно. – Филипп пожимает плечами. – Я уже говорил, что сейчас это не входит в список моих приоритетов.

– А вы не говорили со страховой компанией? Претензия наверняка будет на кругленькую сумму. И они наверняка захотят направить своего коррективовщика...

– Знаете, пока все, что я хочу, так это найти своего брата. Чем, если позволите, должна сейчас заниматься и полиция тоже.

– Полиция? – неожиданно подает голос миссис Эсмонд. – Вы что, из полиции?

– Я же уже говорил тебе, Ма, – терпеливо разъясняет ей сын.

– Это по поводу Майкла?

Эрика и Филипп обмениваются взглядами.

– Да, – тихо отвечает мужчина. – По поводу Майкла.

– А я думала, что твой отец уже со всем разобрался, – говорит женщина, хватая сына за руку.

– Простите, – говорит Филипп так, чтобы она его не слышала, – вот так всегда. Сначала все хорошо, а потом она начинает путать прошлое и настоящее. Или вообще окончательно запутывается... Точка.

– Он сказал, что говорил с врачом, – продолжает миссис Эсмонд чуть громче. – С этим мистером Тавернье. И тот переговорил с полицией и все уладил.

– А вот и я, – бодро вступает в разговор санитарка и наклоняется вперед, чтобы освободить место на подносе. – Я еще и бисквиты захватила – правда, только морковные, но беднякам выбирать не приходится, да, миссис Э.?

– Я говорила ему, доктору, что Майкл никогда ничего подобного раньше не делал, – продолжает говорить миссис Эсмонд. – Он всегда был таким честным мальчиком... И всегда откровенно признавался в своих поступках. Сама мысль о том, что он мог сделать что-то подобное, а потом убежать...

Сомер хмурится. Эта женщина вовсе ничего не путает – речь идет о чем-то определенном.

– Вы не знаете, о чем это она? – Эрика поворачивается к Филиппу.

– Если честно – то нет.

– Но это может быть важно.

Санитарка смотрит сперва на Филиппа, а потом на Сомер.

– Знаете, если это вам поможет, то я, кажется, знаю, о чем идет речь. Когда-то Алиса рассказала мне эту историю. – С этими словами она распрямляется. – Это произошло, когда ваш брат был еще в школе, так?

В воздухе повисает неловкая тишина. Филипп Эсмонд отворачивается.

Санитарка опять смотрит сначала на него, а потом на Сомер.

– Вот что происходит, когда ввязываешься в чужие дела, – говорит она со вздохом, прежде чем повернуться и быстро уйти.

Филипп старается не смотреть на Сомер.

– Мистер Эсмонд, вы все еще хотите уверить меня, что не знаете, о чем идет речь?

Он качает головой и тяжело вздыхает:

– Уже нет, но здесь мы это обсуждать не будем. Не тогда, когда нас слышит Ма.

* * *

Так как Фаули, Эверетт и Сомер – все отправились на похороны, то у Бакстера получается необычно спокойная вторая половина дня. Он пьет чай (нормальный, купленный в буфете) и доедает половину батончика. Это одна из тех протеиновых штучек, которая в его личном списке относится к здоровой пище, а не к шоколаду, а это значит, что о ней можно не рассказывать жене и не включать ее в этот гребаный журнал для худеющих, который она ведет за него. Он сидит на диете вот уже два месяца и видит, как его жена разочарована тем, что его вес совсем не меняется. Иногда даже спрашивает его, правильно ли он перечисляет все то, что ест в офисе. И он в ответ всегда смотрит ей прямо в глаза. Все эти годы допросов профессиональных лжецов не прошли впустую.

Бакстер допивает чай и возвращается к попыткам взломать пароль на компьютере, который они нашли в кабинете Майкла Эсмонда.

* * *

– Ну, так я вас слушаю.

В саду холодно, несмотря на то что ярко светит солнце. То тут, то там видны остатки снега, прячущиеся в тени живых изгородей. Кое-где

появились под- снежники и первые, еще робкие, ростки гиацинтов.

Филипп прячет руки в карманах. Сидеть слишком холодно, так что они, не останавливаясь, прогуливаются по саду. Сомер видит его мать, следящую за ними через окно. Ей приходит в голову, что женщина может все еще думать, что она – девушка ее сына.

– Когда я сказал вам, что ничего об этом не знаю, это была не совсем ложь.

– Не совсем? Это что значит?

– Это значит, что в то время я был в Австралии. У меня был годовой перерыв между окончанием школы и поступлением в университет. Правда, он так и остался перерывом, потому что в университет я поступать вообще не стал.

– И что же произошло?

– Ма и Па молчали об этом как убитые, но Майк в конце концов все мне рассказал. Не сразу – постепенно... – Он глубоко вздыхает. – Если кратко, то Па застукал его с другим мальчиком.

– С другим мальчиком? – Этого она никак не ожидала услышать.

– Они были в сарае. В том, который находится в конце сада. Мне кажется, что это не был... ну... настоящий секс. Послушайте, ему было семнадцать, и они, скорее всего, просто экспериментировали. Но Па слетел с катушек. Выбросил второго мальчишку к чертовой матери, стал орать, ругаться и говорить Майку, что не для того его растил, чтобы тот стал извращенцем, что он позор для всей семьи, и всякую подобную хрень. Уверен, что вы сами можете заполнить про- пуски.

Это было легко. Так же, как представить себе, насколько сильно эти слова могли ранить.

– И что же дальше?

– Майк убежал в дом, схватил ключи от машины и уехал. Через пять минут после этого он сбил маленькую девочку, которая каталась на велосипеде по Банбери-роуд.

– О боже!

– Согласен. Не повезло.

– Но с ней ничего не случилось? С той девочкой?

– С ней все было в порядке. Просто несколько царапин. Но она на какое-то время потеряла сознание. А Майк решил, что убил ее. И запаниковал. Вернулся в машину и уехал. Они не могли найти его целых три дня. А когда нашли, то он ничего не мог вспомнить.

И неожиданно все встает на свои места.

– Он прятался в Кэлшот-Спит, так?

Покраснев, Филипп кивает.

– Так почему же вы сразу не рассказали мне, когда я спрашивала вас о лачуге?

– Простите меня, – у него подавленный вид. – Теперь я понимаю, что мне надо было быть с вами откровеннее. Но прошло больше двадцати лет, – и я не понимал, как эти раскопки могут кому-то помочь. И в последнюю очередь – Майклу. Я не подумал, что это может иметь хоть какое-то значение.

– Это будем решать мы, а не вы, мистер Эсмонд.

Филипп останавливается и поворачивается к ней лицом.

– Мне очень жаль. Правда. Я ведь по натуре не лгун. Если бы вы знали меня получше, то согласились бы с этим.

Сомер решает не обращать внимания на скрытый намек в его словах и продолжает:

– А что это за врач, о котором упомянула ваша мать?

– Родители были в панике от того, что произошедшее могло поставить крест на поступлении Майка в Оксфорд, так что послали его на Харлестрит^[70]. Так, чтобы это не попало в его медицинскую карту. И врач сказал, что в момент происшествия Майк находился в состоянии крайнего эмоционального перевозбуждения, в результате чего у него развилась посттравматическая амнезия. Кажется, это звучало как «диссоциативная реакция бегства». Врач написал письмо в полицию, и они его приняли. А так как маленькая девочка не получила практически никаких травм, моим родителям удалось замять это дело. – Он замечает ее взгляд. – Да, я думаю, что здесь не обошлось без чека на кругленькую сумму.

– А что было потом?

– Майка посадили под «домашний арест» до конца лета, а осенью он сдал вступительные экзамены. Остальное вы знаете.

– А тот, другой, мальчик?..

– Полностью исчез с радаров, – в смехе Филиппа слышится ирония. – Я даже имени этого бедняги не знаю. А то, как Майк вел себя после всего этого, полностью исключило все подозрения в гомосексуализме. До этого у него была всего одна девушка – Джейн или Дженни, что-то в этом роде. После же он стал менять их как перчатки. И речь, насколько я могу судить, шла не о романтических свиданиях – только секс, и ничего больше. – На лице у него появляется глуповатое выражение. – Если хотите знать, я ему тогда здорово завидовал.

– То есть к тому времени вы уже вернулись из Австралии?

Филипп кивает.

– И как вы нашли вашего брата?

– Таким же – и совсем другим. Но по его внешнему виду я никогда не догадался бы о том, что с ним произошло.

– Не понимаю.

– Ну, нечто похожее должно как-то ошеломить вас, что ли... С Майком все было в точности до на- оборот. И речь не только о его беспорядочной половой жизни. Он стал более уверенным в себе, более агрессивным. Я бы сказал, «несдержанным».

«Как и в последние шесть месяцев», – думает Сомер. Совпадение? Или история повторяется?

* * *

Как бы по-разному мы ни проживали наши жизни, заканчиваются они достаточно одинаково. По крайней мере, в наши дни. Крематории стали похожи на «Макдоналдсы». Везде одинаковы. То же внутреннее расположение, те же стулья, те же, похожие на акриловые, шторы. И в большинстве случаев то же неприятное ощущение, что тебе в спину, пока ты проходишь через центральные двери, уже дышит следующая группа скорбящих. Правда, сегодня все по-другому. К завтрашнему утру отчет о похоронах Эсмондов будет во всех газетах, так что руководство крематория освободило для них всю вторую половину дня. Сам я приезжаю рано, еще до Эверетт и Сомер, но вестибюль уже заполнен, и я осматриваю толпу, не понимая, откуда взялись все эти люди. Вот эта группа аккуратно одетых женщин лет тридцати – наверное, родительницы из школы Мэтти, а остальные, скорее всего, журналюги, одетые в поношенные траурные одежды и с выражением профессиональной скорби на лицах.

Я стараюсь слиться с толпой, оставляя Эверетт и Сомер право официально представлять полицию на этих похоронах. И они это успешно делают – правда, каждая по-своему. Сомер легче сходится с людьми, и я вижу, как она вступает в разговоры, задает вопросы... Наблюдаю за тем, как смотрят на нее мужчины, потому что в своей форме она выглядит очень привлекательно, а Эрика пользуется этим в своих интересах. Эверетт, напротив, на первый взгляд более пассивна и в форме чувствует себя гораздо скованнее, одергивая ее каждую минуту. Она больше слушает, чем говорит, так что люди, с которыми общается Верити, уверены, что полностью контролируют ситуацию. Но при этом она тоже успешно собирает информа- цию.

Когда к зданию подъезжают три катафалка, в помещении начинается сумятица, потому что фотографы стараются занять наиболее выгодные места. Гроб Саманты укрыт розовыми лилиями и этими маленькими белыми цветочками, которые в народе называют «Дыхание младенца». Гроб Мэтти во второй машине покрыт флагом «Арсенала» с венком из красных роз, который, как мне сказали, прислал клуб. Кроме того, они собираются выйти на следующую игру в траурных повязках. Вот она – сила социальных сетей. И, наконец, крохотный гробик Захарии утопает в маргаритках, из которых сложено его имя.

Вот-вот должен начаться дождь, но облака на минуту расходятся, и солнечные лучи заливают ярким светом траву и съжившиеся от холода посадки. На краю покрытой гравием площадки сидит одинокий черный дрозд, который клювом быстро отделяет кору от упавших веток деревьев и превращает их в щепки. Я понимаю, что, не отрываясь, смотрю на него, в то время как несущие гробы уходят вперед, и скорее слышу, чем вижу, всплеск эмоций, когда Грегори Гиффорд подходит, чтобы взять в руки гроб своего младшего внука. Женщины рыдают по Захарии, а мое сердце разрывается при мыслях о Мэтти. Любой родитель, потерявший ребенка, скажет вам то же самое. Вдовы, вдовцы, сироты – так называют тех, кто потерял своих мужей, жен, родителей. Но нет названия родителям, потерявшим своих детей. Поэтому я стараюсь как можно реже посещать похороны, не говоря уже о похоронах детей. С трудом можно пережить, когда твоя жизнь практически рушится до основания, но когда ты вспоминаешь об этом, видя ничем не прикрытое горе других, – это совершенно непереносимо. Я не хочу вспоминать. Не хочу вновь видеть бледное лицо Алекс, на котором не видно слез, своих родителей, жмущихся друг к другу, и цветы, бесконечное множество венков, присланные людьми, которых мы попросили не приходить и не присылать цветов. Но они все равно их прислали, потому что должны были сделать *хоть что-то*. Потому что чувствовали себя такими же беспомощными, как и мы, перед лицом этой невыразимой боли.

Носильщики поправляют гробы на плечах, скорбящие формируют колонну, и вперед выходит священник. Я отступаю, позволяя последним оставшимся обогнуть меня и стараясь не встречаться глазами с теми, кого узнал. Раздается классическая музыка. Я догадываюсь, что это Бах, но мне кажется, что мелодия богаче и менее аскетична, чем всё, что я слышал у него раньше. На похоронах Джейка звучал Гендель. Гендель и «Оазис»^[71]. Генделя выбрала Алекс. *Lascia ch'io pianga*^[72]. «Дай мне оплакать

грустную долю...». Когда-то она мне очень нравилась, но с тех пор я больше не могу ее слышать. А «Оазис» выбрал я. «Чудесная стена». Джейк все время слушал ее. И мне всегда казалось, что он так часто ставил ее потому, что надеялся, что мы его спасем. Но мы не смогли. Я не смог. Я не стал для него той стеной, за которой он мог спрятаться. И, в конце концов, когда я был ему нужен, меня не оказалось рядом.

* * *

Я сажусь на последнем ряду. Со своего места вижу вход и площадку перед крематорием. Потому что это главная причина, почему я здесь оказался. Сегодня кремируют всю семью Майкла Эсмонта, и мы сделали все, что было в наших силах, чтобы он об этом узнал, где бы он ни был. Жена и двое сыновей – надо обладать поистине ледяной выдержкой, чтобы проигнорировать такое: даже самые закоренелые убийцы, которых мне приходилось знать, такого не сделали бы. Поэтому я и сажусь там, откуда мне видна длинная подъездная аллея и открытая всем ветрам парковка, которая отделяет это место скорби от остального, обычного, погруженного в себя мира. До меня доносятся обрывки погребальной службы: «Преданная мать и жена... Пользовался авторитетом среди товарищей... Ушел так трагически рано...» – но перед глазами у меня все время стоит черный дрозд. С глазами бусинками и крепким клювом.

* * *

Сайт газеты «Оксфорд мейл»

Пятница, 12 января 2018 г. Последнее обновление в 17:08

Похороны жертв Оксфордского пожара

Сегодня, во второй половине дня, в крематории г. Оксфорда состоялись похороны Саманты Эсмонт и ее двух сыновей: Мэтти, 10 лет, и Захарии, 3 лет.

Жители в полной тишине провожали кортеж на улицах города, а среди скорбящих присутствовали члены семьи, друзья и коллеги, а также представители школы Епископа Христофора, в которой учился Мэтти Эсмонт. Также присутствовали представители полиции, хотя это и не афишировалось. Но если

полицейские надеялись увидеть Майкла Эсмонда, то они были разочарованы. Несмотря на все просьбы явиться в полицию, ученый Оксфордского университета нигде не появляется с 3 января, когда его последний раз видели на научной конференции в Лондоне.

Предполагается, что до этого он имел встречу со своим деканом. Информированные факультетские источники сообщают о том, что студентка обвинила доктора Эсмонда в сексуальном харрасменте, что могло привести к серьезному наказанию, если не увольнению.

Страхи о будущем крытого рынка

Торговцы на историческом рынке беспокоятся о его будущем после нескольких громких закрытий... /*читать дальше*

Футбол: Юношеская лига «Оксфорд мейл» Отчеты и результаты... / *читать дальше*

Мужчина задержан после обвинения в изнасиловании:

45-летний учитель был задержан после того, как одна из учениц обвинила его в изнасиловании. Девушка, имя которой не разглашается по причинам юридического характера... / *читать дальше*

92 комментария

CallydonianGal0099

Честное слово, прямо сердце разрывается. Бедные детки...

MedoraMelborne

Отец убил. Сначала их, а потом себя. Вот подождите – узнаете, что я права.

5656AcesHigh

Согласен. Уверен, что этот сукин сын всех порешил.

HillBilly_889

Чем дальше в лес, тем больше дров. А теперь он еще и

половой террорист? Подумать только...

* * *

Я жду с сигаретой возле машины. Эверетт и Сомер провожают последних скорбящих, и парковка пустеет. Поднимается ветер, и я вижу, как Эрика придерживает свою фуражку, когда они огибают здание и приближаются ко мне.

– Что-нибудь видели, сэр? – спрашивает Верити, подходя. – Потому что мы, кажется, не видели ничего. – Она опять одергивает свой китель.

– Ничего конкретного. – Я качаю головой. – А вы, Сомер?

– Ничего, сэр.

– А с адвокатами говорили?

– Боюсь, что из этого ничего не получится. – Она мотает головой. – Они сказали, что не уполномочены раскрывать информацию о делах своих клиентов. Даже если бы и хотели.

Меня это не удивляет, однако попытаться все равно стоило.

– Но у меня состоялась очень интересная беседа с Филиппом Эсмондом. Не здесь, – быстро добавляет Эрика. – Утром, в доме для престарелых.

Это объясняет то, что я случайно заметил в последние час-полтора. То, как на нее смотрел Эсмонд и как она на него не смотрела.

Я быстро схватываю суть разговора. Случай с мальчиком, происшествие на Банбери-роуд и паническое бегство в Кэлшот, единственное место, где Майкл Эсмонд чувствовал себя в безопасности. И к концу ее рассказа мы с Эверетт тоже видим некую закономерность.

– Я знаю, что в этот раз он до Кэлшота не добрался, – заканчивает Сомер и слегка краснеет, вспоминая свою бесполезную поездку, – но если подумать – вдруг он увидел новости по телевизору и вновь впал в это свое состояние «диссоциативной реакции бегства»? Уверена, что такая возможность существует. Хотя, полагаю, надо на всякий случай проконсультироваться с психиатром...

– Я позвоню Брайану Гоу. Напомните-ка мне, когда, по словам Анабеллы Джордан, она заметила перемены в поведении Эсмонда?

– Прошлым летом, босс, – отвечает Эверетт со значением в голосе. – То есть именно тогда, когда учителя в школе Епископа Христофора заметили перемены в Мэтти.

Майкл, Мэтти – уверен, во всем этом есть нечто, хотя это «нечто» все

время ускользает...

– Ладно, будем копать дальше. Прошлым летом в этом семействе что-то произошло, и я хочу знать, что это было...

* * *

Запись беседы с Джеймсом Бересфордом, состоявшаяся на Феверел-клоуз 12, Вулверкот, Окс-форд, 13 января 2018 г. в 11:16.

Беседу записала детектив-констебль В. Эверетт.

В.Э.: Спасибо, что нашли для меня время в субботу, мистер Бересдорф.

Дж. Б.: Нет проблем. Рад помочь. Хотя не уверен, что смогу оказаться полезным. Я редко вижу Майкла. То есть я хочу сказать, что мы вместе учились, но это было давным-давно. Мы никогда не были «друзьями».

В.Э.: А когда вы видели его в последний раз?

Дж. Б.: Я как раз пытаюсь вспомнить это с того самого момента, как увидел новости... Где-то месяца три назад. Он совершенно неожиданно прислал письмо по электронной почте. А до этого мы не общались четыре-пять лет.

Э.В.: И что, в этот раз у него была какая-то конкретная причина?

Дж. Б.: Вначале я так не подумал. Мы встретились в одном из баров на Саут-Пэрэйд. Пришлось присесть на улице, потому что Майкл хотел курить. Я думал, что он бросил много лет назад, но, в любом случае, мы просидели и проговорили около часа обо всем и ни о чем, прежде чем он перешел к сути вопроса. Сказал, что хочет воспользоваться моей головой. Я имею в виду, в профессиональном смысле.

В.Э.: Ему был нужен ваш совет?

Дж. Б.: Так прямо он, естественно, об этом не сказал. Майкл ни за что не признает ваше превосходство в какой-то области...

В.Э.: Но он хотел, чтобы вы ему помогли?

Дж. Б.: Если хотите знать, я был просто ошарашен. Он никогда не скрывал того, что считает, что я занимаюсь полной ерундой. Не настоящей «академической» наукой. Не такой, какой занимается он.

В.Э.: А чем вы занимаетесь?

Дж. Б.: Я психотерапевт.

В.Э.: Понимаю. И он хотел – чего? Чтобы вы ему кого-то порекомендовали?

Дж. Б.: В общих чертах – да. Хотя он все время подчеркивал, что

нужно это не ему самому, а кому-то из членов семьи. Но он бы по-любому так сказал, правда?

В.Э.: Дело в том, что у нас есть доказательства того, что его жена страдала от постнатальной депрессии. Как вы думаете, могла речь идти о ней?

Дж. Б.: Ах вот как... Я не знал. В таком случае – да, он мог иметь в виду ее.

В.Э.: А вы не вспомните, кого порекомендовали ему?

Дж. Б.: Я дал ему целый список. Человек шесть-семь из местных. Могу продиктовать.

В.Э.: А вы не знаете, он с кем-то из них связывался?

Дж. Б.: Они бы мне не сказали, даже если бы это произошло. Конфиденциальность и все такое... И, как уже говорил, с тех пор я о нем ничего не слышал.

В.Э.: А как он вообще выглядел в тот вечер на Саут-Пэрэйд?

Дж. Б.: Просто кошмарно. Небритый, под мышками пятна пота... Ну, и все такое.

В.Э.: Это было на него не похоже?

Дж. Б. (с гримасой): Вот именно. Для Майкла всегда очень большую роль играла внешняя сторона. У него всегда должны были быть лучшие оценки на экзаменах, лучшая работа, самый красивый дом, самая красивая жена... Ну, вы меня понимаете. Знаете...

В.Э.: Я вас слушаю...

Дж. Б.: Первое, что мне пришло в голову, когда я увидел новости, – это то, что он сделал это сам. Знаете, такой последний и окончательный выход. Честно сказать, если бы я не знал, что в то время он был в Лондоне, я бы все еще так думал. Он всегда был немного фаталистом...

* * *

28 июля 2017 года, 10:45

160 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Майкл Эсмонд открывает дверь своего кабинета и несколько мгновений стоит, глядя на сад. Сегодня один из самых жарких дней в году, но, пока стригли траву, ему приходилось из-за шума закрывать дверь. А теперь, когда Гарри на четвереньках ровняет бордюры, можно впустить в

комнату немного свежего воздуха. Гарри, без сомнения, отличный работник: сад выглядит так, как он не выглядел вот уже много лет. Хотя новую вечеринку для факультета устраивай. Но лучше не надо. Теперь он по опыту знает, что подобные мероприятия дают гораздо меньше, чем от них ожидаешь, да и Сэм, скорее всего, такого не выдержит. Не говоря уже о расходах. Майкл поворачивается, возвращается к столу и еще с час слышит только звук секаторов и редкий лай собаки на соседнем участке. Он настолько погружен в то, что делает, что не замечает, когда Гарри прекращает работу, и отрывается от стола, лишь когда на страницу перед ним падает тень. Майкл поднимает глаза.

– Подарок от Сэм.

Перед ним стоит Гарри с банкой пива в руке. И с бокалом. В другой он держит еще одну банку для себя.

– Спасибо, – благодарит Майкл, откидываясь в кресле. – Отличная работа – я имею в виду сад...

– Самое тяжелое уже позади. – Гарри улыбается. – Но в это время года расслабляться нельзя. – Он прикладывает холодную банку ко лбу, словно позирует для рекламы прохладительных напитков. Что ж, реклама могла бы стать для него неплохим вариантом, если бы он решил ею заняться. У него есть и внешний вид, и шесть кубиков пресса, и глубокий загар. Сейчас он стирает тыльной стороной руки капельки пота с верхней губы. Майкл быстро отворачивается, понимая, что смотрит на него слишком пристально. И чувствует, что краснеет.

– А я не знал, что у вас есть татушки, – говорит он, стараясь хоть чем-то заполнить паузу.

Гарри смотрит туда, где на груди распахнута его рубашка. На левой грудной мышце видна небольшая татуировка.

– Всего одна, – говорит он, дотрагиваясь до нее. – В честь женщины всей моей жизни. – Он подмигивает.

Позже, когда жена приносит ему сэндвич, Майкл спрашивает ее, есть ли у Гарри девушка.

– Мне о такой ничего не известно, – отвечает она, глядя в сад, где Гарри собирает в мешок срезанную траву. Сейчас он без рубашки. – А почему ты спрашиваешь?

– Да так, просто... Он сказал кое-что в разговоре. Насчет своей татуировки. Сказал, что она в честь единственной женщины в его жизни.

– Ах, это. – Сэм улыбается. – Об этом он мне рассказывал. Татуировку Гарри сделал в честь матери. Она вырастила его одна, и они очень близки. Это же лучше, чем большими буквами написать: «НЕ ЗАБУДУ МАТЬ»

РОДНУЮ», тебе не кажется?

Теперь Гарри идет по саду с мешком травы на плече. Татуировка ясно видна. Небольшая веточка ягод на темном, остром побеге.

– Не волнуйся, – говорит Сэм, следя за лицом мужа. – Я не разрешу Мэтти сделать такую же.

– Да, – отвечает муж, не глядя на нее. – Надеюсь, что этого не произойдет.

* * *

Запись телефонного разговора с Белиндой Болтон, 14 января 2018 г., 14:55.

Разговор провела детектив-констебль В. Эверетт.

В.Э.: Слушаю вас. Говорит констебль Эверетт.

Б.Б.: Здравствуйте. Это Белинда Болтон. Мы с вами разговаривали в пятницу, на похоронах. Вы еще оставили мне свою карточку, помните? Мой сын, Джек, учится в одном классе с Мэтти.

В.Э.: А, да, помню. Вы говорили, что они были хорошими друзьями.

Б. Б. Честно говоря, только в последней четверти, но да, можно сказать, что Мэтти часто бывал у нас.

В.Э.: И что же я могу для вас сделать?

Б.Б.: Тогда, на похоронах, вы сказали, что, возможно, Джек что-то вспомнит. Что, может быть, он что-то видел или слышал, но не понимает, насколько это важно.

В.Э.: Такое часто случается с детьми. Иногда лучше на них не давить – дать им самим вспомнить в свое время.

Б.Б.: Да, так вот, это и произошло. Я как раз завезла его к одному из друзей, а он, вылезая из машины, сказал что-то очень странное. Я не очень внимательно его слушала, потому что припарковалась на желтой линии и хотела, чтобы он побыстрее вышел...

В.Э.: И что же он сказал?

Б.Б.: Кажется, Джек говорил об одной из своих видеоигр. Честно говоря, я обычно отключаюсь, когда он начинает о них говорить, и Джек уже почти вылез из машины...

В.Э.: Миссис Болтон, так что же он сказал?

Б.Б.: Сейчас, когда я это повторяю, это кажется мне безумием, но я уверена, что он сказал что-то о том, что Мэтти хочет убить Захарию.

– Это была игра, а не *по-настоящему*.

Они вчетвером сидят на скамейке во дворе школы Епископа Христофора. Эверетт, Сомер, Алисон Стивенс и Джек Болтон, друг Мэтти. Из окон классов до них доносятся голоса, где-то играют на пианино и поют. Ночью были заморозки, и неровная живая изгородь по периметру превратилась в сверкающую крепостную стену, достойную волшебного за €мка. Слабые лучи солнца пробиваются сквозь облака, но на улице все равно холодно. На мальчике синяя дутая куртка; он водит своими кроссовками по асфальту.

– А тебе нравится играть в онлайн-игры, правда, Джек? – спрашивает Эверетт.

– Иногда, – отвечает мальчик с опаской.

– А какая нравится больше всего?

– «Фортнайт», – это произносится уже с несколько большим энтузиазмом. – Хотя «Майнкрафт» тоже клевая.

Эверетт и Сомер переглядываются.

– У Мэтти она тоже была любимой, не так ли? Его папа говорил что-то об этом.

Джек продолжает водить ногой по асфальту.

– Мэтти классно играл.

– А ты вчера говорил маме что-то про убийство Захарии, – продолжает Эверетт. Произносит она это как бы между прочим.

– «Загони Зака». – Джек на мгновение поднимает глаза.

– А что это такое?

– Мэтти сделал такую игру для «Майнкрафт». Это было очень круто.

– И ты с ним в нее играл?

– Много раз. – Джек пожимает плечами.

– А он не говорил, почему назвал ее в честь своего брата? – задает вопрос Эверетт.

Джек поднимает глаза. Видно, что вопрос сбивает его с толку.

– Это просто имя. И оно *ничего* не значило.

Мальчик закрывается, а присутствие директрисы только ухудшает ситуацию. Эверетт решает попытаться зайти с другого конца:

– Миссис Стивенс сказала нам, что у тебя, Джек, тоже есть маленький братик. Это правда?

Он кивает, старательно отводя глаза в сторону.

– Уверена, что ты его очень любишь, правда?
– Малыши все глупые, – следует после паузы. – И с ними жуткая скука.

– Но ведь ты все равно его любишь, да?
– Он все время лежит. – Мальчик снова пожимает плечами. – И орет. Все время. Жуткая скука.

Сомер потирает руки, чтобы согреться. Перчатки совсем не помогают. Один из ее бывших ухажеров посоветовал ей носить варежки. Он занимался экстремальными видами спорта и говорил, что варежки греют лучше, потому что в них все пальцы соприкасаются. И это, по-видимому, сохраняет тепло. Но как может взрослая женщина ходить в варежках? Не говоря уже о том, что эта женщина – офицер полиции? И вдруг ей приходит в голову мысль, которая ее удивляет: «А что сказал бы Жиль Сумарес по поводу варе- жек?»

– Мэтти рассказывал тебе о своем брате? – спрашивает Эверетт.
– Не много. Иногда. – Джек кивает.
– И что же он говорил?
– Говорил, что его Ма заботится о Захарии больше, чем о нем. – Мальчик опять пожимает плечами.

– Но Захария ведь был очень маленький, – замечает Сомер. – И ему надо было, чтобы о нем кто-то заботился. Так же как о Мэтти, когда он тоже был маленьким.

На этот раз Джек ничего не отвечает и продолжает царапать асфальт. Видно, что Алисон Стивенс так и подмывает сказать ему, чтобы он прекратил.

– Я же сказал – это игра, – говорит Джек бесцветным голосом. – *Это понарошку. Никто не умирает.*

Пятнадцать минут спустя три женщины возвращаются в кабинет директора. По дороге Эверетт останавливается и смотрит туда, где Джек играет в футбол с пятью своими одноклассниками. Они похожи на всех тех ребят, которые до них гоняли мяч на этой же площадке. Но так ли это на самом деле? Существовало ли раньше поколение, настолько приученное к насилию, настолько привыкшее к мимолетной жестокости? Все эти специалисты, статьи которых со страшными предостережениями относительно видео- игр, она читает в воскресных приложениях... Они пишут об эрозии эмпатии, а сами, на ее взгляд, не знают и половины того, что происходит в реальном мире.

5 сентября 2017 года, 19:15

121 день до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Вся кухня заполнена полной восторга собакой. Пожилой золотистый ретривер ведет себя, как щенок, когда Мэтти бросает в воздух кусочки еды, чтобы она ловила их на лету. Захария смеется и повизгивает, а Саманта улыбается, стоя перед раковиной и время от времени оборачиваясь на детей.

Майкл ставит сумку с ноутбуком на стол и подходит к жене.

– Как я понимаю, Янги сказали «да».

– А еще они сказали, что если в этот раз все будет хорошо, то мы сможем повторить.

– Можно?! – мгновенно включается в разговор Мэтти. – Можно, папочка?!

– Давай сначала посмотрим, как пройдет сегодняшняя ночь.

Сын опускается на колени и обнимает собаку за шею, прижимаясь щекой к ее мягкой морде.

– Мэтти, ты не забыл правила? – спрашивает Майкл.

Мальчик кивает.

– Повтори.

– Молли не должна забираться на мебель, и я должен следить за ее питанием.

– Правильно. А еще она должна спать здесь, внизу, на своей подстилке, а не у тебя в комнате.

Кажется, Мэтти хочет что-то сказать, но потом решает, что лучше этого не делать.

– Хорошо, папочка.

Спустя два часа Майкл поднимается вверх, чтобы проверить сына, и обнаруживает Молли, свернувшуюся в ногах кровати. Она приоткрывает один глаз, а потом успокаивается, испустив щенячий вздох.

– Не буди его, – шепчет Сэм, появившаяся за спиной мужа. – Он выглядит таким счастливым...

– Покрывало придется выбивать.

– Ничего страшного, – мягко говорит она. – В жизни есть вещи поважнее, чем собачья шерсть.

– Этот паренек не просто играет онлайн, – говорит Бакстер. – Он настоящий фанат.

Я стою у него за спиной и смотрю на его компьютер. С другой стороны стоят Эверетт и Сомер.

– Но для профиля он использовал свое собственное имя, – продолжает Бакстер, – поэтому я так легко его вычислил.

Я хмуро смотрю на него.

– А разве для онлайн-игры не нужна кредитная карта? Какая-то подписка или что-то в этом роде?

– Не в случае с «Майнкрафт». Один раз купив игру, ты можешь без проблем бесплатно играть онлайн, – объясняет Бакстер, не отводя глаз от экрана. – Большинство родителей считают, что она вполне безобидна. И это действительно так. По крайней мере, по сравнению с «Колл оф дьюти» или «Мортал комбат». Кроме того, она может быть достаточно познавательной – некоторые умудрялись построить трехмерные копии таких мест, как, например, Лувр. Да и эффекты в стиле Эшера^[73] вполне впечатляют.

Он открывает один из экранов, и на нем появляется одна из моих любимых оптических иллюзий, созданная из напоминающих «Лего» блоков. Невероятная лестница, не поддающиеся анализу стены. Я даже не думал, что что-то подобное можно создать в видео-игре, и сейчас с грустью размышляю над тем, как хорошо бы было, если бы Джейк это видел. Я никогда глубоко не вникал в эту проблему, она никогда не цепляла меня, но Алекс говорила, что я должен сделать над собой усилие, что речь идет о том, чем мы с Джейком можем заниматься совместно. Но это так никогда и не сработало. Алекс говорит, что вся проблема в том, что я не могу избавиться от своего всегдашнего неверия. Может быть, именно поэтому я неплохой коп – отказываюсь терять связь с реальностью. И не думать о ней – по крайней мере, не на все сто процентов. Даже будучи ребенком, я упорно обращал внимание на ниточки в «Предвестниках бури»^[74]. Но, глядя сейчас на экран компьютера Бакстера, на нечто, что мне всегда нравилось и о существовании чего в видеоиграх я никогда не подозревал, задумываюсь, а не могли бы мы с Джейком действительно заняться этим вдвоем, как хотела того Алекс. Однако вслед за этим мне приходит в голову мысль о том, что Джейк всегда об этом знал. Просто ничего не говорил мне. Думал, что мне будет неинтересно.

– Впечатляет, да? – говорит между тем Бакстер, как всегда ничего не замечающий вокруг себя. И это действительно впечатляет. Очень своеобразным способом.

Бакстер меняет изображение. Теперь я смотрю на аватар, выглядящий в точности как Мэтти. Сделан он тоже из блоков, но ошибиться невозможно. Более того, я потрясен, насколько искусно он смог вписать свое лицо в эти разноцветные геометрические фигурки. Получилась довольно милая карикатура: очки, волосы, нос. Сходство немного даже пугает.

– А насколько это все сложно? – интересуется Эверетт.

– Все это требует терпения, – признается Бакстер. – Но у него явный талант. Хотя не тот, о котором, наверное, мечтал его отец. Сдается мне, что того больше интересовали ЗР^[75].

– А что по поводу этой истории с «Загони Зака»? – спрашиваю я. – Откуда тут ноги растут?

Бакстер разворачивается на стуле лицом ко мне.

– А что вы вообще знаете о игре «Майнкрафт»?

– Думаю, что это что-то вроде обкурившегося «Властелина колец».

Сомер прячет улыбку.

– Вот именно, – соглашается Бакстер. – Все пространство игры занято странными существами. Некоторые из них, такие как пауки и зомби, опасны. А еще там есть Криперы. Они самые опасные из Мобов...

– Из Мобов?

– Простите – сокращенное от «Мобильных». В принципе, сюда относится все, что может двигаться. Например, домашние животные, которых можно убивать и есть или использовать для того, чтобы получить оружие и тому подобную хрень.

Мой только что вспыхнувший энтузиазм уже гаснет.

– И что?

– А вот посмотрите. – Он поворачивается к компьютеру и указывает на экран.

Существо на экране зовут «Поросенок».

И у него лицо брата Мэтти.

* * *

7 сентября 2017 года, 08:11

120 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

По висящей в воздухе тишине можно было догадаться, что что-то не так. Майкл смотрит на часы – девятый час. К этому времени дети всегда просыпаются, и сейчас, когда в доме появилась собака, его удивляет, что на первом этаже еще не начались беспорядки. Майкл вздыхает, поворачивается и заставляет себя встать с постели. Саманта шевелится рядом с ним, но не просыпается. По утрам уже становится холодно, и он, выходя на лестничную площадку, надевает и завязывает халат. Из детской доносятся какие-то звуки. Захария воркует сам с собой. Майкл останавливается возле лестницы, размышляя, не сделать ли сначала чай для Саманты, но что-то заставляет его изменить свое решение и подойти к двери детской. Его сын сидит на полу, вокруг него разбросана серебряная фольга. Мордашка малыша измазана шоколадом, а возле него лежит собака. Вначале Майкл решает, что она спит, но потом он видит остатки рвоты возле ее рта и неподвижные полу-остекленевшие глаза.

– Разбуди ее, папочка, – плачет Захария, протягивая руки к отцу. – Разбуди собачку!

Майкл мгновенно опускается на колени, пытается найти у собаки пульс и ничего не находит. Тогда он поворачивается к Захарии.

– Ты что, давал собачке шоколад?

– Он ей нравится. – Малыш кивает, его глаза широко распахнуты. – Она много съела.

– А когда, ты не помнишь?

Захария засовывает палец в рот. Его лицо морщится.

– Не волнуйся, – быстро говорит Майкл и поднимается на ноги, чувствуя, как колотится сердце. Сейчас важно только одно – убрать эту гребаную собаку из дома. Прежде чем проснутся все остальные. Прежде чем ее увидит Мэтти и поймет, что же здесь произошло.

Он сажает Захарию на кровать, а потом нагибается, чтобы поднять собаку. Ее тело уже потеряло гибкость и стало холодным. Слегка покачиваясь под ее весом, он поворачивается к двери.

В проеме стоит Мэтти. В своей пижаме с логотипом «Арсенала». У него бледное и замкнутое лицо, а пальцы сжаты так сильно, что побелели косточки. Майкл не знает, сколько он уже здесь стоит.

* * *

Я все еще смотрю на экран. И не уверен, что хочу знать ответ на свой следующий вопрос, но задать его я обязан.

– Бакстер, а эти животные в «Майнкрафт»... ты сказал, что люди их убивают? Это что, условие игры – ты обязан их убивать?

– Ну да, – отвечает он, и мне видно, что ему становится не по себе. – Если ты убиваешь свинью, то получаешь свиную отбивную.

Свиная отбивная. Всё как в жизни. Только почему-то мне кажется, что это гораздо хуже.

– То есть, если я захочу убить поросенка – того, что сейчас на экране, – как мне это сделать?

– Ну, его можно зарезать, утопить или взорвать. – Констебль глубоко вздыхает. – Есть еще один способ...

Мне словно приходится *вытягивать* из него ответы, слово за словом.

– Какой же, Бакстер?

– Его можно сжечь, – сконфуженно сообщает он.

– Сжечь?

– Тогда у тебя появляется уже поджаренная свиная отбивная. – Бакстер слегка краснеет. – Хотите, чтобы я показал вам «Загони Зака»? – Он смотрит прямо на меня.

– Нет, – отвечаю я, с трудом сглатывая. Такое впечатление, что у меня в горле песок. – Сначала собери всех остальных. Нам всем надо это увидеть.

* * *

Банда любителей «Майнкрафт»

под предводительством Мило

Размещено 11 декабря 2017 г.

бойтесь Крипера...

Все мы знаем, что Криперы – одни из самых омерзительных Мобов, так? Но что вы реально знаете об этой иконе «Майнкрафт»? Не волнуйтесь: вот то, что вам необходимо знать...

Сейчас Криперы могут быть самыми страшными существами, но появились они по чистой случайности (круто, правда?) Судя по всему,

Нотч ^[76], создатель «Майнкрафт», хотел реально создать свинью , но только, Боже святой, что-то пошло не так, и она получилась высокой и тощей вместо длинной и жирной. И к тому же ЗЕЛеной! Так что это

самая счастливая случайность в мире.

Криперы гораздо хуже, чем любой другой неприятельский Моб, потому что Зомби и скелеты могут действовать только при свете дня (хотя по ночам они высиживают свое потомство). Что еще хуже, так это то, что двигаются Криперы бесшумно и могут подобраться довольно близко, прежде чем вы вообще поймете, что они подошли достаточно близко для ВЗРЫВА! И это правда – они не нападают на вас, они просто **взрываются.** И предупреждают они вас об этом жутким шипящим звуком, потом начинают мигать и БАБАХ!

А еще удивительно, что Криперы могут взбираться по лестницам и ступенькам и перебираться через лавовые лужи, но не могут вползать в двери и боятся кошек (Совет: заведите кошку).

Лучший способ убить Крипера? Зажечь огонь и заманить его в него...

КАВООМ!

В следующем посте о том, как надо расправляться с Зомби.

Через десять минут Бакстер подсоединяет свой компьютер к проектору в ситуационной комнате. И все эти десять минут я не прекращаю ходить взад-вперед, как один из этих гребаных Криперов. Первое правило техники: если что-то должно взорваться тебе в рожу, то оно обязательно постарается это сделать. Но вот наконец компьютер Бакстера появляется на экране, и он начинает показывать изображения. Начинает с аватара Мэтти, после чего все приглядываются и печально улыбаются друг другу. А потом

появляется мутант с лицом Захарии и его вьющимися локонами. Улыбки исче- зают.

– Он что, сделал этого поросенка сам? И никто ему не помогал? – задает вопрос Гислингхэм, отчаянно пытаясь взять ситуацию под свой контроль.

– Кастомизация, – откликается Асанти. – Это можно делать во всех этих играх.

– В данном случае это немного больше, – объясняет Бакстер. – Поменять свой аватар относительно просто, но для того, чтобы получить поросенка, надо сделать собственный Мод.

Мобы? Моды? Теперь я уже ничего не понимаю.

– Мод? А это еще что такое?

– Это сокращенное от Модификации. Если просто – это то, что игроки делают сами, а потом предоставляют в пользование другим игрокам.

Он прокручивает в Интернете целый список добавленных Модификаций. Здесь есть все – начиная от роскошных боевых топоров и кончая новыми и особенно омерзительными существами. В самом конце страницы Бакстер останавливается. Все видят ссылку на «Загоны Зака».

В комнате такая тишина, что можно услышать, как падает перышко.

Бакстер сначала смотрит на меня, а потом кликает по сноске и включает видео. На экране появляется какая-то ферма. Амбары, надворные постройки и загоны для животных. На переднем плане поросенок Захария смотрит вам прямо в глаза, двигая головой и помахивая хвостиком. А потом начинается игра. На заднем плане противный визгливый голос поет старую детскую песенку:

*Этот поросенок пошел на базар,
Этот поросенок дома остался,
Этот поросенок проголодался,
Этот поросенок очень устал,
А этот поросенок громко визжал...*

Мы все наблюдаем, как за поросенком гоняются по всем строениям фермы, пока наконец не загоняют в угол так, что ему некуда бежать.

Все это анимация – ничего не значащие яркие розовые оцифрованные фигурки, – но крики и паника пугающе реальны. И когда мы уже почти дошли до точки и не можем больше на это смотреть, игрок бросает что-то в поросенка, и тот вспыхивает. Вспыхивает так, что даже я верю в это.

Резкий, металлический голос веселится вовсю:

– А этот поросенок – БАБАХ!

– Великий Боже. – Гислингхэм отворачивается от экрана. – Ему одному известно, как родителям обезопасить своих детей, когда вокруг творится такое. Он вздыхает. – Думаю, что главное – это любить их. Любить и надеяться, что они будут с тобой общаться. Знаете, прежде чем решат совершить какую-нибудь глупость...

Он резко замолкает, только сейчас сообразив, что же ляпнул.

– Твою мать, простите, босс... Я не хотел...

И никто не хочет. И тем не менее делают это.

Эверетт продолжает разглядывать экран.

– Я слыхала, что дети иногда бывают недовольны появлением младших братьев или сестер, но чтобы до такой степени... Это... это просто ужасно.

– Но смысл в этом есть. – Сомер оглядывает всех присутствующих. – Я хочу сказать, что это вероятный мотив. Бодди ведь говорит, что Захария мог задохнуться еще до того, как начался пожар, так? А что, если это Мэтти?

Какое-то время все молчат, а потом Бакстер решительно произносит:

– А что, я готов с этим согласиться. Он зол. Он обижен. И для того, чтобы он слетел с катушек, много не надо. А когда он понял, что натворил, его охватила паника, и он поджег дом, чтобы замести следы...

– И он такой не первый, – продолжает Сомер. – Да и не так уж все это сложно. Он знал, где бензин. А когда загорелась елка...

– Но способен ли ребенок его возраста на такое? – задает вопрос Гислингхэм. Он не хочет верить в виновность Мэтти, но при этом остается полицейским до мозга костей и готов поверить уликам, даже если они ведут в такие темные дебри.

– А что там насчет этого врача? – вспоминает Бакстер. – Эсмонд говорил, что ищет его для члена семьи, и мы все решили, что для жены... А вдруг он искал его для сына?

– Ты хочешь сказать, что он *знал*? – Глаза Эв расширяются. – Эсмонд *знал* про эту историю с «Загнать Зака»?

– Минуточку, – внезапно прерывает ее Гислингхэм. – А разве Мэтти не нашли в непонятном месте? Если все началось в гостиной, как говорят пожарные, то зачем ему надо было подниматься по лестнице? В этом нет никакой логики...

Но у Асанти уже есть ответ на этот вопрос:

– А может быть, он не ожидал, что огонь распространится так быстро? Может быть, он думал, что у него будет время подняться по лестнице и

предупредить мать, или захватить свою приставку, или что-нибудь в этом роде...

Тем временем Бакстер роется в видеороликах на «Ютьюбе». Один из них он открывает на весь экран: игрок в «Майнкрафт» движется по громадному виртуальному особняку, разбрасывая во все стороны снопы огня – на пол, стены, потолки, – при этом безо всяких усилий взбираясь и спускаясь по лестницам, выходя из помещения и возвращаясь в него. Пламя выглядит на удивление реалистично, но при этом ничего не сжигает и никого не ранит.

– Возможно, он думал, что от настоящего пламени будет так же легко убежать, – мрачно говорит Гислингхэм.

– И все равно здесь что-то не так, – стоит на своем Эверетт. – И если мы собираемся строить свое обвинение только на предположении, что десятилетний мальчик поджег весь дом, то нам понадобится нечто более существенное, чем выводы, у которых нет вообще никакого основания.

Я встаю и вновь начинаю ходить по комнате. За спиной у меня мертвая тишина. Мне необходимо подумать. Нам всем необходимо подумать. Потому что если этот ребенок не имеет к пожару никакого отношения, то в доме было что-то не так. Что-то там было действительно очень плохо.

– Ладно, – говорю я наконец. – Пусть Чаллоу еще раз свяжется с экспертами. Если Мэтти действительно поджег дом, то должны были остаться какие-то следы. Мальчик в таком возрасте – да он был бы по уши в бензине.

Как Джейк. Молочный коктейль. Сок. Кола. Что бы вы ни назвали, он выливал это на себя.

Гислингхэму приходит почта. Он читает ее, а потом поднимает на меня глаза. На лице его написана тре-вога.

– Это из технического отдела, босс. Только что включился телефон Эсмонда.

* * *

*25 сентября 2017 г., 17:49
101 день до пожара
Саути-роуд, 23, Оксфорд*

Когда Майкл приезжает домой, его жена готовит на кухне спагетти болоньезе.

– Ты сегодня рано, – говорит она. – Я ждала тебя не раньше чем через час.

Дни уже становятся короче, но сейчас еще достаточно светло, чтобы Мэтти был в саду. Они с Гарри играют в футбол. Какое-то время Майкл молча наблюдает за ними, а потом поворачивается к жене.

– Сколько времени он проводит здесь?

– Гарри? – Слегка озадаченная, она поднимает на него глаза. – Он приходит дважды в неделю. Как мы и договаривались.

– Нет, я имею в виду все то время, которое он здесь проводит. То есть с садом, мне кажется, он закончил несколько часов назад.

– Он делал еще кое-что по дому. – Она заливается краской. – То, что ты никак не мог собраться сделать. Раковину на втором этаже и всякие другие мелочи...

– Я не о мелочах сейчас.

– Ну, и пару раз он играл в футбол с Мэтти.

Из сада доносится крик; слышно, как Мэтти визжит: «Гол! Гол!»

Майкл опирается пятой точкой о стол и складывает руки на груди.

– А мне кажется, что «парой раз» здесь не обошлось.

– Я тебя не понимаю. – Сэм хмурится.

– Когда я сегодня привез Мэтти в школу, на меня накинулась его учительница и рассказала, как все они им довольны. Как улучшились его оценки, как он заводит себе новых друзей и как его стали приглашать на всякие мероприятия после школы.

– Но это же здорово, правда?

– Конечно, здорово. Просто мне показалось, что все эти восхитительные перемены в нем она связывает с тем, чем я занимаюсь с ним дома. С научными экспериментами, которые я ему демонстрирую, с фокусами, которым я учу его, и с образовательными играми, которые я придумал для нас двоих.

– Ах вот как. Понятно. – Она краснеет еще больше.

– Так, значит, это Гарри? Все это делает Гарри?

– Он сам сказал, что хочет это делать, – Сэм кивает, – и мне показалось, что это никому не повредит – да и Мэтти был на седьмом небе от счастья. – Она прикусывает губу. – Прости, мне не надо было это разрешать.

– То есть «изумительную объемную модель Солнечной системы» из яблок, арбуза и мотков веревки создал тоже Гарри? Я про ту, которую они воссоздали в классе, потому что она вся такая «творческая и оригинальная»?

Сэм кивает.

– Его отец – я, а не Гарри, – говорит Майкл со вздохом.

– Я знаю, но ты так занят и на тебя так много всего навалилось, а Гарри, мне кажется, искренне наслаждается всем этим, и, как я уже говорила, это никому не причиняет зла... – Все это она произносит скороговоркой, а потом останавливается. – Да и вообще, вы с Гарри так близки... Я думала, он тебе сказал. Мне даже показалось, что это твоя идея.

– Что ты имеешь в виду – «вы так близки»?

Саманта отворачивается к кастрюле и добавляет соль в соус.

– А разве нет? Я же видела.

– Что ты видела?

– Ну... как вы разговаривали. Смеялись. – Она все еще смотрит в кастрюлю.

– Сэм, ты несешь какую-то ерунду. Он, на всякий случай, *садовник*, а не «лучший друг мой навсегда».

– Но ведь именно это я и имею в виду. – Она берет в руки ложку. – Ведь у тебя нет друзей, правильно? Ну, то есть настоящих. Вот я и подумала, что вы с ним... Что это может быть...

– Что именно?

– Как с тем мальчиком, которого ты знал. В школе.

– Кто тебе рассказал об этом? – Его лицо каменеет.

– Филипп. Когда здесь был. Он сказал, что плохо, что у тебя нет близких друзей, а когда я спросила, было ли это так всегда, то он сказал: «Да». Если не считать друга, который был у тебя в школе. Послушай, я вообще...

– А что он еще рассказал? – Майкл угрожающе понижает голос.

– Больше ничего, – теперь ее щеки горят. – Это всё. Он даже не помнит имени того мальчика. – Сэм отворачивается и притворяется, что занята пастой. – И в любом случае, – продолжает она притворно-небрежно, – что во всем этом такого?

Ее муж молчит так долго, что, когда она наконец поворачивается к нему лицом, в кухню уже влетает Мэтти с криками: «Я выиграл! Выиграл!»

– Всё в порядке? – спрашивает Гарри от двери.

– Абсолютно, – тихо отвечает Майкл, не глядя на него. – Все просто прекрасно.

Гислингхэм берет свой телефон и смотрит на меня.

– Ну, давай же, – бормочет Куинн.

Все мы стоим вокруг стола Гиса, набирающего номер мобильного Майкла Эсмонда.

– В техотделе говорят, что он все еще в Лондоне, – говорит тот, прикрывая трубку рукой и оборачиваясь ко мне. – Где-то в районе Риджент-стрит... Э-э-э, здравствуйте, – говорит он неожиданно.

Мы все смотрим друг на друга. По прошествии всего этого времени Эсмонд *ответил?*

– Это доктор Эсмонд? – Несколько мгновений Гис молча слушает, а потом хмурится. – Говорит детектив-констебль Крис Гислингхэм из Управления полиции долины Темзы. Мы пытаемся разыскать доктора Эсмонда. Да, все правильно, он владелец этого телефона. – И после паузы: – Да именно тот, из новостей, – берет ручку и делает несколько быстрых пометок. – А у вас есть его номер?.. Отлично! Спасибо. Я буду звонить.

Констебль кладет трубку и оглядывает всех присутствующих.

– Вы ни за что на свете не догадаетесь, кто это был.

– Послушай, твою мать... – начинает Куинн, но замолкает, поймав мой взгляд.

– Его зовут Энди Уэлч, – продолжает Гислингхэм. – Или, если точнее, констебль Энди Уэлч. И он служит в дежурной части Центрального полицейского участка в Вест-Энде.

* * *

25 сентября 2017 года, 20:48

101 день до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– Нет, до конца тебе смотреть нельзя.

– Но, папа...

– Прекрати ныть, Мэтти. Мы договорились, что ты посмотришь первый тайм, а теперь тебе пора в постель. Завтра в школу. Ты знаешь правила.

Майкл Эсмонд загружает посудомойку. Его сын стоит в дверях, одетый в пижаму с логотипом «Арсенала». Сегодня команда играет с «Вест-Бромвич Альбионом».

– Но мы же выигрываем!

– Дело вовсе не в этом, Мэтти. – Майкл выпрямляется. – Мы с тобой обо всем договорились, а теперь ты хочешь поменять нашу договоренность. А в жизни так не бывает. Нельзя вечно получать только то, что ты хочешь.

– А вот вчера ты сказал Захарии, что нельзя играть в песочнице, а потом разрешил.

Майкл глубоко вздыхает – эти дети всегда найдут возможность припереть тебя к стенке:

– Вчера все было по-другому.

– Как? Как по-другому?

– Вчера я сказал «нет», потому что думал, что пойдет дождь. А дождя не было. Так что вчера изменились обстоятельства. – Майкл слегка краснеет – главная причина была в том, что Захария орал так, что, казалось, дом вот-вот рухнет, – но он не собирается признаваться в этом Мэтти. – И потом, Захария еще слишком мал, чтобы что-нибудь понимать. А ты – нет.

– Вот, *ты всегда* так говоришь, – ревет Мэтти с покрасневшим лицом. – Ты всегда говоришь, что я должен быть большим мальчиком, а он слишком маленький и *всегда* получает все, что захочет. Так нечестно! Нечестно!

Он пристально смотрит на отца. Майкл ждет, когда он упомянет о собаке. За все эти недели Мэтти не сделал этого ни разу. Начиная с того самого жуткого утра, когда он стоял с сухими глазами и слушал, как отец ему врет.

Они долго смотрят друг на друга, а потом Мэтти поворачивается и, не сказав ни слова, бежит через холл.

* * *

– Очевидно, водитель такси передал телефон всего пару часов назад, – объясняет Гислингхэм. – Уэлч включил его, чтобы посмотреть, кто на него звонил, – таким образом они хотели обнаружить владельца.

– И это отлично сработало, – слышится издевательский комментарий Куинна.

– А сколько он пробыл у водителя? – спрашиваю я, не обращая на него внимания.

– В этом-то все и дело, – говорит Гис. – Он нашел телефон третьего января вечером.

Гислингхэм следит, как мы перевариваем эту информацию. Вечером 3 января начался пожар. И вечером того же дня телефон Эсмонда включали в районе Тоттенхэм-Корт-роуд. Тогда мы все решили, что он именно там.

– Значит, в ту ночь телефон включал не Эсмонд, а таксист?

– В самую точку, босс. Наверное, он включил его для того же, что и Уэлч, только ему тогда не повезло.

– Так что же получается – он возил его с собой десять дней?

– Он на неделю летал в Лас-Вегас, – Гислингхэм пожимает плечами, – и не успел сдать его до отлета. И, честно говоря, он не знал, насколько это важно, потому что, когда мы обратились к публике, он был уже в Штатах. Скорее всего, телефон провалился за заднее сиденье, и таксист не представляет, сколько времени он там пролежал.

Я киваю. Это именно то, что осложняет любое расследование. Не бесконечная ложь или намеренное путанье следов, а вот такие неизбежные мелочи нашей ежедневной жизни.

– Но у меня есть мобильный водителя, – продолжает Гислингхэм. – Я позвоню ему и перешлю фото Эсмонда. Если нам повезет, он вспомнит пассажира.

Ну, хоть что-то. А может быть, даже чуть больше.

– Мет сегодня отправит нам сам телефон, – добавляет Гис, явно пытаясь добавить как можно больше позитива. – Это может дать нам какие-то зацепки. Помните тот предоплаченный номер, по которому звонил Эсмонд? Если он занес его в память вместе с именем, то мы сможем отследить номер. Естественно, при условии, что Бакстер сможет взломать эту гребаную штуку.

Бакстер корчит гримасу притворной скромности, и в комнате раздается приглушенный смех. Но я его не слышу. Подхожу к доске и смотрю на наши временные выкладки. В первый раз за все время я чувствую приступ сомнения. Неужели все мы ошибались? Неужели с самого начала перевернули всё с ног на голову?

– Эта свидетельница, которая видела Эсмонда в баре в ночь пожара, – я поворачиваюсь к Эв, – эта организаторша. Ведь это ты с ней говорила тогда, правильно?

– Да, босс, – Эв хмурится. – А что с ней не так?

– А она *абсолютно уверена*, что это был он?

– Вроде бы да. – Верити слегка бледнеет. – Но, если хотите, я могу поговорить с ней еще раз.

– Да, хочу. И, пожалуйста, как можно быстрее.

* * *

*Запись телефонного разговора с Тони Фарлоу, 15 января 2018 г., 18:55.
Разговор провел и. о. детектива-сержанта К. Гислингхэм.*

К.Г.: Мистер Фарлоу? Я звоню из Управления полиции долины Темзы. Это по поводу телефона, который вы сдали в участок на Сэвилл-роу.

Т.Ф.: Долина Темзы? Далековато вы забрались, нет?

К.Г.: Это очень важно. Я сейчас перешлю вам фото. Фото человека, которому принадлежит телефон. Посмотрите на него и скажите, когда вы могли подхватить этого человека.

Т.Ф.: Столько шума из-за какого-то пустячного телефона, но, как скажете...

Пауза. Раздается сигнал поступившей почты. А, ну да, я помню этого парня. Он сел на Грейт-Куин-стрит. Я еще подумал, что он живет в одном из тамошних отелей.

К.Г.: А когда это было?

Т.Ф.: Ну и вопрос... Точно пару недель назад – со всеми этими праздниками и так далее...

К.Г.: Второго, во вторник? Или третьего, в среду?

Т.Ф.: Скорее всего, в среду. Да, теперь вспомнил. Я с утра был записан к врачу, поэтому выехал позднее, чем обычно. Он был одним из первых пассажиров.

К.Г.: А во сколько вы его посадили?

Т.Ф.: Где-то в полдень.

К.Г.: А вы не помните, где он вышел?

Т.Ф.: На Виктории. На вокзале, а не на автобусной станции.

К.Г.: А он не говорил, куда направляется?

Т.Ф.: Неа. Он вообще со мной не разговаривал. Все время тарачился на что-то в телефоне. Скорее всего, тогда он его и выронил.

К.Г.: Он был с багажом?

Т.Ф.: Не, только с одной из этих выпендренных сумок для лэптопа. Думаю, что он не планировал останавливаться там, куда ехал.

* * *

– Как только мы поняли, где искать, то сразу же обнаружили его, – это

говорит Бакстер на утреннем совещании. На экран он вывел изображение – запись с камер наружного наблюдения на вокзале Виктория во второй половине дня 3 января. Обычное крупнозернистое изображение, но сомнений нет – это действительно Эсмонд.

– Вот он садится на поезд в четырнадцать тридцать до Брайтона, – изображение меняется. – А это он после того, как сошел в Брайтоне в пятнадцать двадцать четыре. В городе провел два часа, а в семнадцать сорок вернулся на вокзал, чтобы сесть на поезд в семнадцать сорок шесть до Лондона.

– Брайтон? – подает голос Куинн. – А какого хрена он там делал?

– Если бы я знал, – отвечает Бакстер. – Пока у нас нет ничего, что говорило бы о его связи с Брайтоном. По крайней мере, в «Фейсбуке» об этом ни слова.

– А мы уверены, что он вернулся в Лондон, а не сошел где-то по дороге?

– Например, в гребаном Гатвике^[77], – бормочет себе под нос Куинн, который прекрасно знает, что мы проверили все порты и аэропорты, но тем не менее не может сдержаться.

– Пока мы еще не обнаружили, как он вернулся на Викторию, – говорит Бакстер. – Там, прямо перед Хэйвордс-Хит, поезд сошел с рельсов, так что пришлось подтягивать подъемное оборудование, прожектора и бог знает что еще. И все замерло на два часа. Поезд добрался до Лондона только после девяти, и на вокзале царил полный хаос. Так что мы все еще отматриваем записи.

– Отлично, – говорю я, – продолжайте. Нам надо *точно* выяснить, куда Майкл Эсмонд направился той ночью. Пусть даже он просто вернулся в тот же самый паб.

Я поворачиваюсь к Эверетт, которая слегка краснеет.

– Я только что говорила с этой организаторшей, босс. Боюсь, что она запудрила нам мозги. Она все еще *думает*, что это был Эсмонд, но он сидел спиной к ней, поэтому она не уверена на все сто. Как я поняла, она узнала куртку, но лица его не видела.

– Твою мать! – восклицает Куинн. – Да кто вообще обращает внимание на эти гребаные куртки?

В глазах Сомер можно прочесть: «Уж чья бы корова мычала...», но все предпочитают промолчать.

– Одно мы знаем точно, – говорю я. – Эсмонд совершил свою таинственную поездку в Брайтон всего за несколько часов до того, как вспыхнул его дом. И я не собираюсь считать это простым совпадением,

пока мы этого не докажем.

Все кивают и обмениваются быстрыми взглядами: сотрудникам хорошо известно мое отношение к всяческим совпадениям.

– Нам надо связаться с полицией Сассекса и проверить такси и автобусы – может быть, удастся выяснить, куда направился Эсмонд со станции. Куинн, почему бы вам этим не заняться? Морской воздух отлично прочищает мозги. – Раздается несколько смешков, но сегодня он их заслужил – все утро вел себя как чмо. – А еще лучше, если вы прокатитесь туда на вашей новой роскошной машине...

* * *

Отправлено: Чт 16/01/2018 в 10:54

Важность: High

От: TimothyBrownTechUnit@ThamesValley.police.uk

Кому: DCEricaSomer@ThamesValley.police.uk

Тема: Дело № 556432/12 Феликс-Хаус, Саути-роуд, 23 – трекинг спутникового телефона

Привет, Эрика,

Нам удалось отследить разговор, о котором ты говорила. Телефон, о котором идет речь, находился в момент разговора в открытом море. Не буду грузить тебя техническими деталями, но «Фридом-2» находилась в тот момент в двадцати милях от побережья Португалии.

Обращайся, если понадобится что-то еще, – всегда рад помочь.

Пока,

Тим

* * *

Подогреваемые сиденья в машине имеют свои недостатки. Конечно, ехать с ними гораздо комфортнее, но вот когда вылезешь из машины, то разницу замечаешь сразу. А когда за бортом температура ниже точки

замерзания и с моря дует ветер, в Брайтоне холодно, как в морге.

Куинн запирает машину и направляется к полицейскому управлению. С архитектурной точки зрения это точная копия штаб-квартиры полиции долины Темзы. Приземистая, квадратная, функциональная. Куинн получает пропуск и в течение пятнадцати минут околачивается по коридорам. Он уже готов подойти к дежурному еще раз, когда появляется полицейский в форме.

– Детектив-констебль Куинн? Я констебль Алок Кумар. Ваш сержант сообщил о том, что вы приезжаете.

Куинну требуется какое-то время, чтобы понять, что парень имеет в виду Гислингхэма. От старых привычек трудно избавиться.

Когда они проходят по помещению офиса, люди поднимают головы от своих компьютеров. Некоторые просто отмечают про себя, что в помещении появился незнакомец. Пара женщин задерживает на Куинне взгляд. Одна из них улыбается. День начинает казаться констеблю не таким уж мрачным. Хотя он все еще не отошел от этого гребаного холода – комната тоже напоминает ледник, и все в ней одеты в сви- тера.

– Я извиняюсь за этот холод, – добродушно произносит Кумар, – но отопление опять пошаливает. – Он придвигает к столу свободный стул для Куинна, садится, включает компьютер и переходит в режим воспроизведения видео. – Вот. Автобусная компания прислала все записи с камер наружного наблюдения за тот день.

– Класс. Спасибо.

– Когда закончите, мы можем съездить на вокзал и поговорить с таксистами.

Кумар улыбается. У него на удивление хорошие зубы.

– Кофе?

– Не откажусь... – Куинн поднимает голову.

– Кофеварка на кухне. Вторая дверь по левой стороне.

* * *

В это время в Оксфорде Гислингхэм паркуется в самом конце Ботлироуд. Он тоже с кофе, то есть с двумя порциями, купленными в кафе в торговом центре. Гис залезает в машину и передает Эверетт картонный поднос. Та берет один из стаканчиков и обхватывает его ладонями. Сержант захлопывает дверь, и стекла машины сразу же запотевают.

– У тебя нос ярко-розового цвета.

– Эй, приятель, – говорит Эверетт с резким американским акцентом, состроив ему рожу, – а как так получается, что девчонки от тебя без ума?

– Выдаешь свой возраст, Эв, – ухмыляется сержант. – Этой рекламе, наверное, лет тридцать.

– Скорее сорок, – отвечает Верити, продолжая гримасничать. – А вот мне гораздо меньше. Но я прощаю тебя за недостаток обходительности, потому что ты купил мне кофе. – Она делает глоток. – Ну, и куда дальше?

Гислингхэм сверяется со своим блокнотом. Утром телефон Эсмонда доставили со специальным курьером. И им наконец хоть чуть-чуть, но повезло: паролем оказывается практически первая же комбинация цифр, которую набирает Бакстер. 1–9–8–7 – год рождения Майкла Эсмонда.

– Не надо недооценивать идиотизм всех этих якобы умников, – сурово комментирует цифры Бакстер.

Они получают доступ к записям Эсмонда (ничего интересного), к его личной почте (еще один пароль, пока что не взломанный) и последнее, но от этого не менее важное – к его телефонной книге. В ней они разыскивают неуловимый предоплаченный номер, по которому Эсмонд звонит начиная с прошлого лета. В книгу он был занесен под именем Гарри. Когда Бакстер оглашает имя вслух, все только недоуменно переглядываются. Имя «Гарри» нигде не появлялось – ни среди коллег Эсмонда, ни среди студентов, ни среди его контактов в «Фейсбуке». А когда Сомер звонит Филиппу Эсмонду, чтобы узнать у него, то тот тоже говорит, что ничего не знает. Этот факт сам по себе вызывает у всех повышенный интерес. Иногда отсутствие каких-то фактов бывает не менее информативно, чем их открытие. Так что последние два часа они проверяют места, где находился «Гарри» в те моменты, когда Эсмонд ему звонил. Правда, пока безрезультатно – про «Гарри» никто ничего не знает. И вот теперь им предстоит проверить последнюю точку. Гис смотрит на ряд домов на противоположной стороне улицы.

– Это должно быть где-то здесь.

– Ладно, дай только допить кофе.

Какое-то время они сидят, наблюдая за группой тинейджеров, которые, смеясь, проходят мимо, не обращая никакого внимания на мороз.

– А здорово, наверное, быть студентом, – замечает Гислингхэм.

– Это не студенты. – Эв смотрит на них сквозь стекло. – По крайней мере, не наши. Они из молодежного хостела. – Тут она толкает Гислингхэма и заканчивает таинственным шепотом: – Их выдают рюкзаки.

Гислингхэм демонстрирует притворное восхищение:

– Послушай, а ты никогда не задумывалась о карьере детектива?

Знаешь, мне кажется, у тебя талант.

Она еще раз дает ему под ребро, и они какое-то время сидят молча. На ветровое стекло падает несколько капель дождя.

– Ну что, пошли? – Эверетт допивает свой кофе.

* * *

К четырем часам Куинн чувствует, что с него достаточно. Ко всему прочему, пошел дождь, и он уверен, что успел подхватить простуду. За это время Гарет переговорил с семнадцатью водителями такси и четырьмя диспетчерами в парках, но ни один из них не узнал Майкла и не имел ни малейшего понятия, куда тот делся после того, как исчез с камер наружного наблюдения, закинув на плечо сумку с ноутбуком и направившись к выходу. К тому времени, когда Куинн возвращается к полицейскому управлению, чтобы забрать машину, обувь у него насквозь мокрая, а настроение ниже плинтуса. И вид улыбающегося (и абсолютно сухого) констебля Кумара его отнюдь не улучшает.

– Ну что, детектив-констебль Куинн, удачно прогулялись?

– Вот уж нет так нет. – Гарет бросает на него сердитый взгляд.

– Очень жаль, – улыбка исчезает с лица Кумара. – Хотите зайти и подсушиться?

– Если не возражаете, я лучше поеду.

– У меня тут появилась одна идейка... – с сомнением произносит Кумар.

– Да неужели?

– Я еще раз просмотрел записи с вокзала. Там две камеры – одна внутри и одна снаружи. В три двадцать шесть дня камера в помещении вокзала показала, как он направляется к выходу и исчезает из поля зрения.

– Ну, и дальше что? – Куинн произносит это немного резче, чем собирался, и видит, как Кумар слегка вздрагивает.

– Просто на внешней камере он появляется только через две минуты и пятнадцать секунд. Вот я и попытался понять, что он делал все это время...

– Зашел в туалет?

– Вокзальные туалеты расположены в противоположной стороне. – Констебль качает головой.

– Ну, и каков же ответ?

– Я думаю, что он изучал карту района. Она висит возле дверей, и с камеры ее не видно. А это значит, что он не знал, куда ему идти. Это было

место, в котором он раньше никогда не бывал.

Куинн открывает рот и вновь его закрывает. Он недооценил этого парня.

– Хорошо, предположим, вы правы. И что это нам дает?

– Думаю, что это исключает встречу с другом, – приободряется Кумар. – А так как мы не смогли найти ни таксиста, ни водителя автобуса, которые его узнали бы, то можно предположить, что он отправился пешком. – С этими словами констебль достает из кармана карту. На ней красной ручкой проведен круг с центром на вокзале. – Вот куда он мог пойти за тридцать минут, если предположить, что двигался он в нормальном темпе.

– Вы посчитали, что он шел полчаса, потом час провел там, куда шел, – Куинн берет у него из рук карту, – а потом полчаса возвращался на вокзал?

Кумар кивает.

– Мне кажется, что с этого вполне можно начать. И, вполне возможно, на всех основных направлениях мы найдем камеры наружного наблюдения. По крайней мере, на расстоянии мили, или около того, от вокзала. А это уже кое-что...

– И у нас есть еще одно преимущество. – Куинн все еще внимательно изучает карту.

– О чем вы? – хмурится Кумар.

Гарет поднимает на него глаза и ухмыляется:

– Половина этого круга расположена в гребаном море.

* * *

Отправлено: Чт 16/01/201 в 19:35

Важность: высокая

От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk

Тема: дело № 556432/12 Феликс-хаус, Саути-роуд, 23, –
дополнительные проверки

По вашему запросу я дополнительно проверил одежду Мэттью Эсмонда. На ней нет никаких следов горючего вещества.

На руках во время вскрытия тоже ничего обнаружено не было. Конечно, всегда есть вероятность того, что он был очень аккуратен и/или надел перчатки, но, на мой взгляд, подобная предусмотрительность у мальчика его возраста маловероятна.

* * *

– С последним адресом мы тоже пролетели, – говорит Эверетт. – Там никто ничего не слышал ни о каком «Гарри», не говоря уже о Майкле Эсмонде. Хотя мужик, с которым мы говорили, явно узнал лицо на фотографии. Но он сказал, что, должно быть, видел его в новостях.

8:15 утра. Гис старается согреться, прислонившись к радиатору у меня в кабинете. На улице только начинает рассветать. Свет фонарей окрашивает каменные здания в оранжевый цвет.

– А ты ему веришь – этому мужику?

– Да выглядит он вроде бы нормальным, – подумав, отвечает Гис.

– Что еще дал нам телефон Эсмонда?

– Бакстер его досконально изучил. – Сержант качает головой. – Боюсь, ничего интересного. Последний раз ему звонила жена – третьего января. Наговорила всякое на голосовую почту: мол, сожалеет, что не позвонила накануне, но она слишком устала, что она дома, что Захария болен и что она просит Майкла перезвонить. Чего он, естественно, так и не сделал.

– Потому что к тому времени уже потерял телефон.

– Вот именно.

– А что там с Брайтоном?

– Об этом вам придется спросить детектива-констебля Куинна. – Гислингхэм сурово смотрит на меня. – Когда и если он соблаговолит осчастливить нас своим присутствием.

* * *

На Саути-роуд Ригби расписывает задания на день. Проведя почти две недели на месте пожара, команда экспертов наконец-то добирается до золотой жилы. Хотя в нынешних обстоятельствах это не лучшее идиоматическое выражение. Мусор и обломки с двух верхних этажей с невероятными предосторожностями разобраны, задокументированы и увезены – теперь эксперты переходят к гостиной, к тому самому месту, где

началось возгорание. Комбинация высокой температуры и веса упавших на нее обломков превратила гостиную в закопченное и засыпанное перекрученными фрагментами конструкций помещение. Но они знают, что ищут, – и, обнаружив, не пропустят.

– О'кей, – говорит Ригби, в последний раз сверяясь со списком. – Давайте делить помещение на сектора и приступать.

* * *

Теперь Гарет Куинн чувствует себя намного лучше. И это касается не только его работы, но и жизни в целом. Фаули был прав – уехать из офиса оказалось отличной идеей. Позволило ему взглянуть на происходящее по-новому. Не говоря уже о номере телефона той полицейской, которая строила ему глазки. Что же касается Алока Кумара, то он будет очень полезен: всегда рад выполнить тяжелую работу, а находится так далеко, что никогда не узнает, каких похвал он, Куинн, за нее удостоится. Так что в походе констебля, когда он появляется в офисе в половине десятого утра, присутствует что-то от прежнего Гарета.

Гислингхэм смотрит на него со своего места. Констебль хорошо знает этот взгляд.

– Очень мило, что ты появился, – говорит сержант.

– Попал в пробку. – Куинн бросает на стол ключи от машины.

– Ну, коли уж ты все-таки до нас добрался, то не соблаговолишь ли рассказать мне о своей поездке в Брайтон?

– Конечно. – Куинн улыбается. – Только кофе возьму.

Десять минут спустя он вливается в переговорную, выдвигает стул, кладет на стол планшет и ставит свой кофе. После чего открывает пакет и начинает поглощать круассан. Шоколадный круассан. Гислингхэм знает, что его пытаются вывести из себя, но одно дело знать, и совсем другое – заставить себя не обращать на это внимания.

– Мне кажется, ты что-то говорил о пробке, – говорит он, не сводя глаз с круассана. От запаха булочки у него урчит в животе.

– Ну да, – отвечает Куинн с набитым ртом.

– Так продолжай с того же места. И что тебе удалось выяснить?

Гарет убирает бумажный пакет и включает планшет.

– С таксерами и автобусниками я вытянул пустышку, – говорит он; изо рта у него сыплются крошки. – Пришлось прийти к выводу, что Эсмонд ушел со станции пешком. А так как у него было всего два часа времени, то

отойти он мог максимум на три мили. – Констебль поворачивает планшет к Гислингхэму и откусывает еще один кусок. На пол сыплется миндальная стружка.

Сержант заставляет себя посмотреть на карту на экране планшета.

– А что значат эти желтые значки? – спрашивает он мгновение спустя.

– Камеры наружного наблюдения. – Куинн доедает круассан и отряхивает руки. – В основном на магазинах. Сейчас ребята в Сассексе собирают записи, относящиеся к интересующему нас времени, но это может занять несколько дней.

– А сколько у тебя уже есть?

– Около половины, – подумав, отвечает Куинн. – Может быть, чуть меньше. И пока Эсмонд не обнаружен.

Гислингхэм еще раз смотрит на карту. Гарет, без сомнения, проделал вполне приличную работу. Солидную, надежную полицейскую работу.

– Ладно. – Сержант встает и идет к двери. – Держи меня в курсе.

Как только он скрывается из виду, Куинн улыбается, делает из бумажного пакета комок и бросает его в сторону корзины для бумаг.

– Есть! – вырывается у него, когда комок попадает в самый центр. – Есть еще порох в пороховницах!

* * *

Я веду нудный разговор с супером, рассказывая ему о последних событиях, когда в дверях моего кабинета появляется отчаянно жестикулирующий Бакстер.

Извинившись перед Харрисоном, я встаю:

– Что случилось?

– Сэр, – говорит задыхающийся Бакстер, – мне кажется, вы должны это видеть.

Я иду за ним в ситуационную комнату и впервые замечая, что Бакстер почти бежит, если он вообще умеет бегать. Я еще никогда не видел его таким возбужденным. Он приглашает меня к экрану. На нем я вижу очередную картинку с вокзала. Люди в шарфах и перчатках с рюкзаками, сумками и чемоданами. То тут, то там виднеются жалкие рождественские украшения...

– Минуточку, это же не Брайтон...

– Нет, босс, – Бакстер кивает. – Это Оксфорд. Вечером третьего января. А вот этот человек, – тут он показывает на мужчину на экране, – Майкл

Эсмонд. В ту ночь он не остался в Лондоне, как все мы думали. По какой-то неизвестной нам причине он вернулся домой. И мне кажется, что это как-то связано с его визитом в Брайтон. Иначе и быть не может.

Я смотрю на время в углу экрана.

23:15.

Меньше чем через час его дом вспыхнул.

* * *

Отправлено: Ср 17/01/2018 в 14:35

Важность: высокая

От: PRigby@Oxford.fire.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk

Тема: Дело № 556432/12 Феликс-хаус, Саути-роуд, 23

Настоящим информирую, что мы добрались до входной двери дома. Четыре стеклянные панели в ней разбиты, но мы не нашли никаких признаков взлома – вопреки нашим ожиданиям, дерево не повреждено, и дверь оборудована высококачественным замком. Так что речь может идти только о стеклянных панелях и о том, не была ли одна из них разбита для того, чтобы облегчить проникновение в дом. Мы еще проведем необходимые тесты, но, на мой взгляд, панели были выбиты изнутри, а не снаружи (то есть их выдавило под напором огня). Добавьте сюда охранную систему и высокие ворота, и вы согласитесь со мной, что проникновение в дом чужих маловероятно. Тот, кто устроил пожар, имел возможность беспрепятственно войти в дом.

* * *

С Брайаном Гоу мы встречаемся в кафе за углом здания факультета физиологии. Он рассказывает мне, что готовит серию семинаров по личному профайлингу и психопатологии, хотя я сильно подозреваю, что единственный профиль, который его волнует, – это его собственный. Лично

я считаю, что все эти его академические занятия лишь ступеньки на пути к достижению главной цели. По настоящему его привлекает только телевидение: он мечтает подводить итог очередной серии «По долгу службы»^[78] или комментировать программу «Самые темные табу Великобритании»^[79]. Все эти годы Гоу пытался работать с писателями, удаляя в их книгах различные нелицеприятности, но настоящих денег это ему не принесло. Помню, как он однажды сказал, что не устает удивляться тому, что наиболее кровавые произведения пишутся обычно наименее агрессивными авторами. Какими-нибудь тихими как мышки дамами среднего возраста или аппетитного вида мамочками при деньгах, одевающимися в «Бодене»^[80] и пребывающих в состоянии невротической декомпенсации. Тогда же я сказал ему, что этой теме посвящена серия семинаров, но Гоу решил, что я его разыгрываю.

– У меня мало времени, – с ходу заявляет он. – Слишком много его я в Рождество уделял семье, и теперь надо наверстывать. – Он придвигает к себе сахарницу. – Как Алекс?

Обычно он о ней не спрашивает. Более того, никогда ее в глаза не видел. Почувствовав заминку, Гоу поднимает глаза.

– У вас всё в порядке?

– Да, все хорошо. Просто я с этим делом немного измотался. Наверное, слышали...

– Про пожар? На Саути-роуд?

На улице за окном двое студентов идут в сторону Нового колледжа^[81]. Закутанные в шарфы и пальто, они смеются, не обращая внимания на холод. На головах у них надеты вязаные шапочки с ушами и помпонами. Они подходят к уличному фонарю и останавливаются как по команде: молодой человек берет лицо девушки в свои руки и приподнимает его так, чтобы ее рот оказался напротив его. Красиво, как в ба- лете.

Гоу следит за моим взглядом и приподнимает брови.

– Лично для меня нет ничего страшнее, чем вновь оказаться двадцатилетним... Но мы заговорили о пожаре – вы его хотите обсудить?

– Кое-что здесь упорно не бьется. – Кивнув, я рассказываю ему все, что нам удалось узнать – об Эсмонде, о семье, об обвинении, о деньгах. Или об их отсутствии.

– А мне казалось, что в тот вечер его видели в Лондоне...

– Нам тоже. Но когда мы еще раз поговорили со свидетельницей, она дала задний ход и теперь не может точно подтвердить, что это был действительно он.

– Понимаю. То есть все это время вы искали совсем не там...

Он говорит это совершенно индифферентно, но меня его слова задевают. Может быть, потому, что полчаса назад Супер сказал мне то же самое почти теми же словами.

– И это точно поджог... – продолжает размышлять Гоу.

– Мы все еще ждем окончательного вердикта, но считаем, что это вполне рабочая теория.

– И вы уверены, что все члены семьи были живы в момент начала пожара?

Вопрос звучит несколько странно, но, если я прав, он не настолько нелогичен, как это может показаться.

– Мать и старший мальчик – абсолютно точно. Но патологоанатом не был столь категоричен при вскрытии младшего.

Гоу откидывается на спинку кресла:

– Мне надо знать гораздо больше об этом Эсмонде, прежде чем я смогу бы...

– И?..

– И я бы начал с гипотезы о деструктивной личности.

Именно это я и ожидал от него услышать. Все наконец встает на свои места. Это крутится у меня в голове вот уже несколько дней, но каждый раз, когда об этом задумываюсь, я не могу отбросить тот факт, что Эсмонд был в Лондоне. Телефон, свидетельница – все улики на его стороне. Правда, теперь мы знаем, что в Лондоне его не было.

– Теоретически он отвечает абсолютно всем критериям, – продолжает Гоу. – Даже слишком, если говорить начистоту. Высокообразован, успешен, очень неравнодушен к тому, как его воспринимают окружающие, – и вдруг совершенно неожиданно сталкивается с банкротством, или с обвинением, или еще с чем-то, что может повлечь за собой сильное понижение социального или профессионального уровня. А здесь еще и его сорокалетие... Вы не поверите, как эта цифра может повлиять на человека. Особенно на мужчину, чье самоуважение зависит от его статуса и успеха. Они начинают задаваться вопросом: «И что, это все, чего я достиг? Неужели все?» Побывал там-то, сделал то-то. Успел разочароваться в том-то... Самому факту убийства семьи обычно предшествуют серьезные изменения в поведении: человек в таком состоянии становится импульсивным, агрессивным, непредсказуемым, неразборчивым в сексуальных связях – именно то, что произошло с вашим клиентом...

– Хотя Эсмонд категорически отрицает это обвинение.

– Вот именно. Хотя он это и отрицает. Если послушать вас, то весь его

мир на грани катастрофы.

– Его мир. Но не мир его семьи. И даже если ему захотелось покончить счеты с жизнью, совсем не обязательно было убивать их.

– Некоторые из этих людей убеждают себя, что таким образом оказывают своей семье услугу. – Гоу пожимает плечами. – Спасают ее от публичного позора или потери привычного уровня жизни.

– А другие?

– У них могут быть довольно темные мотивы. Некоторые встают на позицию «если не моя, то вовсе ничья». Именно поэтому многие поджигают именно семейный дом – это для них как символический, так и реальный акт разрушения. Некий способ вновь взять под контроль ситуацию, которая контролю уже не поддается.

– Но каким образом они умудряются оправдывать подобные действия?

– А они их не оправдывают – по крайней мере, не в том смысле, о котором думаете вы. После того как принимается решение о самоубийстве, обычные человеческие правила перестают действовать. Даже если речь идет о столь глубоко укоренившемся табу, как убийство собственных детей.

– Но Эсмонд не убил себя. Насколько нам это известно.

– А может быть, вы просто еще не успели найти тело? – Брови Гоу лезут вверх.

Такой вариант не исключен. Вокруг леса, где трупы могут лежать месяцами.

– Но если он хотел разом со всем покончить, – продолжаю я со своими вопросами, – тогда зачем было выбирать такой сложный вариант убийства семьи и при этом не убить и себя заодно?

– Дело в том, – Гоу подносит чашку к губам, – что только около семидесяти процентов деструктивных личностей убивают сами себя. Не многим это известно. Некоторые из них пытаются, но либо терпят неудачу, либо у них в последний момент сдают нервы. Поищите в Сети Жан-Клода Романа^[82] – совершенно потрясающий случай; сейчас они собираются сделать о нем фильм...

– Но если они не умирают, то что же делают в дальнейшем?

– Убегают. – Гоу смотрит на меня сквозь очки. – Как правило. И если их ловят, то они заявляют о частичной невменяемости – каком-нибудь психологическом срыве или внезапном помрачении рас-судка.

Я хорошо помню, что у Эсмонда в юности уже был один случай диссоциативного поведения. Неужели Сомер была права, когда спрашивала меня, не может ли он повториться? Когда я рассказываю этот эпизод Гоу, тот кивает.

– Не исключу. По крайней мере, до того, как сам с ним не поговорю. Вполне может возникнуть какая-то посттравматическая реакция. Естественно, *после* самого происшествия.

– А до него? Не мог ли у него приключиться нервный срыв или помрачение рассудка, о которых вы только что говорили?

Гоу мрачнеет.

– Джек Левин, один из ведущих экспертов в этой области, говорил: «Убивая, они совершают акт возмездия. Такие убийства не бывают спонтанными». – Он допивает свой кофе. – Именно поэтому я и спросил, были ли жена и дети живы в момент начала пожара. Деструктивная личность никогда не рискует тем, что кто-то может остаться в живых. Это же относится и к актам сожжения – некоторые из них даже баррикадируются, дабы быть абсолютно уверенными, что пожарные не смогут до них добраться. И обычно они используют очень много горючих веществ. Классическая ситуация, когда все ставится с ног на голову.

И в этом он тоже не ошибается – Пол Ригби ищет именно эти следы.

Гоу вынимает телефон и начинает прокручивать экран.

– Я послал вам сноску. Возможно, вы и помните этот случай, но освежить некоторые детали не помешает. – Он кладет телефон на стол. – А есть результаты токсикологии?

– Жена сидела на антидепрессантах и пила. Мы очень надеемся, что она ничего не подозревала. А еще она была беременна.

– Ну, вот вам и еще одна соломинка на спину верблюда^[83]. – Гоу кивает. – Если, конечно, Эсмонд знал об этом. А эта история с Джордан и харрасментом могла сыграть роль спускового крючка. И после этого все покатило в пропасть уже со скоростью курьерского поезда.

Какое-то время мы молчим. Молодежь за окном возобновляет свой путь. Белое облачко их дыхания летит вслед за ними.

– Надо еще не забывать, – говорит Гоу, отодвигая пустую чашку, – что такие убийства обычно очень тщательно планируются, иногда в течение многих месяцев. Особенно если преступник ищет способ выбраться из создавшейся ситуации, а не положить ей конец. – Он начинает собирать вещи. – На вашем месте я бы повнимательнее присмотрелся к его финансам – проверил бы, не снимал ли он значительные суммы. Если да, то для меня это стало бы красным флагом – если он подумывал о новой и ничем не омраченной жизни, то вполне мог заначить наличность, прежде чем остались одни головешки. – Он смотрит на меня. – Ну, вы понимаете, это просто к слову пришлось.

– Бакстер уже их изучил. Пару недель назад Эсмонд снял две тысячи

наличными. Но их надолго не хватит...

– Не хватит на то, чтобы сделать себе новые документы и перегруппироваться? Только меня не спрашивайте – я простой психолог. А вот вы – детектив.

Туше€^[84].

– А что еще нам стоит поискать? Кроме него самого, конечно.

– Могут быть случаи домашнего насилия. Такого, что не бросается в глаза и о котором жена предпочла не заявлять. Но она могла поделиться с кем-то близким. С подругой, сестрой...

– Ее родители ничего об этом не говорили. Очевидно, что ее отец Эсмонда сильно недолюбливал, и я сомневаюсь, чтобы он молчал, если нечто подобное имело место быть.

– Тогда спросите мать. И в отсутствие отца.

Я мог бы и сам догадаться.

– Надо позвонить Эверетт. Она у нас на связи с семьей. Хотя, честно говоря, у меня такое впечатление, что Гиффорды хотят, чтобы мы держались от них подальше.

Гоу встает.

– Если что, я на связи.

* * *

Добравшись до дома, я сую замороженную еду в микроволновку, включаю компьютер на кухне и открываю ссылку, которую переслал мне Гоу. Это сюжет из «Преступлений, потрясших Британию»^[85]. Я позволяю себе улыбнуться – неудивительно, что Гоу столь прилежно изучает подобные шоу. Но он прав в том, что касается этого дела: прошло уже десять лет, но я его помню. Кристофер Фостер, миллионер из Шропшира, с особняком и гаражом, полным спортивных машин, конюшнями беговых лошадей и отличной коллекцией охотничьих ружей. Их-то он и использовал. Сначала на животных, а потом на жене и дочери. Передо мной леденящая душу съемка с камер наружного наблюдения, на которой он в три часа утра убивает своих лошадей, а потом таскает канистры с бензином, начав с фургона для перевозки лошадей, чтобы заблокировать подъездную аллею. Спокойная, целеустремленная фигура с лицом, лишенным всех черт из-за низкого качества съемки. Через несколько минут дом и надворные постройки вспыхивают, а Фостер лежит в своей постели,

все еще живой, и дожидается, когда пламя доберется до него.

Раздается сигнал таймера, и я вытаскиваю свою хилую лазанью. А потом вновь включаю видео. Интереснее всего смотреть на людей, которые знали Фостера лично. На его личного помощника, который характеризует его как человека, склонного к состязательности и полному контролю над окружающими. На его брата, рассказывающего о том, как Фостер издевался над ним в детстве. А потом в дело вступают психологи, которые начинают рассуждать, стал ли основной причиной произошедшего финансовый крах Фостера или во всем виновата его тайная жизнь, о которой не знала ни одна живая душа и которая вдруг оказалась под угрозой немедленного и полного разоблачения...

Потом звонят в дверь, и, открыв ее, я оказываюсь на мгновение ошарашенным: передо мной стоит человек в светоотражающем костюме, черных легинсах, велосипедной каске и с поясной сумкой. Выглядит он в точности как разносчик еды.

– Простите, но вы, по-видимому, ошиблись. Я ничего не заказывал.

– Инспектор Фаули? – обращается он ко мне. – Я Пол Ригби. Эксперт пожарно-спасательной службы.

– Черт... простите меня. Я вас не узнал.

– Надеюсь, вы не возражаете, что я явился без приглашения? Живу я всего в миле от вас, так что мне показалось, что так будет проще, чем по телефону.

– Ну конечно. – Я делаю шаг в сторону и открываю дверь. – Заходите.

Он переступает через порог и начинает вытирать ноги о коврик.

– Я ненадолго, – говорит Ригби. – Жены сегодня вечером нет дома, и мне надо возвращаться к детям. Но мы кое-что нашли, и я решил, что вы захотите это увидеть.

Я жестом приглашаю его на кухню и прохожу вслед за ним. Он отказывается от вина, но соглашается выпить безалкогольного пива, бутылка которого уже давно одиноко болтается в холодильнике.

Взглянув на экран ноутбука, Ригби видит изображение дома Фостера сразу же после пожара: провалившаяся крыша, само здание, продолжающее дымиться, и тент экспертов-криминалистов, натянутый над тем местом, где лежат тела погибших.

– Не похоже на Саути-роуд...

– Это дом Кристофера Фостера.

Очевидно, что в дальнейших объяснениях он не нуждается.

– Значит, мои люди не единственные, кто считает, что это дело рук кого-то из членов семьи, – Ригби кивает. – Вы тоже к этому пришли,

правда?

– Мы только что узнали, что Эсмонд в тот вечер вернулся в Оксфорд, – я протягиваю ему открывалку, – и времени на то, чтобы все поджечь, у него было более чем достаточно.

– А жена и дети спали в доме. – Это не вопрос, а констатация факта – Ригби давно в профессии.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – Я глубоко вздыхаю.

Он достает телефон из сумки и начинает что-то искать в альбоме.

– Мы нашли вот это.

Передо мной зажигалка. Почерневшая, как и всё в этом доме, но под слоем сажи видно, что она металлическая. Золотая.

– Если верить клейму, сделана в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году, – поясняет Ригби.

Я продолжаю вопросительно смотреть на него, и он кивает.

– Литое золото. Должно быть, стоит уйму денег.

– И где же вы ее нашли?

– В гостиной. Мы еще не расчистили все помещение, но я посчитал своим долгом сразу же сообщить вам об этой находке. Мы сами не знали, что это такое, пока не отчистили ее.

– Полагаю, что об отпечатках пальцев спрашивать глупо.

– Огонь об этом позаботился. – Он качает головой. – Но тут есть кое-что еще... – Ригби находит еще одно фото и протягивает мне телефон. На одной стороне зажигалки – гравировка:

Майклу в восемнадцатый день рождения. С любовью, от мамы и папы.

Я поднимаю глаза на Ригби, и он пожимает плечами.

– Естественно, что мы никогда не узнаем, где она находилась перед тем, как обрушился потолок. А могла она быть где угодно – на кофейном столике или в одной из верхних комнат...

– Но, будучи курильщиком, он должен был носить ее с собой, или нет?

– А вы как поступаете?

Конечно, ношу с собой. Это одна из тех вещей, которые я проверяю совершенно автоматически: ключи, телефон, зажигалка...

– Но ведь если он поджег дом, то не стал бы оставлять зажигалку, правильно? Он же должен был понимать, что рано или поздно мы ее найдем?

– Мне приходилось видеть нечто подобное. – Ригби качает головой. – Поджигатели всегда недооценивают, как неожиданно быстро вспыхивает горючее вещество. Похоже на внезапный удар – такой быстрый, что вы

роняете все, что у вас в руках. А уж если что-то уронили, то шансов поднять нет никаких. – На лице у него появляется гримаса. – Даже если это семейная реликвия.

* * *

– Это что же получается, – говорит Бакстер, – он сжигает свою старую жизнь и спокойно переходит к новой, на другом месте? И все так просто?

Идет утренняя пятиминутка, и я только что потратил полчаса времени, чтобы рассказать всем о том, что мне поведал Гоу и что обнаружил Ригби.

– Как хотите, но я с этим никогда не соглашусь, – говорит Куинн. – Если Эсмонд хотел начать все сначала, то ему нужны были деньги. *Много* денег. Ладно, он снял две штуки наличными, но этого ему никак не хватило бы. *Ни под каким видом.* И зачем было затевать поджог именно в тот день, когда машина в сервисе?

– Он все равно не воспользовался бы своей машиной. – Эверетт качает головой. – Слишком легко обнаружить.

В последовавшей за этим тишине Гислингхэм берет маркер и подходит к доске, на которую записывает новые данные. Новые гипотезы и новые вопросы, на которые нам предстоит ответить. Когда он пишет слово «Бегство» и ставит возле него знак вопроса, в тишине раздается голос Сомер:

– Для того, чтобы начать все сначала, вовсе не нужно убивать свою семью.

– Не нужно. – Я смотрю прямо на нее. – Но у нас у всех перед глазами стоит человек, находящийся в состоянии тяжелого стресса. Не забывайте, один раз он уже убежал.

– Правда, тогда ему не пришлось сжигать собственных детей, – ледяным тоном негромко замечает Эверетт.

– Масса мужчин, которые думают, что хотят изменить жизнь, в действительности хотят поменять *жену*... – начинает Сомер.

– Это правда, – прерывает ее Гислингхэм. – Большинство парней не хотят жить сами по себе – они просто не знают, как это делается...

– А вы, сержант, уже поняли, как пользоваться стиральной машиной? – раздается голос из заднего ряда, и все смеются.

Гислингхэм ухмыляется и на мгновение становится похож на старого Гиса.

– Я даже знаю, для чего существует режим деликатной стирки. Так что

не надо...

Я жду, пока все затихнут.

– У нас нет никаких данных, которые говорили бы о том, что у Эсмонда была подруга.

– А этот «Гарри»? – Эв выразительно смотрит на меня. – Это ведь мы сами решили, что он водопроводчик или что-то в этом роде...

– Не похоже, – подает голос Бакстер. – Слишком уж часто звонил ему Эсмонд.

– ...Но он ведь мог быть и любовником. Что, если Эсмонд был голубым?

– И все это время играл на публике роль счастливого мужа? – Куинн складывает руки на груди. В его голосе я слышу сомнение.

– Это ведь нельзя исключить полностью, не так ли? – Эв пожимает плечами.

– Был же с ним этот случай в школе, – негромко говорит Сомер. – Его брат решил, что это были подростковые эксперименты, но вдруг он ошибся? Что, если это осталось у Эсмонда на всю жизнь? И только теперь оно наконец вырвалось наружу?

– А есть еще какие-то следы его общения с Гарри? – спрашиваю я. – В социальных сетях? По электронной почте?

– Я все еще жду доступа к его рабочему аккаунту, – говорит Бакстер, – но, мне кажется, там мы ничего не найдем. Особенно если то, что сказала Эв, имело место.

– А что с его личным аккаунтом?

– Я все еще не могу обойти пароль, босс. – Бакстер слегка краснеет. – Простите, но это не было в приоритете...

– Считай, что теперь стало.

– Уже делается, – Бакстер кивает.

Я поворачиваюсь к сидящим в комнате:

– Если Майкл Эсмонд все еще в Оксфорде – и неважно, с «Гарри» или без него, – то где он может быть? А если его здесь нет, то куда он мог уехать? Кредитками он не пользовался – значит, расплачивается наличными.

– То есть две штуки все-таки не помешали, – говорит Эв, мрачно кивая Куинну.

– Мы начнем искать на поездах и в автобусах, – говорит Гислингхэм. – То есть, я хотел сказать, начнет детектив-констебль Куинн.

Последний закатывает глаза, но я притворяюсь, что не замечаю этого.

– И еще, Эв, переговоры с миссис Гиффорд еще раз, ладно? Надо

проверить, прав ли был Гоу, когда говорил о домашнем насилии. Если Саманта кому-то и говорила об этом, то это вполне могла быть ее мать... О'кей, пока это все. – Я оглядываю комнату. – И пока все новости об Эсмонде должны остаться в пределах этой комнаты, договорились? Я не хочу, чтобы они утекли до того, как мы будем готовы сделать официальное заявление, – смотрю на Эверетт. – Гиффордов это тоже касается. По крайней мере, на сегодняшний день.

– Понятно, босс, – кивает она в ответ.

Раздается телефонный звонок – Асанти снимает трубку, а потом смотрит на меня.

– Сообщение для вас, сэр. Вас и детектива-сержанта ждут. На Саутироуд.

* * *

Запись телефонного разговора с Лорой Гиффорд, 18 января 2018 г., 11:15.

Разговор провела детектив-констебль В. Эверетт.

В.Э.: Мне очень жаль, миссис Гиффорд, что приходится вновь вас беспокоить. Я понимаю, в каком состоянии вы сейчас находитесь...

Л.Г.: Не знаю, что бы я делала без Грега. Никак не могу все это осмыслить. К этому же невозможно подготовиться, правда? К тому, что будешь присутствовать на похоронах собственного ребенка. Я уже не говорю о внуках... Вы с Грегом хотите поговорить?

Э.В.: Знаете, честно сказать, я надеялась застать вас одну. Знаю, как вам сейчас тяжело говорить об этом, но большинство дочерей делятся своими секретами с мамами...

Л.Г.: Простите, я не понимаю, о чем вы.

Э.В.: Семейная жизнь вашей дочери была счастливой? Некоторые слова, ваши и вашего мужа, заставили меня задуматься, не было ли в ней сложностей...

Л.Г.: Не больше, чем в жизни других людей. Майкл был очень любящим супругом и отличным отцом. Понимаю, что, когда мы говорили с вами раньше, Грег был немного резок, но вы же знаете, как могут вести себя отцы, когда дело касается их «маленьких девочек»...

В.Э.: А Саманта никогда не упоминала ничего, что могло бы свидетельствовать о том, что Майкл... простите меня, мне тяжело

спрашивать вас об этом...

Л.Г.: Оскорблял ее? Бил? Вы это имеете в виду? Ни словечка – а откуда у вас взялись подобные мысли?

В.Э.: Честное слово, миссис Эверетт, я не хотела вас расстраивать... Но домашнее насилие – это не единственное, что может указывать на проблемы в семье. Как вы считаете, может быть, Майкл был излишне деспотичным? Саманта не упоминала о том, что он диктует ей, как она должна себя вести?

Л.Г.: Конечно, нет. Вы, ребята, все одним миром мазаны – всюду суете свой нос в поисках несуществующих проблем.

В.Э.: Мистер Эсмонд все еще не объявился, миссис Гиффорд. Мы просто пытаемся исключить его из нашего списка подозреваемых – уверена, что вы нас поймете...

Л.Г.: Нет, я вас не понимаю. Почему бы вам всерьез не заняться поисками того, кто все это совершил? Вот что я хотела бы знать. Моя дочь мертва, мои внуки мертвы – а вы все еще не знаете, кто за это в ответе...

В.Э.: Миссис Гиффорд...

Линия разъединяется

* * *

Когда Гис паркуется на Саути-роуд, вокруг никого нет, за исключением пожилого мужчины в твидовом пальто, идущего мимо, и женщины, толкающей перед собой коляску с крохотным блондинистым мальчиком. На нем бейсболка с надписью «Антигерой» на лбу. Должно быть, он одного возраста с Захарией Эсмондом. На улице моросит дождь, и я поднимаю воротник куртки, пока тащусь по щебенке вслед за Гислингхэмом. Дом выглядит еще хуже, чем в последний раз, когда я здесь был. Теперь все окна в темных потеках и похожи на глаза плачущего клоуна. В горле ощущается влажная сажа.

Через горы мусора к нам пробирается Ригби. Каждый его шаг сопровождается хрустом щебенки.

– Простите, что вытащил вас сюда, но, думаю, вы меня еще благодарить будете. – Он протягивает нам каски. – Без этого на площадку нельзя. – Ригби ждет, пока мы их наденем. – Прошу сюда...

Пройти в здание можно только через задний вход, и мы пробираемся в гостиную по полу, засыпанному пеплом, мусором и кусками штукатурки.

То здесь, то там видны куски брезента, которыми они закрыли те последние секции, которые еще не успели разобрать. Ригби останавливается и нагибается, указывая на какие-то следы на обуглившимся досках.

– Видите? Эти пятна. Если знаешь, что искать, то их можно увидеть повсюду. Это место было просто залито им.

– Бензином? – уточняет Гислингхэм, делая пометки в блокноте.

– Почти наверняка. – Ригби кивает. – Мы послали образцы в лабораторию, чтобы проверить, не соответствует ли он тому, что в сенокосилке. Емкость мы тоже нашли. Сомневаюсь, чтобы на ней остались какие-нибудь следы, особенно принимая во внимание ее теперешнее состояние, но попробовать все равно стоит. – Пожарный выпрямляется. – Судя по пятнам, поджигатель сначала стоял в центре комнаты, а потом стал пятиться к двери, поливая бензином направо и налево. – Ригби пытается изобразить, как он это делал, и машет руками из стороны в сторону, отступая назад. – А вот здесь он остановился.

– А это откуда известно? – Гис хмурится.

Ригби рукой указывает на брезент у ног, а потом нагибается и поднимает его. Под ним видна тяжелая балка и то, что осталось от зеркала в викторианском стиле, стекло которого все еще поблескивает сквозь слой сажи. На меня смотрит мое изображение, разбитое на десятки фрагментов.

Но это не единственное лицо, которое я вижу.

* * *

Сайт газеты «Оксфорд мейл»

Четверг, 18 января 2018 г. Последнее обновление в 13:11

Срочные новости относительно пожара в Оксфорде:
Эксперты находят четвертую жертву

Шокирующий поворот событий – предполагается, что пожарные эксперты на Саути-роуд нашли четвертую жертву в выгоревшем эдвардианском особняке. Соседи видели катафалк и мешок с телом, который переносили на носилках. Эксперты работают на месте пожара с 4 января, с того самого момента, как ранним утром пламя было погашено, и все это время они с величайшей осторожностью разбирали руины одной из обвалившихся частей дома в поисках улик, которые могли бы указать на возможную причину пожара. В огне погибла миссис

Саманта Эсмонд и ее младший сын, Захария, 3 лет. Ее старший сын, Мэтти, 10 лет, позже скончался в реанимации детского отделения больницы Джона Рэдклиффа от полученных травм.

Сейчас настойчиво высказываются предположения, что четвертая найденная жертва – это Майкл Эсмонд, 40 лет, научный сотрудник факультета антропологии университета, которого последний раз видели еще до начала пожара и который не явился в полицию, несмотря на публичный призыв сделать это.

Те, кто знаком с процедурой проведения осмотра места пожара, предполагают, что, если судить по тому времени, которое потребовалось, чтобы обнаружить тело, оно было найдено на полу в гостиной на первом этаже.

Предполагается, что само возгорание тоже произошло в этой части дома.

Полиция долины Темзы до сих пор отказывается делать официальное заявление.

Представители университета на Веллингтон-сквер также отказались от комментариев.

Миллионные инвестиции в дороги Оксфордшира:

В течение следующих пяти лет правительство планирует инвестировать значительную сумму в дорожную структуру.../ *читать дальше.*

Жительница Хедингтона отмечает свой 100-й день рождения.

Друзья и родственники собрались вместе, чтобы отпраздновать столетний юбилей Хестер Айнсворт, проживающей в Карберри-Клоуз в Хедингтоне.../ *читать дальше*

В местных школах начался сбор денег для «Спорт релиф»¹.

Несколько местных школ и колледжей планируют проведение специальных мероприятий для сбора средств в пользу «Спорт релиф» .../ *читать дальше*

670 комментариев

WittenhamWendy66

Я пропустила что-то совершенно очевидное, или они действительно считают, что это сделал отец – поджег собственный дом с детьми, спящими наверху? В это невозможно поверить – это каким надо быть монстром, чтобы сотворить подобное с собственными детьми?

Turner_Rolland

Таких называют «истребитель семьи»; если бы вы посмотрели по ящику столько же американской байды, сколько посмотрела моя жена, то вы бы всё о них знали

Metaxa88

Об этом есть хорошая статья на основе исследований, проведенных в Университете Бирмингема. Из нее следует, что существуют четыре типа: «фарисеи» – это те, кто проходит через развод, обвиняют во всех бедах мать и после развода звонят ей, чтобы рассказать, что они с ней сделают (очень мило); «разочарованные» – те, кто думает, что все их предали; «параноики» – те, кто считает, что им кто-то угрожает, и, наконец, «аномики» (я тоже не знаю, что это значит) – то есть те люди, которые рассматривают свою семью как символ успеха, а потом неожиданно все вокруг них начинает сыпаться, или они могут стать банкротами – вот ссылка <http://www.wired.co.uk/article/family-killers>

AndEveSpan1985

И все они мужчины. Вот что удивительно.

* * *

– Если бы я знал, что ты приведешь с собой всю поисковую бригаду, – говорит Бодди, поглядывая сначала на галерею для зрителей^[86], а потом на меня, – я бы стал продавать входные билеты.

Я бы мог ответить ему что-то мрачно-ироническое, но в настоящий момент все мои силы брошены на то, чтобы не блевануть в присутствии подчиненных. Мне надо было бы сообразить это и остаться вместе с ними на галерее, но иногда положение лидера обязывает...

Обуглившееся тело, лежащее передо мной на столе, антрацитового

цвета, но в некоторых местах на нем виднеются клочья кожи, свисающие с него, как шкурка с очищенного фрукта. А еще можно увидеть бледно-зеленую кость черепа и желтоватые кольца кишок.

– Как видно, – глухо звучит голос Бодди из-под маски, – кадавр находится в классической позе кулачного бойца, характерной для жертв пожаров. Согнутая спина, сжатые кулаки, поднятые к подбородку колени и так далее. – Он смотрит на галерею и повышает голос: – Для неофитов, находящихся среди вас, повторяю, что он не боксировал с Костлявой. Высочайшая температура заставляет белок в мускулах свертываться и сокращаться, что и приводит к подобной боевой стойке.

Бодди подходит к голове трупа.

– Могу подтвердить, что это труп мужчины, но не смогу точно определить рост и вес из-за того, что под воздействием огня фигура значительно съезжилась. Кроме того, с таким уровнем обугливания я сомневаюсь, что мне удастся обнаружить какие-то достойные упоминания внешние особенности. За исключением, может быть, вот этого. – И он указывает на одну из сжатых кистей. – Как уже успели заметить наиболее наблюдательные из вас, на пятом пальце левой руки имеется кольцо. – Он вновь поднимает глаза на сидящих наверху. – По терминологии детектива-сержанта Гислингхэма, кольцо надето на «мизинчик».

Я не слышу, как они смеются, но вижу улыбки на их лицах. Эв толкает локтем Гиса, которому удастся сохранить на лице ухмылку.

– Будем надеяться, что Алан Чаллоу сможет прочитать на нем что-то интересное, – продолжает Бодди, наклоняясь над черепом, – потому что, как я вижу, наш друг лишился большей части своих зубов.

– Ему на голову свалилась одна из балок, – объясняю я сквозь сжатые зубы.

– Это видно, – сухо отвечает Бодди. – Как не повезло! Боюсь, что разрушения слишком велики, чтобы надеяться на надежную идентификацию с помощью данных дантистов. Тем не менее я, естественно, проведу необходимое рентгеновское исследование, чтобы посмотреть, нет ли у погибшего сросшихся костей, которые могли бы облегчить опознание; но лучше все-таки надеяться на тест ДНК.

Я киваю.

Бодди, вновь склонившись, смотрит на череп под разными ракурсами.

– Интересно... Подозреваю, что в левой лобной части у нас может быть серьезное повреждение. – Он вновь повышает голос: – Для тех, кто сидит на дешевых местах^[87], напоминаю, что кости часто ломаются под воздействием температуры, что во время вскрытия затрудняет отнесение

имеющихся травм к периоду до или после пожара. Многие вполне компетентные специалисты в таких случаях несут полную хрень.

– Вы хотите сказать, что его мог кто-то ударить?

– Я не говорю, что это *невозможно*. Так же как вполне возможно и то, что он ударился, потеряв ориентацию в пламени. – Бодди берет в руки скальпель. – Итак, приступим?

В тот момент, когда лезвие режется в обугленное тело, я поднимаю глаза вверх и вижу, что большинство сотрудников или отвернулись, или вдруг заинтересовались содержимым своих смартфонов. За исключением детектива-констебля Асанти, который продолжает прилежно записывать слова патологоана- тома.

* * *

ОБСЛЕДОВАНИЕ МЕСТА ПОЖАРА – РАСКОПКИ

ПОСЛЕ ЗАПОЛНЕНИЯ – ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Предварительные наброски отчета

№ в пожар-но-спасательном реестре	87/1434	Дата происшествия:	4/1/2018	Время первого звонка о происшествии	00:47
Адрес:	Саути-роуд, 23, Оксфорд OX2				
Назначение помещения	Жилой дом				
Имя владельца:	Майкл Эмонд				

Ответственный за проведение экспертизы

Имя:	Начальник смены Пол Ризби	Служебный № (СН):	667	ПСС:	Оксфорд-шир
------	---------------------------	-------------------	-----	------	-------------

ОБЗОР ПРОИСШЕСТВИЯ / КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Дата/время ФИО пожарных	00:52 4/1/2018		Дата/время Прибытия пожарных	01:15 4/1/2018	
Оцепление	У	Да	Оцепление осуществлялось	✓	ПСС
		Нет			Полиция
Охрана места происшествия	У	ПСС	Регистрация в журнале происшествий полиции:		
	У	Полиция			
Руководитель тушения пожара (ПСС)	Начальник пожарной части Г. Лёве				

Представитель полиции	Детектив-сержант К. Гислингхэм	Причина вызова	Жертвы/вероятность пожара
Полицейский судмедэксперт	А. Чаллоу	Место работы	Участок Сент-Олдейт
Используемая техника	Пожарные машины из Оксфорда Пожарные машины из Слейда	Номера и время прибытия	2/P1 в 00:55 2/P2 в 01:01 3/P1 в 01:15 3/P2 в 01:30

Основные свидетели — до прибытия пожарно-спасательной службы			
Имя человека, обнаружившего огонь	Миссис Беверли Дрейнер	Адрес	Саути-роуд, 21, Оксфорд OX2
Контактный телефон	01865003425	Как был обнаружен пожар	Был виден из окна
Звуки пожарной сигнализации	Нет	Время	00:45 ночи
Кто звонил в ПСС	Миссис Дрейнер	Предпринимались ли попытки тушения до прибытия ПСС	Нет

ОПИСАНИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

В звонке на номер 999 из соседнего дома сообщалось, что в помещении могут находиться четыре человека, включая двух детей. По прибытии первой машины на место происшествия обнаружилось, что из окон второго и третьего этажей правого крыла дома идет дым, а в окнах первого этажа видно пламя. Начальник пожарной части Лёве приказал своей команде развернуть пожарный рукав, а пожарным Флетчеру (СН 354), Жансу (СН 143), Джонсу (СН 176) и Уайтсу (СН 233) — приготовить дыхательное оборудование. Эти пожарные немедленно поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в помещение через окно. Захария Эсмонд был обнаружен Флетчером (СН 345) в комнате, которую определили как детскую, немедленно вынесен из нее и передан в руки парамедиков. Вскоре после этого на первом этаже возле лестницы был обнаружен Мэттью Эсмонд. Захария Эсмонда объявили мертвым прямо на месте происшествия. Сотрудники «Скорой помощи» оказали первую помощь Мэттью Эсмонду, прежде чем перевезти его в палату интенсивной терапии детского отделения больницы Джона Рэдклиффа. В это время на первый этаж здания, для борьбы с огнем, проникли дополнительные пожарные. Проход был возможен только через левое крыло (кухню), так как холл и центральный вход были заблокированы сильным огнем.

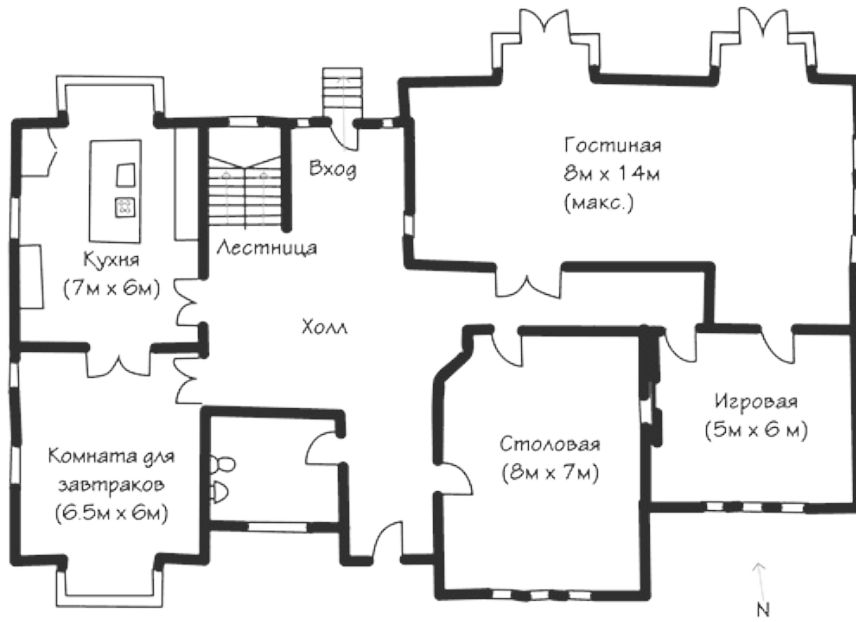
В 01.15 утра начальник смены Ригби был назначен ответственным за экспертизу места происшествия (ОЗЭ). В 2.45 утра начальник участка Лёве сообщил следующее: «Сильное пламя в задней части первого этажа правого крыла здания привело к обрушению верхних этажей. Остальная часть здания повреждена огнем и задымлена. Один ребенок погиб, второй получил ранения. Одному из пожарных, пострадавших от попадания в легкие продуктов горения, оказана медицинская помощь на месте. В тушении пожара приняли участие восемь пожарных с СИЗОД, четыре раздвижные лестницы, один брандспойт и один вентилятор, применявшийся по мере необходимости. Происшествие имеет категорию «Опасное» и не может быть закрыто, так как причина возгорания неизвестна — эксперты продолжают сбор улик.

Информация о пострадавших/умерших		
ФИО	Возраст	Повреждения / Помощь, оказанная на месте / Помощь (или обследование) в больнице
Захария Эмонд	3	Смерть
Мэтью Эмонд	10	Различные травмы. Госпитализирован в больницу Джона Рэдклиффа. Впоследствии скончался

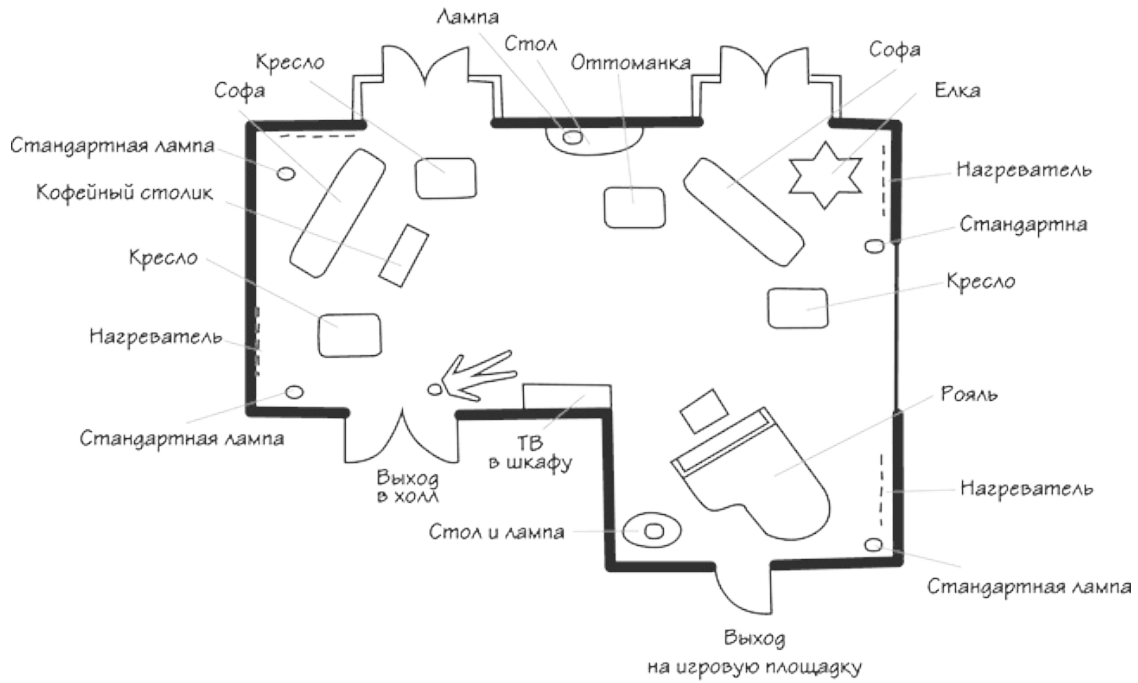
ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ ЗДАНИЯ И СВЕДЕНИЯ О ЖИЛЬЦАХ			
Тип строения	Дом для проживания одной семьи	Как используется здание	По назначению
Стены внешние	Кирпич	Крыша	Черепица, битум
Стены внутренние	Кирпич		
Этажность	3	Дата постройки	1909
Жильцы во время пожара	✓	Да	Кто и сколько? Во время пожара обнаружены двое детей, один из них мертвый. Во время раскопок обнаружены тела двух взрослых

Образ жизни жильцов	Наличие признаков:	Детали:
	<p>✓ <u> </u> Курящие</p> <p><u> </u> Некурящие</p> <p>✓ <u> </u> Потребление алкоголя</p> <p><u> </u> Потребление наркотиков</p>	
Адреса /Жители, известные полиции		Нет сведений

Внутренний осмотр: поэтажные планы – (не в масштабе)

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ

Гостиная (не в масштабе)

ОБСЛЕДОВАНИЕ МЕСТА ПОЖАРА — РАСКОПКИ

Дата и время начала

Дата и время окончания

В присутствии
(список)

■ ОЗЭ

Пол Ризби

■ Эксперты на месте преступления

М. Пиче, Д. Тамгер (ПСС),
К. Конвей (ПДТ)

ОПИСАНИЕ РАСКОПОК

Раскопки начались приблизительно через 32 часа после того, как месту происшествия была присвоена категория «Безопасное». В правой половине дома обвалились два этажа, что потребовало осторожного перемещения мусора и обломков строительных материалов, для того чтобы сохранить вещественные улики. Останки миссис Салманты Эмонд были обнаружены приблизительно в 16:30 5 января 2018 г. По положению тела можно предположить, что она находилась в одной из маленьких спален наверху (3-й этаж) непосредственно над очагом возгорания. Утром 18 января 2018 г. в гостиной было обнаружено тело мужчины (см. поэтажный план). Тело обгорело настолько сильно, что его невозможно было идентифицировать на месте. Дальнейшие раскопки и осмотр этой комнаты показали наличие в ней горючего вещества и зажигалки, принадлежавшей мистеру Майклу Эмонду. Следы распространения огня на полу и состояние мебели, оставшейся в комнате, указывают на то, что горючее вещество было разлито одним человеком, который двигался через комнату в сторону двери в холл. Определить, почему человек, чье тело было найдено в гостиной, не смог спастись от огня, не представилось возможным. Когда была обнаружена дверь главного входа, на ней не было видно никаких следов взлома. Признаков взлома не обнаружено и в других помещениях дома.

Каким образом распространился огонь

Возгорание

Возгорание началось после намеренного поджога бензина, разлитого по полу, ковру и мебели, расположенной в гостиной на первом этаже

Распространение

Из-за легковоспламеняющихся материалов, из которых был сделан ковер, и высохшей рождественской ели пламя распространилось мгновенно и быстро набрало силу. Оно захватило первый этаж и лестницу, при этом рождественские гирлянды на деревянных перилах лестницы только усилили его.

Детекторы дыма в доме отсутствовали.

ПОДПИСАНО: Пол Дж. Ризби

ДАТА: 18.01.2018

КОПИИ:

Суперинтенданту Дж. Харрисону,
Полиция долины Темзы
Инспектору А. Фаули

Бакстер – единственный из команды, кто не присутствовал на вскрытии, но у него есть на то уважительная причина.

– Я взломал пароль, босс, – сообщает он сразу же, как только я появляюсь в ситуационной комнате. – Тот, который для электронной почты. И тот, который для домашнего компьютера, – тоже.

У меня за спиной раздаются восторженные крики, Бакстер краснеет, но я вижу, что он гордится собой.

– Я обратился к компьютерщикам с факультета антропологии, и они в конце концов дали мне пароль, который он использовал для электронной почты в университете – *Xfile9781*. Пароль для его частного аккаунта оказался вариацией тех же букв и цифр.

– Так он что, любитель научной фантастики?^[88] – спрашивает один из констеблей.

– Скорее он любитель Джиллиан Андерсон, – отвечает ему другой, слегка подтолкнув локтем. – А разве это не относится ко всем нам?

– Совсем неплохо, ребята. – Бакстер улыбается. – Но речь здесь идет об анаграмме. Иксфайл – это анаграмма имени Феликс^[89]. Так называется дом.

– А цифры? – спрашиваю я.

– Скорее всего, это относится к семьдесят восьмому году, – объясняет Бакстер. – Год рождения. Как и у него в телефоне.

Эсмонд и дом. Навеки связанные вместе. Иногда пароли могут рассказать очень многое.

– Плохо то, – продолжает Бакстер, – что в его личной почте тоже ничего нет. Никаких следов рискованных связей, будь то с женщинами или с мужчи- нами.

– И никаких писем Гарри? Вообще никаких?

– Никаких. – Бакстер качает головой. – Такое впечатление, что он использовал почту в основном для покупок на «Амазоне» и заказов еды в «Теско».

Боже, этот человек скучен, как церковная проповедь... В его жизни нет ничего интересного, кроме ухода из нее.

Но Бакстер еще не закончил:

– Я просмотрел все его старые пароли, и оказалось, что все они вариации на тему Феликса и семьдесят восьмого года. Хотя впервые он установил пароль в домашнем компьютере только в ноябре. А сменил его в последний раз второго января. Судя по времени, как раз перед тем, как выйти из дома.

Навстречу разговору с Джордан, конференции в Лондоне и – как нам теперь известно – на встречу с кем-то или с чем-то в Брайтоне.

– И какой же там пароль сейчас?

– *Xlife9718* – как исключенный из жизни. То есть мертвый.

Может быть, это простое совпадение. Но вы, я думаю, давно поняли, что в совпадения я не верю.

* * *

29 октября 2017 года, 14:48

67 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– Всё в порядке?

На пороге кабинета стоит Сэм. Видно, как у нее за спиной ветер треплет голые ветви деревьев. Одна из них трется по крыше и издает звук ненастроенной скрипки.

– Счет из дома для престарелых. – Майкл, нахмурившись, поворачивается к ней.

Сэм входит в комнату, останавливается у него за плечом и смотрит на экран.

– И все это – дополнительные услуги, – говорит Майкл. – Стрижка, педикюр, проверка зрения... Когда это только закончится?

– Может быть, нам стоит подумать о более дешевом заведении? – робко предлагает Сэм. – Филипп ска- зал...

– И что же сказал Филипп?

– Только то, что ей будет хорошо в любом месте, где ее станут нормально кормить и где ей будет тепло. – Женщина краснеет. – Ведь она все равно не понимает, где находится.

Сэм ожидает его бурной реакции, но Майкл просто сидит перед компьютером и смотрит на экран.

– Я знаю, что она там уже привыкла, но если возникает такая проблема...

Ее муж откидывается в кресле. Под глазами у него темные круги. Неожиданно она задумывается, высыпается ли он.

– На этот месяц денег у нас хватит, а вот на следующий...

Он поднимает на нее глаза. Сэм прикусывает губу.

– Я как раз собиралась тебе сказать...

– Что ты собиралась мне сказать?

– Я сняла немного денег со счета. Прости. Надо было тебя предупредить.

– И сколько же? – Майкл опять хмурится.

– Две тысячи фунтов. – Ее щеки становятся пунцовыми.

– Но зачем тебе понадобились такие деньги? – Муж не отводит от нее взгляда.

– Не мне. Я их одолжила. И получу их назад.

– Одолжила? И кому же, черт возьми? Уверен, что твои родители...

– Речь не о родителях. О Гарри. Деньги я одолжила ему.

– Гарри?

– У него болеет мама, и он отправляет деньги ей.

– И что, надо было давать ему такую большую сумму?

– Прости, Майкл, я не думала, что это какая-то проблема, то есть ты

никогда не говорил мне... И я же не вижу отчетов из банка...

– Это все потому, что я не хочу, чтобы ты волновалась.

У нее внутри все переворачивается. На него так много всего навалилось... И не только мама, но и работа, и эта книга, которую, она это знает, он задерживает уже больше чем на полгода.

Сэм обнимает его за плечи и чувствует, как они напряжены. Она ощущает его пульс.

– Прощу тебя, не волнуйся. Он сказал, что все обязательно вернет до конца месяца. Так что мы получим их как раз к Рождеству. Он обещал мне.

* * *

– Босс? Мне кажется, вам надо это увидеть.

Это Бакстер. Я и не знал, что он все еще здесь. Сам я уже собираюсь уходить, но он явно нашел что-то еще. Хотя видно, что это не доставляет ему никакого удовольствия.

– В чем дело?

– Компьютер Эсмонда.

В комнате никого нет, и я решаю не комментировать пакет чипсов и батончики «Марс» у него на столе.

Бакстер садится перед компьютером. Тот не нов, и, судя по царапинам на экране, им активно пользовались. Видны два стикера – один, выцветший синий, сообщает о «Лучшем в Мире Папе», а на втором можно прочитать название сервисной компании: «Честное и реальное решение всех проблем с вашим компьютером».

Бакстер открывает страницу на «Ютьюбе».

– Я нашел это в истории его поисков, – негромко говорит он. – Нажмите воспроизведение.

Звуковая дорожка – тяжелое диско, а сам фильм – обыкновенное домашнее видео с титрами, написанными примитивным шрифтом, и резкими переходами от одного эпизода к другому. Но своей цели оно все равно достигает:

5 мегакрутых способов зажечь огонь!

Растопки, сделанные из спичек, реле времени с использованием салютных предохранителей, воздушные шары, наполненные бензином и подвешенные над свечой. Крупный план рук, как будто из какого-то

извращенного шоу «Голубой Питер»^[90], и жизнерадостный голос с американским акцентом, дающий якобы полезные советы: «Будьте осторожны, ребята, – стоит перелить бензина, и ваша свечка может погаснуть навсегда!» После чего три смайлика исчезают в пламени, а мы переходим к следующему «крутому способу».

И только сейчас я понимаю, что музыка, звучащая на заднем плане, – это песня «Гори, гори, детка!»

– Боже!

– Понимаю, – говорит Бакстер с гримасой на лице.

– И что, Эсмонд действительно просматривал это?

– В ноябре. – Бакстер кивает. – Если точно, то четвертого числа.

Я отгалкиваю от себя клавиатуру. Стикер никуда не делся.

«Лучший Папа в Мире!»

* * *

– Потребовалось время, чтобы его отчистить, но оно в достаточно приличном состоянии, принимая во внимание все обстоятельства. – Алан Чаллоу протягивает мне пластиковый пакет для вещественных доказательств и увеличительное стекло. – Посмотри...

Кольцо сделано из серебра или, может быть, из белого золота, с гладким темно-синим возвышением в центре. Сейчас оно всё исцарапано, но надпись на эмали просматривается хорошо: два переплетенных между собой инициала. М. и Э.

– Мне кажется, что сомнений больше нет, а тебе?

– Покажу его брату. – Я поднимаю на него глаза. – Если это кольцо Эсмонда, то он должен был его видеть.

– Хорошая мысль. – Чаллоу кивает. – Больше того, ты можешь сделать это прямо сейчас. Он как раз здесь – ждет, когда у него возьмут соскоб.

* * *

На исходе третьего дня Куинн уже готов поставить крест на своей затее с Брайтоном. Констебль Кумар с трудом выкраивает время, чтобы отсмотреть записи, а Гарет вовсе не жаждет стать его добровольным помощником. Но, вернувшись после ланча, он находит на своем компьютере приклеенную записку: «Звонил Кумар. Прислал сообщение на почту». Куинн садится за стол и открывает компьютер. Запись длится всего тридцать пять секунд, и ее нельзя назвать идеальной. Качество очень низкое, а лицо мужчины полускрыто зонтиком, но сумка для ноутбука однозначно та же самая, которая была у Эсмонда, когда он выходил из вокзала в Брайтоне. Куинн берет за телефон.

– Кумар? Куинн. Ты думаешь, это наш клиент?

– Время совпадает. Именно столько он мог бы пройти, если бы двигался с нормальной скоростью.

– Ну, и где же он – и куда направляется? Есть какие-нибудь мысли?

Он слышит, как Кумар выдыхает.

– Не самый простой вопрос. Это запись с камеры, установленной на магазине в жилом районе в северо-западной части города. А вот куда он направляется... Честно говоря, он может направляться куда угодно. Я проверил – на этой дороге на расстоянии пары миль больше камер нет. И на других тоже...

Куинн громко вздыхает.

– Послушайте, я попытаюсь выяснить еще что-то, но, боюсь, моя удача на этом закончилась.

«И не только твоя», – думает Куинн.

* * *

– Где вы это нашли? – Филипп Эсмонд смотрит на печатку, которая лежит у меня на ладони. Он очень бледен. – На теле, так? На том, о котором говорили в новостях?

– Боюсь, что вы правы.

– Значит, он умер. – Филипп делает глотательное движение. – Мой брат умер...

– Принести вам воды? Для вас это, должно быть, настоящий удар.

Он качает головой. В глазах у него стоят слезы.

– Понимаете, я ждал чего-то подобного. Особенно после новостей, но... – Его голос прерывается, и он отворачивается.

Я его понимаю. Одно дело подозревать, и совсем другое – знать наверняка. Обычно хватаешься за любую, даже самую эфемерную надежду, потому что, кроме нее, у тебя ничего нет.

– Значит, он убил их... Действительно убил. А потом и себя...

Я всем сердцем сочувствую ему:

– Мне очень жаль. Но вы правы, похоже на то, что именно так все и произошло.

И, как подтвердило вскрытие, он был еще жив, когда начался пожар. Но я не собираюсь говорить об этом его брату. С него и так достаточно.

– Прошу прощения, что возвращаюсь к этому, но нам все-таки нужен образец вашей ДНК. Для полной уверенности. Вы сможете его сдать? Это простой мазок во рту.

– Конечно. Без проблем. – Филипп смаргивает слезы и встает со стула. – Думаю, что теперь мне остается лишь достойно похоронить его.

– Уверен, что коронер сделает все, что в ее силах, чтобы ускорить рассмотрение дела. Хотя... – Тут я останавливаюсь, не уверенный, как сказать ему об этом. – Вам надо бы подумать – где... Я имею в виду – где хоронить? Не уверен, что Гиффорды согласятся...

– ...на то, чтобы Майкл лежал рядом с их дочерью и внуками, которых он убил? Не волнуйтесь, я не собираюсь никому усложнять жизнь. – Он неловко протягивает мне руку. – Спасибо. За все, что вы сделали.

– Это моя работа. Я прослежу за тем, чтобы кольцо вернули вам как можно скорее.

– Еще раз спасибо. Буду очень признателен.

* * *

4 ноября 2017 года, 19:14

61 день до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Майкл Эсмонд задерживается, поэтому его не удивляет то, что в доме темнота: Сэм говорила, что собирается отвести мальчиков на новый «Лего» – фильм. Несколько мгновений он стоит в холле. В воздухе витает легкий химический запах лака, которым покрыли пол. Лака и чего-то еще.

Горелого.

Горелым тянет сверху.

Майкл, даже не задумываясь, взлетает по лестнице – он действует исключительно рефлекторно. Пахнет из комнаты Мэтти.

«Боже, – мелькает у него мысль, – чем он там, черт побери, занимается? Мы же тысячу раз говорили ему, что огонь не игрушка».

Повернув за угол и влетев в комнату, он видит своего сына, сидящего на полу со скрещенными ногами.

Руки у него горят.

– Какого черта!.. – кричит Майкл. Хотя он никогда не выражается. По крайней мере, не в присутствии детей.

А потом видит, что в комнате, помимо Мэтти, находится Гарри. Гарри, который смотрит на него, спокойный, как удав.

– Привет, Майк, – с улыбкой говорит мужчина.

Мэтти начинает перекидывать бледно-голубое пламя с руки на руку, и Майкл понимает, что у сына в руках горит что-то, размером с мячик для пинг-понга. При этом на коже Мэтти не остается никаких следов.

– Круто, правда? – выдыхает Мэтти. – Как запалы в «Майнкрафте».

– Неплохо, да? – вступает в разговор Гарри. – Как раз для Ночи Гая Фокса^[91]. Мы разыскали это в Сети, правда, Мэтт? Если обмакнуть матерчатый мячик в жидкость для зажигалки, то потом можно реально держать пламя в руках.

– Горелым воняет уже у начала лестницы.

– Прошу прощения. У нас была парочка неудачных попыток.

– Вы могли сжечь весь этот гребаный дом к чертовой матери!

– Дом в полной безопасности. Я знаю, что делаю. – На этот раз от улыбки Гарри веет холодком.

– Но вы же только что сказали, что нашли это в гребаном Интернете...

Гарри протягивает руку и забирает мяч у Мэтти, а потом сжимает пальцы, как фокусник, и пламя гаснет.

– Иди вниз, Мэтти, – говорит Майкл, не глядя на сына.

– Но, папа... – начинает тот.

– Делай, что тебе говорят. И закрой за собой дверь. Я хочу поговорить с Гарри.

Мэтти медленно встает и, еле-еле передвигая ноги, идет к двери.

– Все в порядке, Мэтт, – говорит ему вслед Гарри. – Я спущусь через минуту.

Дверь за мальчиком закрывается, и мужчины слышат, как он медленно спускается по ступенькам.

– И не смейте больше подвергать моего сына такой опасности.

– Неужели сына? – Гарри приподнимает одну бровь. – А мне показалось, что вас больше всего беспокоит дом...

– Вы прекрасно меня поняли. То, что вы здесь делали, совершенно недопустимо и безответственно. А вдруг он решит повторить это в одиночку – что тогда?

– Не решит. – Гари распрямляет ноги и встает. – Он не дурак.

– Это мне известно. Но он ребенок. Десятилетний ребенок.

– Я предупредил его, чтобы он никогда не делал этого один. Что это можно делать, только когда я рядом и когда я уверен, что мы используем правильные материалы. И когда я знаю, что мы в безопасности.

– А, ну тогда, конечно, всё в порядке...

– Вы слишком волнуетесь, – с этими словами Гарри засовывает руки в карманы. – Расслабьтесь. Все под контролем.

– А что вы имели в виду, говоря «мы»?

– «Мы»? Простите, не понял.

– Вы сказали: «Мы нашли это в Интернете» ...

– Ах, это. – Гарри абсолютно спокоен. – Ну да, мы – я и Мэтти. Мы нашли это вместе.

– В телефоне?

– Нет, в компьютере. – Гарри мрачнеет.

– В моем компьютере. В моем кабинете. – Видно, что Майкл с трудом сдерживает себя.

– Ну и что? Мэтт сказал, что вы не будете возражать...

– Не Мэтти это решать!

– Если вас это так волнует, – Гарри пожимает плечами, – то поставили бы на компьютер гребаный пароль. Хотя в нем нет ничего интересного, насколько я могу судить.

Майкл подходит на шаг ближе.

– Вы что, смотрели мои файлы... мои документы?..

– Не смотрел. А просто заметил. Послушайте, Майк...

Теперь они стоят буквально в нескольких дюймах друг от друга. И сверлят друг друга взглядами.

– Я ведь уже просил: не смейте называть меня Майк!

– Без проблем, – спокойно отвечает Гарри. – Хотите сказать мне что-то еще?

Куинн сидит за столиком в кафе на улице Сент-Олдейт и смотрит на экран своего планшета. Но не на свою страницу в «Фейсбуке» (хотя в последние дни у него завязалась активная переписка с женщиной-констеблем из Брайтона). Он сосредоточен на чем-то другом. А может быть, даже напал на какой-то след...

Гарет увеличивает изображение до максимума и вновь пристально смотрит на него.

* * *

– Мне нужно больше времени, Адам. Все очень сложно... есть кое-что... я должна быть уверена...

Она умудряется позвонить в самый тяжелый день. И хотя я полностью осознаю это, все-таки начинаю заводиться:

– Уверена в чем, Алекс? Во мне? В нас? Как ты можешь быть уверенной в чем-то, черт возьми, когда ты со мной даже не разговариваешь?

– Прошу тебя, – в ее голосе появляются умоляющие нотки. – Я вовсе не хочу сделать тебе больно...

– Да неужели? Я бы посоветовал тебе поставить себя на мое место...

А потом я делаю то, что не делаю практически никогда. И ни с кем. И уж точно не с Алекс.

Я разъединяюсь.

Потому что внезапно понимаю, что я сыт по горло. Сыт этим делом. Сыт этой абсурдной ситуацией с Алекс. Встаю и иду к двери, где чуть не натываюсь на Куинна, который явно хочет поговорить со мной.

– Босс?

– Не сейчас. Меня нет.

Он таращится на меня. На куртку, которую я оставил на стуле.

– На улице чертовски холодно... я хочу сказать...

– Наплевать.

* * *

Большими шагами выхожу на тротуар и останавливаюсь. Я все еще с трудом дышу, но уже начинаю понимать, что это была нелепая идея. Все люди на улице укутаны в шарфы, шапки и перчатки, включая мужчину,

стоящего на противоположной стороне улицы и смотрящего на здание участка. Он молод – скорее всего, ему не больше двадцати. Короткая стрижка, узкие бедра, шарф, завязанный одним из этих модных узлов, который называют парижским (как вы понимаете, название я услышал от Куинна). Он смотрит то на экран своего телефона, то на наше здание. Я быстро пересекаю дорогу, с трудом увернувшись от мотоцикла, и иду в его сторону. По крайней мере, на мне нет формы, которая могла бы его испугать. Хотя если он примет меня за психа, разгуливающего в такую погоду в рубашке с коротким рукавом, то я на него не обижусь. Приблизившись, понимаю, что он нервничает. Прикусив губу, смотрит на экран телефона. Ногти у него на руках покрыты черным лаком.

– Я могу вам чем-то помочь?

Он поднимает глаза, и его зрачки расширяются.

– Я здесь работаю. В полиции. Вы что, хотите с нами о чем-то поговорить?

– Не хочу отнимать у вас время. – Молодой человек краснеет. – Может быть, и говорить-то не о чем...

– Однако этого «не о чем» достаточно для того, чтобы вы стояли здесь на морозе, не зная, как вам поступить. По-моему, речь идет не о каком-то пустяке.

Он открывает было рот и снова его закрывает.

– Пойдемте со мной. На худой конец согреетесь. А если говорить не о чем, значит, не о чем. – Я пытаюсь улыбнуться, и это срывается.

– Ладно, – соглашается молодой человек.

* * *

12 декабря 2017 года, 15:54

23 дня до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– Осторожнее, вы же не хотите свалиться!

Сэм стоит на стремянке, которую держит Гарри. Она украшает елку. Час назад, когда она открыла входную дверь, за ней оказался Гарри с одной из самых больших елок, которые она только видела в жизни. В ней, наверное, не меньше восьми футов^[92].

– Знаете, – говорит Гарри, когда им удастся втащить ель в помещение, – я подумал, что стоит использовать высоту потолков по

максимуму.

– Она просто великолепна, Гарри. У меня нет слов...

– Позже мы с Мэттом ходим за падубом. Можно будет посмотреть что-нибудь для холла. Как вы думаете, он не будет возражать?

– Он будет просто счастлив! Без сомнения.

Сэм стоит и смотрит, как мужчина устанавливает ель в гостиной; покусывая губы, вспоминает предыдущие праздники, когда она по три дня не вылезала из постели и Майклу приходилось жарить обыкновенного размороженного цыпленка.

«На этот раз, – говорит про себя Сэм, – все будет по-другому».

Она уже купила индейку, сладкие пирожки и торт. А еще «полено». Майкл всегда говорит, что предпочитает «полено» рождественскому тарту, но если у них будет еще и торт, то они с мальчиками смогут покрыть его глазурью, как это делала ее мама, когда она была ребенком.

Но пока Сэм стоит на стремянке, окруженная украшениями, которые Гарри достал с чердака. Ей никогда не нравилось, как обставлен их дом, – она даже хотела полностью сменить мебель, когда они переехали, но Майкл уперся. Правда, сейчас его мания сохранить все, как во времена его бабушки и дедушки, принесла дивиденды. Украшения совершенно изысканные. Не какие-то там блестящие пластмасски или мишура, а утонченные фарфоровые фигурки снеговиков и Дедов Морозов, раскрашенные вручную, ангелы и снежинки из тончайшей бумаги, крохотные туфельки, украшенные кружевом и поддельным жемчугом, золотые колокольчики, издающие мелодичный звон. Некоторые из них такие хрупкие, что она боится до них дотрагиваться.

– С ними ничего не случится. Просто повесьте их повыше. Чтобы Захария не мог дотянуться.

Она вешает небольшую желтую птичку с перьями и отклоняется назад, чтобы посмотреть, как та выглядит.

– Украшения такие красивые, правда? А у нас, когда я была ребенком, имелась только мишура и всякая муть из пластмассы. А еще – мешок бразильских орехов, который обязательно покупал Па, хотя их никто никогда не ел.

– Но у вас, по крайней мере, был отец, – говорит Гарри, протягивая ей еще одну птичку.

– Простите... я не хотела... – Сэм краснеет.

Он небрежно отмахивается.

– Нельзя страдать от отсутствия того, чего у тебя никогда не было. А потом Ма делала все, чтобы заменить мне его. Всегда готовила целую

тонну выпечки – и по традиционным рецептам, и по своим собственным. В классе я был самым популярным учеником.

– Как мило звучит... А я всегда считала себя ущербной, потому что не могу приготовить мальчикам торт на день рождения. Мне всегда казалось, что все это слишком сложно.

– Так пусть они вам помогут. – Гарри смеется. – Я, например, помню, как пек маленькие пончики, которые мы потом макали в сахарную пудру. Мука была повсюду, но Ма никогда не возражала.

И все равно Сэм это все кажется слишком сложным, но она не хочет этого говорить.

– Кстати, забыла сказать вам спасибо. – Она пытается сменить тему разговора. – Это пиратское шоу, о котором вы прочитали в Сети... Я позвонила туда и заказала билеты на после Рождества. Сделаю Мэтти сюрприз на день рождения. Мы сможем переночевать там и посетить этот Космопорт, о котором он мне уже все уши прожужжал. Здорово будет опять оказаться в Ливерпуле – я не была там с момента нашего переезда... Ой! – неожиданно вырывается у нее. – Майкл! Ты так рано! Посмотри, разве это не роскошь?

Ее муж стоит в дверях. И она не знает, как долго это продолжается. Или почему у него на лице такое странное выражение?

* * *

Я мог бы оставить молодого человека у дежурного, но что-то заставило меня остаться и прислушаться к их разговору.

– Значит, исчез ваш молодой человек? – вяло спрашивает Вудс.

– Никакой не мой «молодой человек», – хмурится юноша. – Я же сказал, что мы встретились всего раза три-четыре. Просто хотел проверить, не заявлял ли кто о его пропаже. Он здесь без семьи, вот я и подумал...

– Когда вы видели его в последний раз?

– На Новый год. Он приходил ко мне. И тогда мы договорились встретиться в следующий уик-энд, но он так и не появился.

– То есть встреча была назначена на шестое число?

Юноша кивает. Его зовут Дэви. Дэви Джонс. Я спросил было его, любит ли его мама «Манкиз»^[93], а он посмотрел на меня, как на ископаемое. Я почувствовал себя столетним стариком.

– Он не отвечает на звонки? – продолжает Вудс.

– Нет. Вот уже много дней.

– А вы уверены, что он не хочет... – Видно, что дежурный подыскивает слова. – Как говорится... порвать с вами?

– А рвать нечего. – Дэви краснеет. – Я же уже говорил. Мы только начали встречаться.

– У вас есть его фото? – спрашиваю я.

Он с видимым облегчением поворачивается в мою сторону и открывает фото на экране телефона. Молодой человек на экране очень красив. Темные волосы, светлые сине-фиолетовые глаза, широкая улыбка уверенного в себе человека.

– У вас есть список пропавших за последние две недели? – обращаюсь я к Вудсу.

**ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ
ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРОПАЖЕ ЧЕЛОВЕКА**

Дата: 2 января 2018 г.

Имя: Роберт «Бобби» Белл (бездомный)

Дата рождения: 1956?

Место жительства: Неизвестно

Описание: Рост около 5 футов 5 дюймов. Сухощавого телосложения. Шрам под левым глазом. Отсутствуют несколько зубов.

Кто видел в последний раз: Эйдриан Клоуз, управляющий Оксфордским приютом

Когда/где видели в последний раз: Дата: 23.12.17, около 03:00
Место: Приют для бездомных

Мистер Белл — хорошо известный бездомный, который употребляет алкоголь и наркотики. Мистер Клоуз заявил о пропаже, потому что мистер Белл не появился на рождественском ланче в приюте для бездомных. С тех пор его не видели ни в одном из тех мест, где он обычно спит, а его состояние здоровья оставляет желать лучшего.

Заявление приняла: констебль Сэнди Уилсон

**ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ
ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРОПАЖЕ ЧЕЛОВЕКА**

Дата: 3 января 2018 г.

Имя: Джонатан Элдридж

Дата рождения: 18.04.76

Место жительства: Моффат-Уэй, 88, Кидлингтон

Описание: Среднего роста и телосложения. Темные волосы. Лысина. Карие глаза. Был одет в тренировочный костюм и кроссовки. Поясная сумка

Кто видел в последний раз: Дженни Элдридж (супруга)

Когда/где видели в последний раз: Дата: 03.01.18, около 10:30 Место: Моффа-Вэй, Кидлингтон

Мистер Элдридж — муж и отец со стабильной работой и без финансовых проблем. Здоровье — хорошее. Опытный бегун — в последний раз его видели выходящим из дома 3 января. Жена забеспокоилась, когда он к полудню не вернулся домой. С собой у него были только телефон и ключи от дома. Паспорт, бумажник и ключи от машины остались дома. Проведена проверка ближайших больниц.

Заявление приняла: констебль Анна Шилдс

ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРОПАЖЕ ЧЕЛОВЕКА

Дата: 5 января 2018 г.

Имя: Бен Перри

Дата рождения: 02.10.1998

Место жительства: Колледж Святого Петра

Описание: Рост 6 футов 2 дюйма. Атлетического телосложения. Блондин. Глаза голубые с прозеленью. Был одет в темные джинсы, светлую куртку, красный шарф.

Кто видел в последний раз: Морис Дженнингс (привратник)

Когда/где видели в последний раз: Дата: 02.01.18, около 13:00 Место: общежитие колледжа Святого Петра

Мистер Перри — студент-первокурсник. Вернулся в колледж сразу же после Рождества, чтобы подготовиться к предстоящим экзаменам. Не имел никаких академических задолженностей, и его тьютор говорит, что юноша был абсолютно спокоен. Однако он недавно разошелся со своей подругой. Проинформированы родители и полиция Хартпула (место постоянного проживания).

Заявление приняла: констебль Сэнди Уилсон

Я быстро пробегаю глазами три листка, а потом прочитываю их еще раз, чтобы убедиться, что я ничего не пропустил. Совершенно очевидно, что отсутствующего друга Дэйви среди пропавших не наблюдается. По крайней мере, официально. У студента не те волосы, а шансы у бездомного в такую погоду, на мой взгляд, совсем невелики. Накануне ночью было минус пять. Загадку представляет из себя счастливо женатый мужчина. Похоже, что он сделал ноги. Образно говоря. Но, скорее всего, мы об этом ничего не узнаем. Такая уж у нас работа. Я уже говорил, что человеку, желающему знать, «чем все закончилось», не стоит идти в полицейские.

– То есть его там нет, – говорит Дэви, прочитав выражение моего лица.

– Нет. Но сейчас еще отсутствуют достаточно много людей, и потребуется какое-то время, чтобы окончательно понять, что кто-то так и не появился там, где должен был.

И я четко понимаю, что только что описал ситуацию со своей собственной женой.

Возвращаю бумаги Вудсу.

– Думаю, вам надо принять заявление, сержант. Вы можете записать то, что сообщит вам мистер Джонс?

– Как скажете, сэр. – Вудс вздыхает.

Дверь передо мной неожиданно распахивается, и дежурную часть заполняет толпа людей – половина автобуса американских туристов пытается выяснить у нас, куда им ехать... Но я должен поблагодарить их, потому что, пока пробираюсь между ними, все еще слышу вопросы Вудса.

– Так как, вы говорите, зовут вашего друга, мистер Джонс?

* * *

23 декабря 2017 года, 15:12

12 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Снизу до Сэм доносятся голоса. Голоса ее сыновей и Гарри, который, как обычно, устраивает кутерьму, надевая на них куртки, шапки и варежки. Они собираются на рождественскую службу в церковь Святой Маргариты. Саманта спросила Майкла, не пойдет ли он с ними, но муж ответил, что это маловероятно. В Бога он не верит. «По крайней мере, не в такого, который ведет себя подобным образом». При этих словах взгляд у него становится

каким-то странным, и Сэм решает не давить на него, хотя и не понимает, что он имеет в виду. Майкл такой вот уже несколько дней. Не только чем-то озабоченный, но и все время настороже. Постоянно следит за всеми. Но не сейчас. Сейчас она одна. Ей необходимо остаться одной. Чтобы сделать это. Она не хочет, чтобы он хоть что-нибудь заподозрил.

Сэм запирает дверь ванной и достает упаковку оттуда, куда спрятала ее накануне, – из-под пачки чистых полотенец. Последние несколько месяцев ее цикл был не очень регулярным, но она не сильно волнуется – в конце концов они с Майклом едва...

Положив пластиковую пробу на полочку, она отворачивается и уговаривает себя не заикливаться на ней. Моет руки, мажет их кремом и наносит макияж.

В коридоре за дверью слышится топот ног, и в дверь начинает барабанить Захария:

– Мамочка! Мамочка! Ты где?

– Через минуту выйду, сладкий мой. – И Сэм берет пробу с полки.

Когда спустя десять минут она появляется внизу, у нее такое бледное лицо, что Гарри спрашивает, не встретился ли ей на лестнице призрак.

– Вы хотите сказать, призрак рождественского будущего? – с горьким смехом уточняет она.

– Вы уверены, что с вами всё в порядке? – спрашивает он, насторожившись от ее тона. – Я могу отвести их сам, если вы плохо себя чувствуете.

– Нет, со мной всё в порядке, – качает головой Сэм. – Просто надо было кое с чем разобраться.

* * *

Спустя двадцать минут я возвращаюсь в ситуационную комнату.

Получается, что парень, с которым встречался Дэви Как-его-там, – это тот самый человек, которому Майкл Эсмонд звонил в конце прошлого года? Гислингхэм все еще старается усвоить то, что я им только что рассказал.

– Это что, тот, кого Эсмонд записал в телефонную книгу под именем Гарри?

– Вот именно. Его полное имя – Гарри Браун.

– И это точно один и тот же человек?

– Без сомнения. Телефонный номер один и тот же.

– Я как раз хотел поговорить с вами о телефоне, босс, – вмешивается в разговор Куинн. – Я еще раз просмотрел запись с камеры наружного наблюдения на вокзале в Брайтоне. Раньше я этого не заметил, но когда Эсмонд возвращается на станцию, чтобы сесть на поезд, то у него в руках есть нечто, чего у него не было по приезде.

– Что именно?

– Пакет. Пакет из «Карфоун уэрхаус».

Куинн умолкает в ожидании реакции, которая, он уверен, должна за этим последовать.

– Что? – удивляется Бакстер. – Эсмонд купил себе телефон? Именно в тот день?

Гарет утвердительно кивает.

– Тогда я еще раз просмотрел все звонки «Гарри». В день пожара ему звонили с еще одного телефона с предоплаченным тарифом. Сразу после девяти вечера. Гарри в это время был в Оксфорде, а звонивший – где-то в районе Хэйвордс-Хит^[94].

Дальше он может ничего не говорить. Это звонил Эсмонд, застрявший в поезде из-за аварии. Ему было отчаянно нужно – по причинам, которые нам пока неизвестны, – поговорить с Гарри. Настолько отчаянно, что он даже купил новый телефон, не дожидаясь, что, может быть, ему вернут его собственный. И каковы бы ни были эти причины, они связаны с его поездкой в Брайтон. Потому что он вполне мог купить новый телефон в Лондоне, когда понял, что потерял свой. Но не сделал этого. И только после двух часов, проведенных в Брайтоне, необходимость в звонке стала такой острой.

– С тех пор Эсмонд пользовался этим телефоном?

– Нет, после того звонка – ничего. – Куинн качает головой.

– Босс, а этот паренек Дэви – он не знает, где жил Гарри? – Это спрашивает Гислингхэм.

– Они никогда не были у него дома, – качаю я головой в ответ. – Дэви сказал, что у него создалось впечатление, что у Гарри был кто-то еще, и, наверное, в этом было все дело. Может быть, любовник, который жил с ним, или даже муж...

– Или кто-то еще, – мрачно замечает Эв. – Например, Саманта Эсмонд.

– Но это еще не все, – говорю я, – Дэви сказал, что встречал Гарри в баре в Саммертауне, где тот работал. А позже Гарри сказал ему, что ради заработка подрабатывает еще и садовником.

Наконец-то все понимают, что к чему. Сначала доходит до Сомер, а потом и до всех остальных.

– Так вот где связь, – говорит Эв. – Гарри работал в саду у Эсмонда. Соседи говорили, что кто-то там был. А мы просто не соединили эти две вещи.

– Правильно. – Я киваю. – Но мы легко можем найти подтверждение этому, – подхожу к доске и прикрепляю на нее фото Гарри Брауна, а потом оборачиваюсь к Гису. – Поговори еще раз с Янгами. Спроси, узнают ли они этого человека. Эв, возьми на себя бар в Саммертауне – он называется «Волтерра» на Саут-Пэрэйд. Поговори с сотрудниками – что они скажут? Теперь Куинн...

– Босс?

– Это была отличная, вдумчивая детективная работа. Продолжайте в том же духе.

* * *

2 января 2018 г., 08:30

2 дня до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– Если ты будешь так собираться, то вы опоздаете на поезд! – кричит Майкл, глядя на часы. Он стоит у лестницы, окруженный сумками и портпледами. Мэтти ждет уже десять минут. Они слышат, как наверху капризничает Захария.

– Ма запретила мне надевать шарф «Арсенала», – угрюмо замечает Мэтти.

– Носить такой шарф в Ливерпуле – это не лучший вариант. Они там все болеют за местные команды.

– Ну, вот и мы. – Сэм спускается вниз со все еще хнычущим Захарией на руках.

– Все хорошо? Вы собирались целую вечность.

«Когда же она скажет?» – думает Майкл, внимательно разглядывая ее лицо.

Если вообще скажет. Полоску она замотала в кучу туалетной бумаги и засунула на самое дно мусорного ведра, но он ее все равно нашел. Потому что читает жену как книгу и давно подозревает, что что-то не так и она скрывает это что-то от него.

– Ты набрала вещей на полдюжины детишек, – говорит он, осматривая багаж. – Хотя их у тебя вроде бы только двое. – Говорить он старается

беззаботным голосом, но Сэм не отвечает на его взгляд и не заглатывает приманку.

– Ты же сам знаешь, как это бывает, – рассеянно отвечает она. – Всегда оказывается, что нужно было взять в три раза больше, чем ты взяла... Ну, ладно. – Она поворачивается к Мэтти. – Мы готовы к нашему пиратскому приключению?

Майкл загружает багаж в машину, а она усаживает Захарию в детское кресло.

– Не забудь – на обратном пути тебе придется взять такси. Сомневаюсь, чтобы я вернулся раньше тебя, да и машина в любом случае будет еще в сервисе.

– Не волнуйся, – Сэм закрывает заднюю дверь и садится вперед. – Нам нравятся черные кебы^[95], правда, Мэтти?

– Они так смешно шумят, – отвечает мальчик, – прямо как Далеки^[96].

Майкл садится в машину и вставляет ключ в зажигание.

– А твоя презентация готова? – весело спрашивает Сэм своего мужа, не сводя с него глаз.

– Да, все готово.

– А эта встреча с профессором Джордан – напомни, когда она?

– В четверть одиннадцатого, но это так, ерунда. Обычная рутина.

Сэм берет за ремень безопасности.

– Уверена, что твое выступление пройдет превосходно. Как и всегда. Позвони и расскажи, как все было...

– А, вот хорошо, что ты напомнила: я хотел тебе сказать, чтобы ты не беспокоилась, если не сможешь дозвониться на мобильный. Большую часть времени я буду в библиотеке.

– Ты же вроде сказал, что с презентацией всё в порядке. – Сэм хмурится.

– Конечно. – Майкл заводит машину. – Дело не в ней. Мне надо проверить кое-что еще.

* * *

«Если в целом, – говорит себе Куинн, идя по коридору, – то все прошло даже лучше, чем я ожидал».

По крайней мере, он продемонстрировал инициативу. И сообразительность. Чего нельзя сказать о всех остальных. Кто знает, может

быть, ему все-таки удастся вновь стать детективом-сержантом...

Когда через десять минут звонит его мобильный, он долго размышляет, отвечать или не отвечать. Ждет четыре звонка, а потом тяжело вздыхает и откидывается на спинку кресла.

– Куинн слушает.

– Констебль Куинн? Это говорит констебль Ку- мар.

– Да, я уже понял, – отвечает Куинн, скорчив рожу.

– У меня тут выдались свободные полчаса, и я еще раз изучил территорию, где мы видели подозреваемого в последний раз...

– Кажется, ты говорил, что это жилой район. – Куинн начинает рисовать каракули в своем блок-ноте.

– Да, но есть одно...

– Прости, не понял.

– В одном из зданий дальше по улице размещается местный дом для престарелых. Называется «Фейр-Лаунс»^[97].

– И ты думаешь...

Теперь даже в трубке он может почувствовать волнение Кумара.

– Я ничего не думаю. Я знаю.

* * *

Отправлено: Пт 19/01/2018 в 13:28

Важность: высокая

От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk

Тема: Результаты анализа ДНК: Дело № 556432/12 Феликсаус, Саути-роуд, 23

Относительно результатов теста ДНК, которые вы хотели получить поскорее: мы сравнили образец, взятый у Филиппа Эсмонда, с ДНК, полученной из трупа мужчины на Саути-роуд. Как вы знаете, сравнение родственных ДНК не всегда дает 100 % ответ «ДА» или «НЕТ», но в данном случае результаты однозначны: образцы полностью совпадают и указывают на то, что мужчины – братья.

* * *

Куинн всегда позиционирует себя как человека утонченного, и это не позволяет ему входить в комнаты без приглашения, поэтому, когда он ворвался ко мне в кабинет, даже не постучав, я понял: произошло что-то серьезное.

– Я знаю, куда ездил Эсмонд, – говорит он, слегка задыхаясь. – В Брайтоне есть дом для престарелых. «Фейр-Лаунс». Его имя есть в списке посетителей в тот день, и когда мы послали туда фото, то его сразу же опознали. Он посещал старую леди по имени Мюриэль Фрейзер. Представился ее племянником, или кем-то в этом же роде, но мы-то знаем, что это не так.

– Но если она не его тетя, то какого черта он там делал?

– Никакой связи между ними я еще не обнаружил, но сотрудники говорят, что она его абсолютно точно признала.

Я уже на ногах.

– Пусть Асанти позвонит им. И предупредит, что мы уже едем...

* * *

2 января 2018 года, 10:45

2 дня до пожара

Местный поезд недалеко от Бирмингема

– Я могу вам чем-то помочь?

Женщина в клетчатом пальто, без сомнения, говорит так из лучших побуждений, но сейчас Сэм меньше всего требуется чье-то сочувствие. Захария вот уже двадцать минут орет во всю силу своих легких, а вагон забит под завязку. Косые взгляды окружающих становятся откровенными и полными неприязни. Несколько человек демонстративно надевают наушники. В голове у Саманты словно звучат их голоса: «Она что, ничего не может сделать с этим маленьким ублюдком?», «Не стоит брать детей с собой в поезд, если не знаешь, как с ними справиться».

– Я очень извиняюсь, – обращается Сэм к женщине в клетчатом пальто, но так, чтобы ее слова слышали и все остальные. – У него болит животик, а я не помню, куда засунула «Калпол». – Один раскрытый портплед стоит у ее ног, а второй она запихнула на сиденье рядом с собой,

но, по закону падающего бутерброда, лекарства нет ни в одном из них. – Наверное, он в одном из тех, что лежат на полке.

Мэтти вжался в угол сиденья возле окна и, не отрываясь, смотрит на однообразный пейзаж за ним. Он сконфужен настолько, насколько может быть сконфужен десятилетний мальчик.

– Хочешь сока, Захария? – спрашивает Сэм. Ребенок мечется в разные стороны, у него красное и покрытое пятнами лицо. Он отчаянно трясет головой и зажмуривает глаза.

– Я выхожу в Бирмингеме, – говорит женщина, – но могу поддержать его, пока вы ищете лекарство.

– Правда? – В голосе Сэм слышится облегчение. – Я быстро.

Она поднимает визжащего Захарию и умудряется переложить его на колени женщины, хотя в процессе получает чувствительный удар ногой по лицу.

– Боже, – говорит женщина, стараясь удержать ребенка. – С вами всё в порядке?

– Ерунда, – быстро отвечает Сэм. – Такое случается сплошь и рядом.

Она дотягивается до одной из сумок и стаскивает ее вниз, а потом начинает в ней копать. Поезд дергается и трясется, замедляя ход, и неожиданно женщина напротив издает сдавленный крик.

Захарию вырвало прямо на нее.

* * *

Если судить по тому, что говорила мне Сомер, то «Фейр-Лаунс» и близко не похож на тот дом, в который Майкл Эсмонд поместил свою мать. Начнем с того, что название «Лаунс» совсем не соответствует тому, что понимается под ним в соответствии с Законом «Об описании товаров в торговле»^[98] – все плоскости вокруг залиты асфальтом. Унылая архитектура 70-х и текстурированное стекло во входных дверях. Это место жутко напоминает мне то, где окончила свои земные дни моя бабушка. Меня в детстве насильно привозили туда, и я должен был в течение положенных полутора часов сидеть и выслушивать повторяющиеся из раза в раз вещи, которые мой отец рассказывал ненормально веселым и счастливым голосом. Даже сейчас я не переношу запах дезинфектанта.

Куинн закрывает машину и направляется к стойке администрации. Кажется, он хочет продемонстрировать мне свою эффективность, и я вовсе не возражаю.

Молодая женщина за стойкой говорит с сильным восточноевропейским акцентом. По мне, так она из Румынии. А еще у нее идеальная кожа и изысканные черты лица, глядя на которые местные старушки, должно быть, грустят по временам своей молодости. Куинн выбирает себе роль «Мистера Профessionала». Представляясь, он даже не улыбается.

– Детектив-констебль Куинн, детектив-инспектор Фаули, полиция долины реки Темзы. Мы хотели бы видеть миссис Фрейзер.

– Ах да, – говорит женщина. – Нам звонили из вашего офиса. Прошу вас, сюда.

Она рассказывает нам, пока мы идем вслед за ней по коридору, что сегодня у миссис Фрейзер хороший день, но тем не менее предупреждает, чтобы мы не рассчитывали на многое. «Все-таки ей девяносто семь лет».

Она оставляет нас на санитарку в «гостиной», разливающую чай с тележки, подобную которой я в последний раз видел, еще будучи констеблем. Санитарка гораздо старше администраторши – она принадлежит к типу «женщин-мам», которым мы все должны быть благодарны за то, что они согласны за минимальную зарплату работать в заведениях, подобных этому. В углу на полную мощность работает телевизор с Джереми Кайлом^[99] на экране, а нетронутые газеты разложены на кофейном столике. Какой-то старик сидит за столом перед шахматной доской и держит в руке открытую книгу, посвященную поединку Спасский – Фишер^[100]. Мне почему-то совсем не хочется думать о его внутреннем мире.

– Долговременная память миссис Фрейзер пока в полном порядке, – говорит санитарка, – а вот с происходящим здесь и сейчас у нее проблемы. Но, вообще-то, она очень милая дама. – Санитарка улыбается. – Из тех, с которыми просто. Никогда не жалуется.

Мюриэль сидит в кресле возле окна, обложенная подушками, спрятав тоненькие ручки в рукава розового кардигана.

– Вы ведь сами связали этот кардиган, да, Мюриэль? – спрашивает санитарка добрым голосом, заметив, что я смотрю на него. – Боюсь, что дни, когда она могла вязать, уже в далеком прошлом...

Она гладит женщину по напоминающим птичьи лапы рукам коричневого цвета, и та улыбается ей.

– Сегодня у вас посетители, Мюриэль. Два милых джентльмена из полиции.

Глаза старушки расширяются, и она смотрит сначала на Куинна, а

потом на меня.

– Не волнуйтесь, милая. Они просто хотят кое-что уточнить. – Санитарка еще раз похлопывает Мюриэль по руке. – Я сейчас принесу вам всем чай.

Мы придвигаем жесткие пластиковые стулья для посетителей и усаживаемся.

– По-моему, к вам недавно приходил еще кто-то, миссис Фрейзер? – начинает Куинн.

Женщина улыбается. Мне кажется, что я даже замечаю некий намек на подмигивание:

– Я же не совсем еще выжила из ума, знаете ли. Приходил. Этот мальчишка Эсмондов.

Где-то на заднем плане Джереми Кайл теряет терпение: «Вопрос абсолютно прост. Спали вы с ней или нет?»

Куинн наклоняется вперед, потрясенный тем, что его первая же попытка дала столь блестящий результат.

– Правильно, – говорит он. – А откуда вы его знаете?

– Он молодой человек Дженни. – Она складывает перед собой руки и осуждающе добавляет: – Или *был* им.

Мы с Куинном обмениваемся взглядами. Дженни. Девушка, о которой упоминал Филипп. Та самая, которую Майкл Эсмонд бросил, когда ударился во все тяжкие.

– А напомним-ка мне, кто такая эта Дженни? – спрашиваю я беззаботным голосом.

– Моя внучка, конечно. Девочка Эллы. Хотя почему ей пришло в голову выйти замуж за этого кошмарного типа, я не знаю.

– Кому пришло – Дженни?

– Нет, – отвечает леди. Моя тупость ее явно раздражает. – Элле.

– Дженни училась в Оксфорде, правильно?

– Правильно. – Она слегка приподнимает подбородок. – Она учится в Гриффине. Считается, что это очень хорошая школа. Очень дорогая, насколько мне известно.

Это я уже видел. С моей бабушкой и другими стариками, дожившими до такого возраста. Прошрое у них в головах путается с настоящим: Дженни, если и ходила в эту школу, то лет двадцать назад.

– Они сказали, что это наказание, – неожиданно сообщает Мюриэль. Очень громко. Санитарка в противоположном конце комнаты поднимает голову. – Они все время повторяют, что она это заслужила. Притащили даже чертова священника, чтобы он это подтвердил.

Куинн смотрит на меня, но я пожимаю плечами, ибо понимаю не больше, чем он.

– А что же она сделала, миссис Фрейзер? За что ее было наказывать?

Мюриэль даже не пытается скрыть свое презрение.

– Она как раз ничего не делала. И это *не ее* вина, что бы они ни говорили.

Куинн крутит пальцем у виска и одними губами произносит: «КУКУ». Сама Мюриэль этого не замечает, а вот санитарка – да. Куинн собирает бумаги и собирается встать, но я взглядом останавливаю его. У меня появляется уверенность, что во всем этом что-то есть.

– А кто же во всем виноват, миссис Фрейзер?

– Он, конечно. Этот мальчишка Эсмондов.

И неожиданно все части головоломки встанут на свои места.

Я чувствую, как по спине у меня течет пот. Для этого места я одет слишком тепло. Отопление здесь работает на всю катушку. На экране обстановка продолжает накаляться: «Я не отец этого ребенка – можете делать любые анализы – он не мой!»

Мюриэль вновь откидывается в кресле и сжимает губы.

– Конечно, он *утверждает*, что ничего об этом не знал. А что еще он может сказать... Маленький негодяй.

Куинн, несмотря ни на что, не может сдержать улыбку.

Я беру старушку за одну из дрожащих рук и заставляю посмотреть мне в глаза.

– Это вам сказал Майкл, когда был здесь, правильно? Что он ничего не знал о ее беременности?

– А я точно знаю, что она и писала, и говорила ему об этом.

Куинн пишет, не останавливаясь.

– Значит, она оставила младенца. И хотела сама его вырастить?

– Ну да. – Женщина улыбается, погруженная в воспоминания. – Такой очаровательный мальчик... У него ее глаза. Я говорила ей, что он станет настоящим красавчиком, только пусть подрастет немного.

– Ну, как у вас здесь дела? – спрашивает санитарка, подходя с чашками чая в руках. – Вы еще долго здесь пробудете, инспектор? Мне кажется, Мюриэль немного устала. А мы ведь этого не хотим, правда?

* * *

2 января 2018 года, 11:16

2 дня до пожара

Дамская комната на вокзале Бирмингема

– Но я хочу пиратов! Ты обещала! Это мой день рождения!

– Прошу тебя, Мэтти, успокойся. Ты же видишь, я пытаюсь отчистить эту бедную леди. – Сэм вытаскивает еще одну влажную салфетку и еще раз пытается стереть пятно рвоты с клетчатого пальто, но, кажется, добивается прямо противоположного результата – пятно расплзается еще больше.

– Честное слово, всё в порядке, – пытается сопротивляться женщина. – Вам не стоит тратить на это время. Вам надо ехать дальше.

– Да, мамочка, – быстро вступает в разговор Мэтти. – Если мы не сядем на поезд, то пропустим пиратов!

Сэм смотрит на Захарию. Тот сидит возле раковины, прислонившись к плитке на стене. Сейчас он молчит, но выглядит совершенно несчастным. С того момента, как они сошли с поезда, его тошнило уже дважды.

Она поворачивается к Мэтти и наклоняется к нему:

– Боюсь, что мы не сможем пойти к пиратам, Мэтти. Захария нездоров. Нам надо везти его домой.

Лицо Мэтти превращается в маску скорби.

– Но ведь ты *обещала!* – Он в полном отчаянии.

– Но он же не нарочно заболел, Мэтти... – начинает было Сэм, но ребенок топает ногой.

– Ты говорила, что это развлечение специально для меня. На мой день рождения. Не для Захарии – для меня!

– Думаю, что я, пожалуй, пойду, – говорит женщина, сдвигаясь в сторону двери. – Вам и без меня хватает забот.

– Еще раз простите нас, – начинает Сэм, делая шаг в ее сторону. – Он это правда не нарочно...

– Ты так *всегда* говоришь, – заявляет Мэтти, когда дверь за женщиной захлопывается. – Ты *всегда* говоришь, что Захария не нарочно, но с ним всегда *что-то происходит*. Например, он не хотел убивать Молли, но *убил же...*

– Тс-с-с, – быстро произносит Саманта, испугавшись, что их кто-то может услышать. Услышать и не так понять. – Мы сможем поиграть в пиратов, когда приедем домой. Вдвоем, только ты и я. Тебе же это наверняка понравится?..

– Ты сказала, что отвезешь меня к *настоящим* пиратам. А теперь я их никогда не увижу. Никогда. Это *нечестно!*

Она не может видеть его таким несчастным. И он прав. Это

несправедливо. Это его день рождения, и Сэм хотела, чтобы этот день запомнился ему надолго, а теперь все пошло прахом. А ей хорошо известно, как больно ранит несправедливость. Потому что ты с ней ничего не можешь поделать.

Она пытается обнять сына, но тот резко отталкивает ее.

– *Оставь меня в покое!* Я тебя ненавижу! И Захарию тоже! И мне наплевать, что он болеет – лучше бы он сдох!

* * *

Уже сев в машину, я понимаю, что Бакстер прислал мне эсэмэску:

Так и не могу найти ни Гарри, ни Гарольда Брауна. Браун – слишком распространенная фамилия. Но я буду стараться.

«Имя матери – Дженни, если это поможет», – отвечаю я и поворачиваюсь к Куинну. Он говорит по телефону со школой Гриффин.

– На всякий случай за три года до и три года после, – говорит он. – Можете прислать прямо сейчас? Отлично. – Разъединяется. – Они пришлют по электронной почте списки школьников, которые учились в одно время с Эсмондом. – Подвигается так, чтобы лучше видеть меня. – Значит, Майкл обрюхатил свою девушку...

– И в результате получился Гарри. – Я киваю. – Все совпадает. Подходящий возраст, тот же самый цвет волос...

– И что же произошло? Прошлым летом Гарри появляется на пороге дома, объявляет, что он давно потерявшийся сын, и Майкл дает ему работу садовника?

Его скепсис вполне объясним. Мне тоже кажется, что здесь что-то не так.

– Нет, – медленно говорю я. – Не думаю, что Майкл вообще знал, что у него есть еще один ребенок. Из рассказа Мюриэль я понял, что он знал о беременности Дженни, но, скорее всего, решил, что она сделала аборт. Может быть, она даже сама ему об этом ска- зала.

– Значит, вы тоже не считаете, что Гарри рассказал ему, кто он? Такое может быть?

– А что бы вы сами сделали, если бы вдруг из воздуха материализовался человек и заявил, что он ваш ребенок?

Принимая во внимание сексуальную активность Куинна, такой вариант в один прекрасный день может стать вполне реальным, что, по- видимому, и объясняет то, что ответ у него уже наготове.

– Потребовал бы тест ДНК, – мгновенно реагирует он.
– Вот именно. Но только ни в его банковской выписке, ни в почте нет ничего, что хоть отдаленно это напоминало бы.

Куинн задумывается.

– Все эти сайты гарантируют полную конфиденциальность.
– Правильно, но платить наличными на них нельзя, не так ли? Так что в банковской выписке обязательно должно что-то остаться, даже если оплата была сделана какой-то анонимной компанией.

– И если б это было так, – Куинн кивает, – то Бакстер это раскопал бы... Тогда что нам остается? Гарри проверял его на слабину? Ему удалось узнать этот вселенский секрет, а потом он пригрозил выдать его всему миру?

– Возможно. Но только должно было произойти нечто экстраординарное. Нечто, что заставило Майкла заподозрить, кем в действительности был Гарри. Именно поэтому он и приехал сюда. Знал, что если Дженни действительно выносила ребенка, то ее бабушка будет об этом знать.

Куинн оборачивается на здание дома для престарелых.

– Хотя я все-таки не могу понять, для чего надо было обращаться к свихнувшейся старушке. Должен же быть кто-то еще из членов семьи, кого можно было бы спросить...

В умении раздражать Куинну нет равных. Но в том, что он говорит, есть смысл.

Раздается сигнал, и констебль открывает почту на планшете.

– Это список учащихся из Гриффина. – Он прокручивает его до конца и вновь возвращается к началу списка. – Ни Дженнифер. Ни Дженни. Проклятье... – ерзает на сиденье. – Надо вернуться и уточнить у старушечки фамилию. На мой взгляд, она не была такой уж усталой.

– Можно? – Я протягиваю руку.

Куинн передает мне планшет, и я ясно вижу, как его раздражает то, что я решил его перепроверить. Но в том, что он только что сказал, мелькнуло нечто... нечто, о чем говорила и Мюриэль... хотя, может быть, я и ошибаюсь...

Но нет. И это научит меня в будущем слушать то, что *реально говорят* люди, а не то, что мне *хочется от них услышать*. Я показываю на экран:

– Вот эта девочка – здесь – я думаю, что это она. Джиневра Марроне^[101]. Майкл встречался не с Дженни, а с Джинни.

Куинн берет планшет назад.

– Правильно, – соглашается он после некоторого раздумья. – И она

есть в списках девяносто пятого года, а потом куда-то исчезает.

Потому что забеременела. Потому что носила ребенка Майкла Эсмонда.

– Так она что, испанка?

– По-моему, скорее итальянка. Имя итальянское.

– Тогда это объясняет, почему Майкл приехал сюда. Потому что семья...

– ...вернулась в Италию. Все верно. Скорее всего, именно поэтому Джиневра не вернулась в школу. И не забывайте, что Мюриэль сказала насчет священника. Могу себе представить, как традиционная итальянская семья среагирует на то, что их незамужняя дочь-тинейджер залетела. А ведь это все произошло двадцать лет назад...

– И не только тинейджер, босс. – Куинн еще раз смотрит на экран. – В девяносто пятом году Джиневра Марроне обучалась в одиннадцатом классе. Конечно, надо бы было взглянуть на свидетельство о рождении Гарри, но, сдается мне, ей в тот момент было лет пятнадцать.

То есть не только незамужняя, но еще и малолетка.

– Боже мой. – Куинн откидывается на сиденье. – Сначала обвинения в харрасменте, а потом и это... Неудивительно, что Эсмонд слетел с катушек. – Он поворачивается ко мне. – Как вы думаете, две штуки нужны были ему именно для этого? Этот Гарри шантажировал его? Угрожал все рассказать, если тот ему не заплатит? Это объяснило бы, почему Эсмонд снял деньги со счета.

В этом я не уверен.

– Что-то здесь не то со временем. Тогда он встретился бы с Мюриэль до того, как передал бы деньги. И сделал бы тест ДНК.

Но Куинн тоже прав – деньги во все это как-то не вписываются.

– Хотя всему этому есть одно простое объяснение, – говорю я, доставая телефон. – И именно поэтому Бакстер не может найти никого с именем Гарольд Браун. Мне кажется, что в действительности Гарри зовут вовсе не Гарри. – Говорю я это потому, что вспоминаю, как Гислингхэм вычислил в Сети Йюрьена Кёйпера. А еще Алекс однажды пошутила, что имя Джузеппе Верди, произнеси его на английский манер – Джо Грин, – звучало бы вовсе не так гла-мурно.

Для того чтобы понять, что я прав, мне требуется меньше секунды в «Гугле». Все эти поездки в Италию все-таки не прошли даром. Я включаю телефон и набираю номер.

– Бакстер? Это Фаули. Фамилия мужчины, которого ты ищешь, не Браун^[102]. Фамилия его матери – *Марроне* – это итальянский вариант

английского Браун. Он использует этот английский вариант своей фамилии и, готов поспорить, с именем проделал то же самое. Если я прав, то надо искать человека по имени *Аральдо*^[103] *Марроне*.

* * *

Эверетт никогда до этого не бывала в баре «Волтерра», хотя он и располагается всего в пяти минутах ходьбы от ее дома. Начать с того, что для похода в этот бар у нее нет подходящей одежды, да и джин, с ее точки зрения, это просто джин, от которого наутро болит голова, так же как и от попытки выбрать свою марку этого пойла среди пятидесяти семи возможных вариантов.

В это время дня в баре практически никого нет. Если верить доске объявлений на тротуаре, кофе они здесь подают весь день, но декор заведения и его канделябры с орнаментом намекают скорее на ночные бдения, в отличие от обычных кафе и ярко освещенных кондитерских, разбросанных в округе. Верити проходит к барной стойке и смотрит, как за ней молодой человек с окладистой бородой песочного цвета, одетый в рубашку и брюки, расставляет бокалы.

– Могу вам что-то предложить? – интересуется он.

– Детектив-констебль Эверетт. Полиция долины Темзы.

Молодой человек берет в руки полотенце и подходит к ней.

– И в чем, собственно, дело?

– Мне кажется, у вас работает вот этот человек. – Она показывает ему экран телефона.

Мужчина искоса смотрит на фото, а потом кивает:

– Это Гарри. Он работал здесь месяцев девять.

– Когда вы видели его в последний раз?

– А в чем дело? – Молодой человек хмурится.

– Прошу вас, ответьте на мой вопрос.

– Кажется, в Новый год, – отвечает ее собеседник, подумав. – Ну да, именно тогда.

– А он должен был появиться здесь после этого?

– Не уверен. Смены распределяю не я. Но вы можете спросить Джоша, нашего менеджера.

Эверетт записывает номер мобильного телефона менеджера.

– Что вы можете сказать об этом Гарри? – спрашивает она, закрывая блокнот.

– Хороший бармен. – Молодой человек пожимает плечами. – Знает напитки, понимает клиен-тов.

– Что вы имеете в виду? – Эв прищуривается.

– Ну, вы сами знаете. Он умеет чувствовать клиентов, особенно тех, кто не хочет, чтобы им мешали. И тех, кто хочет поплакаться в жилетку. Или пофлиртовать.

– И часто он это делает? Я про «пофлиртовать»?

– А вот да. – Бармен сухо улыбается. – Женщины так к нему и липнут. Счастливчик... То есть я хочу сказать, что с такой физиономией, как у него, он может выбирать.

– А я думала, что он голубой... – Эверетт хмурится.

– Гарри? – Молодой человек громко хохочет. – Гарри вовсе не голубой. С чего вы это взяли?

– Простите... наверное, у меня неправильные сведения.

– Послушайте меня: он вовсе не голубой, – повторяет бармен, все еще улыбаясь. – Я однажды застал его в подсобке с девицей. С одной из клиенток. И, поверьте мне, они там обсуждали не погоду за ок- ном...

– Понятно, – говорит Эверетт, стараясь не выказать своего удивления. – А у него есть, по-вашему, кто-то постоянный? Какая-то подруга?

– Он об этом никогда не говорил – по крайней мере, никогда не упоминал имен. Хотя у меня создалось впечатление, что где-то с месяц назад у него кто-то появился. Но он все время шифровался.

– А этот Джош, менеджер? У него ведь должен быть его адрес, правда?

– Какой-то адрес – да. – Молодой человек снова пожимает плечами. – Только вот в последнее время Гарри переезжал с места на место, так что он может быть слегка устаревшим. Я знаю, что какое-то время он спал у приятеля, а потом жил в этом молодежном хостеле на Ботли-роуд.

«Твою мать, – думает Эверетт, – и почему это не пришло нам в голову? Мы же находимся практически рядом».

Двери открываются, и в помещение входят несколько смеющихся девушек, которые что-то рассматривают на экранах своих телефонов. Молодой человек смотрит на них, а потом переводит взгляд на Эве- ретт.

– Но я уверен, – быстро произносит бармен, – что его там уже нет. Когда я видел его в последний раз, он что-то говорил о переезде.

– А вы не знаете куда?

– Не-а, – отвечает молодой человек и берет со стойки несколько меню. – Но, думаю, куда-то в этот район и в приличное место. Кажется, у него кто-то умер...

– Не поняла? – Эверетт пристально смотрит на него.

– Знаете, он собирался получить какое-то наследство. – Бармен слегка краснеет. – Он точно говорил что-то о том, что получит «то, что ему причитается». Наверное, именно поэтому я не сильно удивился, когда он исчез. Скорее всего, сукину сыну больше нет нужды заниматься этой хреновой работой в баре.

* * *

2 января 2018 г., 15:09

2 дня до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Саманта захлопывает за собой дверь и роняет сумки на пол. Неожиданно она чувствует себя невероятно измученной. Наверху носится Захария, кричащий во всю силу своих легких. И не подумаешь, что совсем недавно с ним было что-то не так. Последние полчаса их поездки он провел у нее на коленях, подпрыгивая и утверждая, что хочет играть в пиратов. Сэм понимает, что говорил он так не специально, но это самое последнее, что нужно было услышать Мэтти. Тот, в отличие от брата, просидел всю дорогу молча, не отрывая взгляда от окна. И каждый раз, когда мать пыталась с ним заговорить, он полностью ее игнорировал. Сэм никогда еще не видела его таким мрачным и отчужденным. И он впервые заговорил о том, что произошло с собакой.

Саманта идет на кухню и видит, как Мэтти достает сок из холодильника. Затем захлопывает дверцу и проскальзывает мимо нее, опустив голову и избегая ее взгляда.

– Завтра должен прийти Гарри, – быстро говорит Сэм в тот момент, когда он подходит к двери. Она хорошо понимает, насколько беспомощно это звучит. – Я попросила его заскочить, пока нас не будет. Он должен был починить кран в ванной комнате, но если ты хочешь, он вместо этого может помочь тебе с твоим вулканом. – Мэтти все еще стоит к ней спиной. – Тебе же этого хочется, правда?

Она ждет, всем сердцем желая, чтобы он повернулся. Чтобы он хоть что-то сказал.

А потом на кухню влетает Захария. В одной руке у него зажата пластмассовая шпага, а один глаз закрыт черной повязкой.

– В сторону! В сторону! В сторону! – кричит он, колотя Сэм шпагой по

ногам. – Я злой и ужасный пират! Я злой и ужасный пират!
Когда она поднимает глаза, Мэтти уже нет.

* * *

Отправлено: Пт 19/01/2018 в 17:12

Важность: высокая

От: DCEricaSomer@ThamesValley.police.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk

Тема: Дело № 556432/12 Феликс-хаус, Саути-роуд, 23

Бакстер просил передать вам, что телефон Гарри молчит, а адрес, который Эверетт дали в баре, оказался пустышкой – там его не видели вот уже пару недель. Мы пытаемся разыскать его всеми возможными способами.

Я еще раз говорила с «Ротерхэм Флеминг», но они опять отказались выдать сведения о семье Эсмондов без постановления суда. Хотя и подтвердили, что в завещании нет ничего, что запрещало бы незаконнорожденным детям получить свою часть наследства. Если Гарри удастся доказать, что он сын Майкла, то ему причитается его часть от продажи недвижимости и страховых выплат. Но это только потому, что были выполнены условия статьи № 5. Если бы с домом ничего не случилось то, как отпрыск младшего сына, он ни на что не имел бы права.

* * *

– Твою мать, – произносит Куинн, когда я зачитываю ему это письмо. Мы только что выехали на М25, и транспорт еле движется. Пятница, вечер – это можно было предвидеть.

– У него теперь хренова куча мотивов, правда? То есть я хочу сказать, что в его интересах не только сжечь дом Майкла дотла, но и одновременно избавиться от самого Майкла и его детей. Ведь если они исчезнут с горизонта, то денег ему достанется гораздо больше.

Машина дергается и вновь замирает.

– Поэтому он договаривается с Эсмондом о встрече в тот вечер, вырубают его, а потом поджигают дом. То есть надо смотреть правде в глаза: если кто и знал, где находится этот гребаный бензин, так это он. Он же стриг эту долбаную лужайку все лето.

Сзади кто-то сигналил нам.

– И, возможно, он знал о проблемах Эсмонда. О них не так уж сложно было узнать, если он все время проводил у него в доме. Так что вывод о том, что пожар можно свалить на Эсмонда – потому что у того все вышло из-под контроля, – лежал на поверхности. Ведь даже мы так подумали, правда?

Куинн искоса смотрит на меня, удивленный моим молчанием. А я просто пытаюсь думать. Поскольку то, что говорит Гарет, теоретически возможно, но мой инстинкт копа с этим не согласен. По крайней мере, пока не согласен. Надо быть законченным отморожком, чтобы придумать нечто похожее, не говоря уж о том, чтобы выполнить... Правда, мы не уверены, что он таковым не является. Мы ведь вообще ничего о нем не знаем.

Я глубоко вздыхаю.

– Но в ту ночь Эсмонд звонил Гарри, а не наоборот.

– И что из этого? – Куинн пожимает плечами.

– А ваша теория верна лишь в том случае, если Гарри знал о завещании. Он должен был знать, что получит деньги, только если от дома ничего не останется. В противном случае в поджоге нет никакого смысла.

– Ну да. – Куинн включает поворотник и выезжает в крайний правый ряд, который движется чуть быстрее, чем наш^[104]. Правда, терпение никогда не было в числе его достоинств. – Так вот, по мне, он это знал. Как я уже сказал, он находился в этом доме многие месяцы. Возможно, у него даже был ключ. Он легко мог войти в кабинет и найти завещание, как это сделал я.

Я опять достаю телефон.

– Кому вы звоните?

– Филиппу Эсмонду. Если Майкл знал, кем в действительности был Гарри, то брат может быть единственным человеком, кому он об этом рассказал.

– И Филиппу в голову не пришло сказать об этом *нам*?

– Сами знаете, как это иногда бывает, – мрачно говорю я. – Ох уж эти семьи... И семейные секреты.

Запись телефонного разговора с Филиппом Эсмондом, 19 января 2018 г., 17:45.

Разговор провел детектив-инспектор А. Фаули.

А.Ф.: Мистер Эсмонд? Прошу прощения за беспокойство. Вы можете говорить?

Ф.Э.: Конечно. В чем дело?

А.Ф.: Боюсь, что вопрос не очень приятный, но вы знали, что ваш брат обрюхатил девушку, будучи учеником в Гриффине?

Ф.Э.: Нет. Конечно, нет – я же вам уже говорил.

А.Ф.: А не могло получиться так, что вы в это время были в Австралии?

Ф.Э.: Все равно я бы знал. Начнем с того, что мои родители просто озверели бы. Такого они скрыть не могли.

А.Ф.: Помнится, вы говорили, что тогдашнюю девушку вашего брата звали Дженни...

Ф.Э.: Да, говорил.

А.Ф.: Получается так, что ее звали Джинни, а не Дженни. Ее отец был итальянцем.

Ф.Э.: *Как скажете. Я не помню, чтобы у нее был какой-то акцент. Но, как вы сами сказали, большую часть года я провел в Австралии. Так, значит, это он ее обрюхатил – правильно я понимаю?*

А.Ф.: И мы полагаем, что она выносила ребенка, хотя ваш брат мог думать, что она сделала аборт. Так что у него был еще один ребенок. О котором Майкл ничего не знал.

Ф.Э.: Твою ж мать...

А.Ф.: Мы также предполагаем, что этот ребенок прошлым летом появился в Оксфорде и встретился с вашим братом. Вот только не знаем, признался ли он вашему брату в том, кто он. И я подумал, может быть, ваш брат рассказал вам, если это действительно произошло?

Ф.Э.: Ничего подобного. Как я уже сказал, для меня это новость. Майк мне ничего не говорил. То есть было видно, что на него что-то давит, но, черт побери...

А.Ф.: А как, по-вашему, он поступил бы в таком случае? Если бы к нему явился кто-то и заявил, что он его ребенок? Брат рассказал бы вам об этом?

Ф.Э. (со вздохом): Честно говоря – не знаю. Я хотел бы так думать, но, как я уже говорил, мы с ним не были очень близки. После того, как выросли из детских штанишек.

А.Ф.: Благодарю вас, мистер Эсмонд. По-моему, это все. Полагаю, что вы встретитесь с вашим адвокатом...

Ф.Э.: С моим адвокатом?

А.Ф.: По поводу этого давно потерянного ребенка. Согласно завещанию, он может претендовать на часть наследства. Если сможет доказать, что он действительно ребенок вашего брата.

Ф.Э. (после паузы): Черт побери... А ведь вы правы. Я подумаю.

А.Ф.: Тогда мы больше не будем занимать ваше время...

Ф.Э.: Минуточку. А такое разве не значит, что у этого ребенка – у него или у нее – тоже есть мотив? Ну, для того, чтобы сжечь дом? Боже, даже для того, чтобы...

А.Ф.: Чтобы убить? Естественно, мы рассматриваем такую возможность.

Ф.Э. (торопливо): Но тогда это значит, что Майк все-таки их не убивал? Я имею в виду Сэм и детей. Может быть, вместо него это сделал этот... этот человек? Он ведь мог убить их, так же как и Майка...

А.Ф.: Как я уже сказал, мы изучим эту новую информацию, а потом решим, можно ли исключить этого человека из списка подозреваемых. Мы еще не имели возможности переговорить с ним, так что пока это всего лишь наши догадки. Но не советую вам на что-то надеяться... Я знаю, почему вы хотите снять бремя вины с вашего брата, но у нас впереди еще очень много работы.

Ф.Э.: Да, да, понимаю... Но такое развитие событий возможно, не так ли? Ведь вы именно это хотите сказать?

А.Ф. (после паузы): Да. Возможно.

* * *

Когда раздается телефонный звонок, в ситуационной комнате находятся только Гислингхэм и Бакстер – при этом Гис стоит, просунув одну руку в рукав куртки.

– Отдел криминальных расследований, – отвечает он, прижимая трубку к уху.

– Могу я поговорить с детективом Сомер?

Голос кажется Гису знакомым, но он не может сразу вспомнить, где слышал его.

– Это Жиль Сумарес. Из полиции Хантса.

На лице Гиса появляется гримаса. Что этому козлу надо?

– Мне жаль, но она уже ушла домой. – Поколебавшись, решает – «да пошел он к черту» – и добавляет: – Кажется, у нее свидание. Вечер пятницы и все такое...

Но даже он вынужден признать, что на Сумареса это не производит никакого впечатления.

– Без проблем. А вы не оставите ей записку? Этот бродяга, с которым она так близко познакомилась – Тристрам... Мы привели его в себя и предъявили ему обвинение в порче имущества, но он предпочитает выдавать белое за черное и клянется, что это не он. Говорит, что когда появился там, то все уже так и было. – Какое-то время Сумарес молчит. – Подумал, что вам, ребята, это может быть интересно.

– Отлично, – говорит Гис, – уверяю вас, что «мы, ребята» вам очень благодарны.

И хотя Сумарес все еще продолжает что-то говорить, он вешает трубку и направляется к двери, бросая Бакстеру через плечо:

– Смотри, не переработай.

– Обязательно, – бормочет тот, и дверь за сержантом захлопывается.

* * *

– Согласен. Возможно, все именно так и было.

Я нахожусь в кабинете Гоу. Сам он ходит по комнате, собирает бумаги, которые кладет в сумку для ноутбука, и передвигает файлы на полках.

– Прошу прощения, – рассеянно говорит он. – Утром уезжаю в Кардифф на конференцию. Еще одна гребаная гостиница «Марриотт»... Для этого молодого человека – Гарри, Гарольда или как его там – было бы только естественно испытывать глубокую антипатию к человеку, бросившему его мать. И какую бы версию ему ни рассказывали все эти годы, маловероятно, что Майкл Эсмонд выглядел в ней приличным человеком. А вы, как и я, хорошо знаете, что детские впечатления остаются на всю жизнь, независимо от того, есть ли под ними реальные факты.

Это замечание попадает почти в цель, хотя Гоу об этом и не подозревает. Я о таких вещах предпочитаю молчать.

– А когда он вырастает и приезжает сюда, – он кладет в сумку еще один файл, – то выясняется, что его отец, образно говоря, сидит на куче денег, которыми вовсе не собирается с ним делиться.

– И если он рос в далеко не богатой обстановке...

– Вот именно. Вы можете легко представить себе, как он решает, что

настало время раскрыть всю правду. И получить причитающуюся ему часть.

– Но, даже если согласиться, что все так и было, сжечь дом с двумя спящими в нем детьми, двумя детьми, которых он *знал* и которые являлись его *сводными братьями*...

Гоу пожимает плечами.

– Одним из неоспоримых преимуществ поджога является то, что вам не надо смотреть в глаза своим жертвам, – сухо произносит он и окидывает офис последним взглядом. – Ну, кажется, всё. Позвоните, если что-то будет нужно. И сообщите, когда наконец отыщете синьора Марроне. Мне хотелось бы понаблюдать за ним.

* * *

3 января 2018 года, 17:59

6 часов до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– Какая скука... Это просто невозможно. Он все портит.

Мэтти сидит на краю постели. Рядом с ним – Гарри. Мэтти чуть не плачет.

Гарри слегка обнимает мальчика за плечо.

– Дай ему еще один шанс, – говорит он. – Я знаю, что он может вывести из себя, но он делает это не нарочно. Он еще не понимает...

– Все *всегда* это говорят. И это тоже *скучно*.

– Я знаю. И тем не менее это правда. Такова жизнь. Для всех старших братьев.

– Я его *ненавижу*. Хочу, чтоб он умер и все было бы как раньше. Тогда Ма меня любила.

– Она и сейчас тебя любит. – Гарри подвигается поближе. Голос у него мягкий и добрый. – Можешь мне поверить.

– Она со мной больше не разговаривает. Так, как раньше.

– Она просто немного расстроена, вот и всё. Но очень старается исправиться.

Мэтти смотрит на него, смаргивая слезы.

– Я бы хотел старшего брата. Такого, как ты.

– Я бы тоже хотел, – Гарри треплет мальчика по голове. – Семья – это вообще довольно странная штука. Никогда не знаешь, что может

выясниться в один прекрасный день...

– Ты о чем? Я не понимаю.

– Да так. – Гарри слегка качает головой. – За- будь.

Внизу, в холле, дедушкины часы начинают отбивать время.

– Ну, и где этот твой вулкан? Тот, о котором мне говорила твоя мамочка? Только знаешь что – я здесь прочитал в Интернете, что лаву можно сделать из пищевой соды и уксуса. По-моему, классно.

Мэтти смотрит себе на ноги. Он постукивает ими по основанию кровати.

– Мэтт?

– Он внизу, – отвечает мальчик тихим голосом. – На столе в столовой. Если только Захария его не сломал.

– Тогда пойдем вниз? – Гарри встает. – Проверим, есть ли у твоей мамы сода.

Мэтти пожимает плечами. Слезы переполняют его глаза и свободно текут по щекам.

Гарри быстро наклоняется, берет мальчика на руки и крепко прижимает к себе.

– Всё в порядке, – шепчет он ему в макушку. – Я никуда не денусь. Все будет хорошо. Вот уви- дишь.

* * *

– Можно, сэр? Я на минутку.

– Конечно, Адам. Присаживайся. – Харрисон непривычно бодр. Наверняка радуется, что высокие чины из университета от него отвязались.

– Я по делу Саути-роуд, сэр. Есть кое-что новенькое.

Рассказываю я быстро, а когда заканчиваю, бодрости у него резко убавляется.

– Значит, ты хочешь сделать официальное заявление, что мы пришли к выводу, что произошло само- убийство вместе с убийством, хотя мы ничего подобного не думаем?

– Мы пытаемся разыскать его...

– Этого... как его... Аральдо?

– Аральдо Марроне. Фамилия настоящая, а Аральдо – это итальянский вариант Гарольда, так что предположение вполне рабочее. Все дело в том, что, по нашему мнению, семья вернулась в Италию и он, вполне вероятно, родился уже там. Так что теперь мы пытаемся получить данные о его

рождении у итальянских официальных лиц.

Харрисон смотрит на часы.

– Уже семь, и сегодня пятница. Не думал, что ты попытаешься сделать это именно сейчас.

– Не хочу откладывать это до понедельника. Да и Бакстер не очень верит, что нужная нам информация у них оцифрована. По крайней мере, не данные двадцатилетней давности.

– Согласен. – Харрисон тяжело вздыхает. – Я тоже не стал бы делать на это ставку. Помню один отпуск в Италии, когда у меня конфисковали кредитную карточку, так как решили, что это какой-то способ мошенничества. И это было в девяностые, ты можешь в это поверить? В те дни надпись «Никаких пластиковых денег» стала всеобщей шуткой... – Он устраивается в кресле поудобнее. – Так ты думаешь, что если мы объявим дело раскрытым, то этот Марроне появится?

– Если он действительно поджег дом и все дело в деньгах, то есть в том, чтобы получить свою долю наличных. Это можно сделать, только если он объявится. Но он не станет рисковать, пока не убедится, что туман полностью рассеялся – а значит, его надо убедить в том, что мы уверены, что преступник – Майкл Эсмонд.

– А если он ничего не поджигал? Если все это действительно дело рук Майкла Эсмонда? Ведь ты до сих пор не сбрасываешь такой вариант со счетов.

– Да, сэр. До тех пор, пока у нас не будет достоверных доказательств невиновности Марроне. А их не появится, пока мы его не допросим.

Супер начинает вертеть в руках ручку.

– Я не очень люблю лгать налогоплательщикам, Адам. Доверие населения – вещь политическая и все такое... – Он вздыхает. – Но я полагаю, что существуют ситуации, когда цель оправдывает средства.

– Да, сэр. Думаю, что добропорядочные люди ждут, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы установить истину. Особенно когда речь идет о поимке особенно опасного убийцы.

Я вижу, как какое-то время он размышляет над услышанным, а потом выдает:

– Ладно, Адам, делай свое заявление. И будем надеяться, что оно сработает.

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Суббота, 20 января 2018 г. | Последнее обновление в 09:12

Полиция закрывает дело о пожаре в Оксфорде

Вчера вечером представитель полиции долины Темзы подтвердил, что поиски виновных в деле о смертельном пожаре на Саути-роуд 4 января с.г. прекращены. В результате пожара погибли четыре члена семьи Эсмонд. Считается, что поджог совершил сам Майкл Эсмонд как часть убийства-самоубийства, известного психиатрам под термином «уничтожение семьи». Эсмонд, 40 лет, работал в качестве научного сотрудника на факультете антропологии университета. В университете не стали комментировать слухи о том, что собирались подвергнуть Эсмонда серьезному дисциплинарному взысканию в связи с якобы сомнительным обвинением в сексуальном харрасменте.

Выступивший вчера детектив-инспектор Адам Фаули еще раз выразил свои соболезнования близким и друзьям погибших, выразив надежду, что теперь они обретут хоть какой-то покой. Он отказался комментировать информацию о том, что мужчина, найденный в доме на Саути-роуд, был еще жив, когда начался пожар. Он также отказался обсуждать будущее недвижимости на Саути-роуд. Девелоперы уже заинтересовались участком, который по площади занимает почти акр и расположен на одной из самых престижных улиц города.

* * *

Воскресенье. Вечер. День выдался просто роскошным – чистое голубое небо и теплые лучи солнца. Появились первые нарциссы. В дни, подобные этому, мы обычно гуляли в Мидоу-парке, заходили в Перч или

отправлялись в город и ели в ресторане на крыше Музея Эшмола. Все это я мог бы сделать и сегодня, но не сделал. Я в ужасе от того, что отсутствие Алекс в один прекрасный день может показаться мне нормальным. Что я смогу построить жизнь, в которой ей уже не будет места. Стать не тем, кого она любит. Или лю- била.

Моя жизнь замерла в преддверии Ада.

Я пытаюсь читать, но не могу продвинуться дальше первой страницы. На наше пятничное заявление не последовало никакой реакции. По крайней мере, полезной. Девелоперы и адвокаты-стервятники не в счет. Включаю телевизор, но в нем нет ничего, кроме королевской свадьбы^[105].

Когда начинает темнеть, я поднимаюсь наверх, чтобы задернуть шторы. Пустая комната. Комната Джейка. Наша спальня. Гардероб, в котором все еще висит большинство нарядов Алекс (что я пытаюсь расценивать как позитивный знак) и деревянная коробка из Индии, в которой все еще хранятся все драгоценности, которые я ей когда-либо дарил (что я считаю не менее позитивным). Бриллиантовые сережки, купленные мною на ее сорокалетие, жемчужное ожерелье, подаренное на десятую годовщину нашей свадьбы, платиновое кольцо, которое я вручил ей, когда родился Джейк. Широкое, безо всяких украшений, с переплетенными инициалами А., А. и Дж. Нашими инициалами, соединенными навечно. Так мне, по крайней мере, тогда казалось. И на это я надеялся.

Беру его в руки и чувствую холодок в пальцах. «Сколько же она его не носит?» – приходит мне в голову. Ведь Алекс сняла его в тот день, когда он умер. Как будто это могло положить конец воспоминаниям... А как же фотографии? Как же комната, полная игрушек, одежды и других вещей? Я верчу кольцо в руке, свет отражается от гравировки – инициалы настолько переплетены, что невозможно определить их по- рядок...

Невозможно понять, который первый...

Через пять минут я уже сижу в машине.

* * *

– Инспектор Фаули? Сэр?

Просыпаюсь, как от толчка, и не могу сообразить, где я. В помещении холодно. Голова раскалы- вается.

Надо мной обеспокоенное лицо Сомер. Часы на стене показывают 7.09 утра. Как такое могло произойти?

Я медленно сажусь, испытывая боль в каждом суставе.

– С вами всё в порядке, сэр?

– Всё прекрасно.

На столе передо мной стоит коробка из-под пиццы и упаковка пива «Бекс»^[106]. А еще блюдце, доверху заполненное сигаретными окурками. Совсем плохо. Я вяло машу рукой в сторону этого бардака.

– Э-э-э... а вы не могли бы...

– Ну конечно. – Она быстро ссыпает все улики в мусорное ведро и возвращается ко мне. – Я получила ваше послание. О встрече с утра пораньше.

Теперь я уже стою и массирую затылок.

– Мне бы надо сначала домой...

– А у вас появились какие-то новости, сэр? – Эрика смотрит на документы и фотографии по делу, сваленные на моем столе, на скомканные записки и липкие листки бумаги.

– Да, думаю, что есть. Поэтому я и пригласил вас всех.

Сейчас она стоит совсем рядом, и наши плечи почти соприкасаются. А потом раздается звук открывающейся двери, и я оборачиваюсь – это Гислинг- хэм.

Он останавливается и оценивает мое общее состояние, рубашку, которая выглядит так, как будто я в ней спал, и внезапно порозовевшие щеки Сомер.

– Твою мать, – чуть не заикается он и краснеет. – Я не знал...

Неожиданно мне приходит в голову – как это иногда случается, когда просыпаешься среди ночи, – что Гис решил, что между Сомер и мной что-то есть. Возможно даже, он уже давно обдумывает такую вероятность. И, возможно, он не один такой...

Полная хрень.

– Я здесь всю ночь, – быстро произношу я и, в свою очередь, краснею. – А констебль Сомер, как ты видишь, только пришла.

Он открывает рот, но продолжает молчать.

– Вот таким образом, – говорю я со всем возможным авторитетом, который только могу продемонстрировать в создавшейся ситуации. – А теперь я иду в душ. Соберите всех, сержант, хорошо?

* * *

К тому времени когда я возвращаюсь, вся ситуационная комната гудит

в ожидании моей информации. По крайней мере, мне хочется так думать.

– Итак, – говорю я, проходя вперед и указывая на фото, которое дал нам Дэви Джонс. Это фотография Гарри, который в золотых лучах солнца стоит перед обсерваторией Рэдклиффа, уперев руки в боки и повесив солнечные очки на шею. Имя которого, как все мы считали, является уменьшительным от Гарольда. Или я так считал. Только теперь мне кажется, что все это неправильно. Вот что ошарашило меня вчера вечером: имя «Гарри» не только в королевской семье может быть уменьшительным от совсем другого имени^[107]. – Этот человек, известный нам под именем Гарри Брауна, – сын Майкла Эсмонда и Джиневры Марроне, которая забеременела от него, когда ему было семнадцать, а ей – всего пятнадцать. Мы решили, что его итальянское имя – Аральдо, но, мне кажется, мы ошиблись. Думаю, что в его случае Гарри – это не уменьшительное от Гарольда, а уменьшительное от *Генри*, и поэтому его настоящее имя – *Энрике Марроне*. Благодаря завещанию бабушки Эсмонда у него был очень серьезный мотив поджечь дом на Саути-роуд. Более того, принимая во внимание, что его отец был младшим из братьев, поджог являлся единственным для него способом получить хоть что-то.

Я осматриваю сидящих в комнате. Вся эта информация принимается абсолютно спокойно – в ней нет ничего нового.

А вот в том, что я собираюсь сказать, – есть.

– Но есть еще кое-что, чего я не мог понять до вчерашнего вечера, хотя оно лежит на самой поверхности. Если имя Гарри – Энрике Марроне, то его инициалы – Э.М.

В комнате стоит гробовая тишина.

– То есть такие же, как у Майкла, только наоборот, – подает голос Гислингхэм. – Твою мать...

– Вот именно, – говорю я и указываю на фото печатки. – Э. М. Они выгравированы на кольце, которое было найдено на Саути-роуд. Они могут обозначать и М.Э., но с таким же успехом и Э.М. – Я возвращаюсь к первой фотографии. – И, как вы видите на этом фото, у Гарри на левой руке печатка из светлого металла.

Теперь люди начинают переглядываться друг с другом.

– Вчера вечером я приехал сюда и перерыл все фотографии, имеющие отношение к пожару на Саути-роуд, и ни на одной из них не нашел кольца на руке Майкла Эсмонда. Он даже обручального не носил.

– Но ведь Филипп узнал в этом кольце кольцо брата... – Эв широко открывает рот.

– Знаю, но это просто его слова.

– А зачем ему врать? – продолжает она и неожиданно замолкает. – Черт... это тело не Майкла, да? Это тело Гарри, а Майкл *все еще жив*...

Теперь говорят уже все. Я поднимаю руку.

– И именно поэтому я вытащил вас всех сюда в такую рань.

– Но разве вскрытие не должно было это показать? – задает вопрос Асанти. – То есть я хочу сказать, что если тело принадлежало такому молодому человеку, то патологоанатом должен был это заметить. Ведь по костям это должно было быть видно.

Я качаю головой.

– Я с этим уже встречался. Если тело очень молодое или очень старое, то можно определить его возраст по скелету. Но если человеку где-то между двадцатью и сорока пятью, кости отличаются не слишком сильно. А здесь мы говорим именно о таком возрастном периоде. Хотя вопрос хороший – молодец, Асанти.

Я смотрю на остальных членов команды.

– Нам надо все очень тщательно обдумать. Если Филипп Эсмонд намеренно ввел нас в заблуждение по поводу кольца, то, надо полагать, он хочет, чтобы мы считали Майкла Эсмонда умершим. Потому что хочет, чтобы мы прекратили его искать. А если Майкл действительно все еще жив – а пока все это у нас под очень большим знаком вопроса, – тогда Филипп, очевидно, помогает ему прятаться. В конце концов, у него есть собственная яхта – отличное место отлежаться какое-то время.

– Или исчезнуть из чертовой страны, – мрачно добавляет Куинн.

– Не думаю, что они это уже сделали. Филипп не может уехать, не похоронив тело. Если только он хочет, чтобы все поверили, что это Майкл. Они же не захотят вызывать никому не нужные подозрения.

– Мы можем связаться с Мариной^[108] в Пуле, – предлагает Гис. – И убедиться, что яхта на месте.

– Отлично. И предупреди их, чтобы ждали нас и не позволили этой гребаной лодке выйти в море.

– А остальным что делать, босс? – спрашивает Бакстер.

– Кольцо очень запоминающееся. Как можно скорее свяжитесь с Дэви Джонсом и проверьте, узнает ли он его. – Я осматриваю аудиторию – Констебль Асанти, вы можете взять это на себя?

– Конечно, сэр. – Он улыбается в ответ.

– Хорошо. Бакстер, свяжись с компаниями по аренде машин в районе Пула. Когда я последний раз видел Филиппа, он ездил на арендованном красном «Ниссане Джук» – думаю, что его номер нетрудно будет разыскать. А когда найдешь – сверься с камерами, распознающими номера,

и посмотри, возможно ли отследить передвижения Филиппа с того момента, как он сошел на берег.

– Уже делается, босс.

– Сомер, переговорите еще раз с техотделом относительно того звонка четвертого января, когда Филипп позвонил и говорил с вами.

– Но у нас же есть доказательство, что тогда он был посреди Атлантики... – Она хмурится.

– Я все помню. И хочу знать, где он был за день до этого звонка.

* * *

3 января 2018 года, 21:04

3 часа до пожара

Поезд компании «Сазерн Рэйл», рядом с Хэйвордс-Хит

Задержка такова, что пассажиры поезда уже дошли до ручки, а некоторые и до джина. Злиться бесполезно, приходится смириться. Они начинают общаться друг с другом, а одна маленькая девочка предлагает всем конфеты с лакрицей. Несколько человек поднимают глаза, когда по проходу во второй раз проходит мужчина в твидовом пиджаке. Его верхняя одежда выглядит вполне респектабельно, а вот вся остальная – в жутком состоянии. Рубашка торчит из брюк, под мышками видны пятна пота. Когда он проходит мимо пожилой темнокожей женщины, сидящей в самом конце вагона, рядом с местом проводника и стойкой для велосипедов, она слышит, как он бормочет себе под нос: «Неужели на всем этом гребаном поезде не найдется места, где можно было бы сделать приватный телефонный звонок?»

Женщина, качая головой и цокая языком, негромко обращается к своему мужу. Она не любит, когда люди ругаются. А уж такие люди, как этот, должны уметь держать себя в руках.

Спустя пять минут женщина вновь слышит его голос. Обернувшись, она понимает, что он говорит по телефону. Его голос тих, но энергию и страсть ни с чем не спутаешь.

– Я знаю, кто ты, – говорит мужчина. – Ты слышишь? Я знаю, кто ты. – Он качает головой. – Об остальном не по телефону. Встречаемся у меня в доме. Я должен вернуться к полуночи. Тогда всё и обсудим.

– Вы были правы, сэр. Когда усомнились в том, где был Филипп Эсмонд во время разговора со мной, – это Сомер говорит по громкой связи. Мы в машине Гислингхэма. Куинн сидит сзади и делает над собой нечеловеческие усилия, чтобы воздержаться от комментариев по поводу манеры вождения Гиса.

– Он не плыл на юг, как мы думали, – продолжает Эрика. – В тот момент он уже повернул назад. И направлялся в Соединенное Королевство.

– А когда лодка изменила курс?

– Насколько мы можем понять, это должно было произойти рано утром четвертого января.

– Значит, он знал, – негромко говорю я. – Он знал о пожаре задолго до того, как вы ему о нем ска- зали.

И задолго до того, как это появилось в новостях. Единственным человеком, кто мог ему об этом рассказать, был его брат. Майкл Эсмонд. Который не погиб в том пожаре. Который все еще жив.

– В то утро Филиппу позвонили с мобильного номера сразу после двух часов, – говорит констебль. – И, скорее всего, именно в это время он повернул. Звонивший находился в районе Саутгемптона. Угадайте с трех раз – где именно?

– Кэлшот-Спит.

– Точно. Так что свидетели, опознавшие Майкла, оказались в конечном счете правы. Он был в лачуге. Просто мы туда опоздали.

Я чувствую, как Гислингхэм ерзает на месте рядом со мной, и когда я поднимаю на него глаза, то вижу, как он хмурится.

– Хотя Филиппу Майкл звонил с другого номера. Не с того, с которого он звонил Гарри, когда застрял на поезде. Наверное, он его выбросил, испугавшись, что мы сможем его засечь.

Или – и мне это кажется более вероятным – об этом догадался Филипп, и именно он заставил Майкла выбросить телефон.

– Так чей же это был аппарат?

– А вот это самое интересное: он принадлежал мужчине по имени Йен Блейк. Тот сообщил о его краже тем самым утром четвертого января. Живет он в многоквартирном доме на Банбери-роуд, в полумиле от Саутироуд.

Наверное, я что-то пропустил.

– А как, черт возьми, аппарат попал в руки к Эсмонду?

Даже по телефону слышно, что она улыбается.

– Телефон лежал на переднем сиденье машины. Вы, наверное, не помните – этим занимался местный участок, – но именно у этого Блейка ранним утром того дня прямо от дома угнали машину. У него сменная работа в больнице Джона Рэдклиффа, и он оставил машину с включенным двигателем, чтобы та прогрелась. А когда вернулся, ее уже не было. Денег он тоже лишился – бумажник лежал в машине.

Так вот как Эсмонд добрался до Кэлшота... Он украл машину. То есть сделал то, что нам просто не могло прийти в голову. То, что никак не могло прийти в голову такому человеку, как Майкл. Если только он находился в здравом уме.

– А Эсмонд делал еще какие-то звонки с этого телефона?

– Нет, но в тот день он получил на него текстовое сообщение. Со спутникового телефона Филиппа. Я проверила время – тот послал его через *пять минут после разговора со мной*. Через пять минут после того, как я спросила его, что он знает о лачуге, а он ответил, что никогда о ней не слышал. Именно поэтому, сэр, Майкла там не было, когда мы туда добрались: брат успел предупредить его о нашем приезде.

Ну, и чтобы быть уверенным на все сто процентов, подождал еще почти три дня, прежде чем «вспомнить» о лачуге.

– Отличная работа, Сомер. Что-нибудь еще?

– Да. Констебль Асанти просил передать вам, что Дэви Джонс опознал кольцо. Сказал, что точно видел его на руке у Гарри.

– Поблагодарите его за службу.

– Обязательно, сэр. И еще Эверетт хочет с вами поговорить.

Минуточку...

В трубке слышится приглушенный шум, а потом раздается голос Эв:

– Я говорила с управляющим портом в Пуле, босс. Оказывается, Эсмонд стоит не в главной марине, а в одной из тех, что расположены на другом берегу. Понадобилось более получаса, чтобы определить, в какой именно, но теперь мы это знаем точно. Место называется Коббс-Квай. Тамошний менеджер говорит, что Эсмонд бросил якорь где-то во второй половине дня *седьмого января*. Предварительно он позвонил, сказал что-то об изменении планов и сообщил, что ему будет нужна стоянка.

Я пытаюсь сопоставить время, но Эв делает это за меня.

– Когда констебль Сомер говорила с ним седьмого января, Филипп сказал, что планирует вернуться где-то дня через два. Но он солгал ей. К тому времени он *уже был в марине*.

Я не выдерживаю и бью по торпеде машины. В тот момент у нас не

было никаких причин подозревать его, но все равно мы обязаны были проверить. Работать надо было более тщательно. Мне надо было быть более внимательным.

– Яхта точно еще на стоянке?

– Да, сэр. Менеджер в Коббс-Квай говорит, что в последние пару дней видел на борту по крайней мере одного мужчину. По его словам, довольно высокого и с темными волосами. Хотя видел он его с большого расстояния.

Филипп с Майклом очень похожи. По крайней мере, внешне. Но на этом их сходство не заканчивается.

– Попросите его сразу же сообщить нам, если яхта соберется отваливать. Правда, если все будет хорошо, мы сами будем там в течение получаса.

– Даже меньше, – говорит Гислингхэм, когда я разъединяюсь. – Мы уже проехали Истлейт.

Он продолжает хмуриться.

– Всё в порядке?

– Все хорошо, – отвечает Гис и смотрит в зеркало заднего вида, прежде чем пойти на обгон. – Кажется, я забыл сказать вам, что звонили из полиции Хантса.

– Правда?

– Был уже конец дня пятницы. Я практически стоял на пороге, собираясь уходить. Звонил инспектор, с которым вы разговаривали. Сумарес. Он сказал, что бездомный, которого мы нашли в хибаре, утверждает, что дверь была взломана еще до него.

– Что ж, все совпадает. У Майкла Эсмонда не могло быть ключа от той двери.

– Не могло, босс.

И все равно здесь что-то не так, хотя я не смог бы определить, что именно, даже по приговору суда.

Но тут раздается звонок моего телефона.

4 января 2018 года, 00:05

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Когда Гарри добирается до дома, Майкл уже ждет его. Он молча открывает дверь, а потом сразу же проходит в гостиную.

– В чем дело? – беспечно спрашивает Гарри. – Какая-то непонятная таинственность – «встречаемся в полночь» и все такое...

– Поезд задержался.

Майкл закрывает за ними дверь. Он не включал электричество. Только бледный свет уличного фонаря бросает длинные узкие тени на занавеси и на пол. В по-лумраке Майкл выглядит другим. Станным. В помещении ощущается, как натянуты его нервы. Он уже успел приговорить полбутылки виски. Впервые Гарри становится не по себе. Возможно, приходиться сюда не стоило...

– Что вам надо? – Теперь голос Гарри звучит вовсе не беспечно. – Мне надо зайти еще кое-куда...

– Я знаю, кто ты, – говорит Майкл.

– Послушайте...

– И не смей этого отрицать. Я знаю, кто ты. И что бы ты ни хотел получить – сразу говорю тебе: ты ничего не получишь!

– Да неужели? – Гарри удивлен. – Вы в этом уверены? Я ведь говорил с юристом...

– Мне наплевать, с кем ты говорил. Я не позволю тебе разрушить мою жизнь. Ты не имеешь права...

– А я думаю, вы скоро поймете, что у меня есть все права...

Майкл придвигается к нему. Гарри чувствует запах перегара. В глазах Майкла есть что-то дикое. Гарри пятится назад.

– Послушайте, мы можем поговорить об этом, но не сейчас. Не тогда, когда вы...

– И когда же «не тогда»? Можно поточнее?

Гарри чувствует, что уперся спиной в стену. Майкл стоит так близко, что он чувствует на себе его дыхание. Гарри поднимает руки и отталкивает Майкла.

– Вы не в себе...

– Это ты прав – я действительно не в себе. Во всех смыслах этого гребаного слова, твою мать...

Он никогда не выражается.

Он никогда не выражается.

– Я ухожу, – заявляет Гарри и поплотнее запахивает куртку. – Мне вообще не стоило приходиться.

– Вот в этом ты, мать твою, абсолютно прав, – палец Майкла упирается в грудь Гарри. – Так почему бы тебе не собрать все свое барахло и не исчезнуть в той ублюдошной дыре, из которой ты вышел?

Гарри тоже делает шаг ему навстречу. Он говорит тихим голосом, в котором ясно слышится угроза:

– Что ж, если я, как вы говорите, вышел из дыры, то по чьей милости я в нее попал? Все это гены, и от них никуда не денешься. Я хочу сказать, вы

посмотрите на самого себя: жена на шаг от психушки, сын – одна сплошная проблема, а вы этого даже не замечаете.

– Не смей говорить о моей семье в таком тоне...

– Вы что, всё еще ничего не поняли? Это *не только ваша семья*. Теперь она и *моя тоже*. И я за последние шесть месяцев сделал для нее больше, чем вы – за целых шесть гребанных *лет*. Посмотрите на беднягу Мэтта – сколько раз вы обещали ему сделать что-то вместе и в последний момент кидали его? Потому что возникало что-то более важное, так? Более важное для вас – для вас, и для вашей карьеры, и для вашей очень важной работы, из которой, как я понимаю, вы умудрились устроить такую хрень, что вас скоро вышибут коленом под зад.

– Я предупреждаю...

Майкла покачивает, язык у него заплетается. Он слишком пьян для активных действий. По крайней мере, так кажется Гарри.

И это не единственная его ошибка...

* * *

В Пуле ярко светит солнце, но холодно. Канаты хлопают по фибerglassовым корпусам лодок. Кричат чайки. Высокие облака плывут по чистому синему небу. Я полной грудью вдыхаю соленый воздух и думаю – уже не в первый раз, – что мне надо чаще выбираться из Оксфорда.

– Лучшего места для того, чтобы спрятаться, не найдешь, даже если очень постараться. – Куинн цокает языком, захлопывая за собой дверь и демонстративно разминая ноги.

И в этом он прав. Должно быть, летом это место превращается в полный бедлам – клуб, мелочная лавка, новые блестящие яхты, выставленные в ряд на продажу, – но в данное время года здесь практически никого нет. Впрочем, даже если бы это было не так – понтонные пирсы уходят в воду на двести-триста ярдов^[109], так что, если ваша яхта пришвартована в самом конце, вы можете жить на ней неделями, и вас никто не заметит. Место, пожалуй, даже слишком идеальное.

Мы идем к воде. Скорее всего, менеджер давно наблюдает за нами, поскольку дверь офиса уже открыта. В стороне я вижу на парковке ярко-красный «Ниссан Джук».

– Детектив-инспектор Фаули? – Менеджер смотрит на нас троих, но обращаясь прямо ко мне. Наверное, я должен быть польщен. – Я Дункан Райт. Слежу за ней с того момента, как вы позвонили, но никакого

движения на «Фридом-Два» я не заметил.

– А где сама яхта?

– Стоянка Эс-тридцать один, сэр. Вон там. – Он показывает пальцем.

Наверное, Коббс-Квай – марина элитарная, потому что все яхты, мимо которых мы проходим, находятся в отличном состоянии. Полированное дерево. Выдержанные в одной цветовой гамме паруса. Хром, сверкающий в лучах зимнего солнца. И в конце всего этого великолепия на волнах покачивается «Фридом-2». Все это похоже на рекламу из воскресного приложения. Я уже думал над ее названием, когда услышал его впервые. Тогда мне показалось, что оно звучит как жизненное кредо подростка. Как будто Филипп отрицает тот выбор жизненного пути, который сделал его брат. И выбирает свободу делать все, что ему заблагорассудится, свободу вырваться из-под гнета ожиданий семьи. Но, зная то, что мне известно теперь, зная, какую жизнь вели двое мальчиков, в каком доме они жили, я уже не так уверен в своих выводах. Как и все то в этом деле, что лежит на самой поверхности, может оказаться гораздо серьезнее, чем выглядит на первый взгляд.

Возможно, все утро на лодке действительно не было видно никаких признаков жизни, но сейчас они налицо. К тому моменту, когда мы подходим к яхте, он уже ждет нас на носу судна. Морская кофта с капюшоном, дутовая куртка, очки «Рэй-Бан».

Это Филипп Эсмонд.

– Инспектор. – Мужчина снимает очки. – А я и не знал, что вы приедете...

– Мы тоже не знали, мистер Эсмонд...

Он смотрит на Гислингхэма, Куинна, а потом вновь на меня.

– Что случилось? Есть какие-то новости?

– Можно сказать и так, – голос Куинна полон сарказма. – Вы не могли бы сойти на берег, мистер Эсмонд?

– Но...

– Прошу вас.

– Ладно, – соглашается он с тяжелым вздохом и поднимает руки. – Если вы настаиваете.

Он сходит на причал, а на яхту, проскользнув мимо меня, поднимается Гислингхэм, который скрывается в каюте.

– Когда вы впервые появились в участке, вы сказали моей сотруднице, что только что вернулись в Англию. И приехали в Оксфорд сразу же после того, как бросили якорь.

– И что? – Эсмонд хмурится. – Какое это имеет отношение к...

– Все дело в том, что вы бросили якорь на целых три дня раньше. Седьмого января.

Его лицо слегка напрягается.

– Не вижу разницы. У меня были свои дела...

– Правда? – уточняю я. – «Дела», которые включали в себя поездку в Кэлшот-Спит за братом, чтобы привезти его сюда?

– Это просто смешно – я же уже говорил, что напрочь забыл об этом чертовом месте.

– Сильно сомневаюсь, мистер Эсмонд. Судя по фото, которые мы нашли на Саути-роуд, в детстве вы бывали там не менее десяти раз. Так что забыть это было бы трудновато. Если, конечно, у вас не было на то очень веской причины...

– Вы ничего не докажете – все это только ваши домыслы.

– Напротив. Полиция Хантса уже разыскала машину, украденную вашим братом и брошенную меньше чем в миле от той хибары. Что же касается вас, то, пока мы здесь с вами беседуем, мои сотрудники проверяют камеры распознавания номеров. Так что мы обязательно выясним, где вы были, – это вопрос только времени. И в чем же заключался ваш план? Отсидеться, пока не пройдут похороны, а потом вернуться в Хорватию и уже оттуда затребовать деньги, полагающиеся по завещанию, и организовать вашему брату новую жизнь?

Из кабины появляется Гис и качает головой.

– Его здесь нет, сэр.

Я делаю шаг в сторону Эсмонда.

– Давайте не будем всё усложнять. Я могу арестовать вас прямо здесь и сейчас, если захочу. Мы знаем, что Майкл жив и что вы пытаетесь его защитить. У меня тоже есть брат, и я вас понимаю. Но все кончено. И для всех будет лучше, если вы скажете всю правду. Лжи и так уже достаточно.

Эсмонд отворачивается, делает глубоких вдох, а потом тяжело и со всхлипом выдыхает воздух.

* * *

4 января 2018 года, 00:09

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– А Сэм? – говорит Гарри. – Она сидит безвылазно в этом мавзолее днями и ночами. Ни работы, ни друзей, только и знает, что подтирать

задницу Захарии да истово ждать, когда появитесь вы. Неудивительно, что она не вылезает из этой гребаной депрессии, неудивительно, что она ищет хоть какое-то утешение на стороне...

Еще не успев закончить фразы, Гарри понимает, что зашел слишком далеко.

– Простите, – запинается он, – мне не стоило это говорить...

Но слишком поздно. Слово не воробей.

– Значит, он твой... – Глаза Майкла превращаются в щелочки. – Ты это мне хочешь сказать?

– О чем... о чем вы говорите?

– Об этом гребаном ребенке – вот о чем.

– Твою мать, – Гарри с трудом сглатывает слюну, – я не знал...

– Она твоя мачеха, грязный ты извращенец...

– Нет, вы всё не так поняли, – глаза Гарри расширяются. – Черт, да как вы могли подумать...

Бутылка виски, может быть, и пуста наполовину, но она все еще достаточно тяжелая и удобно лежит в руке.

Первый удар отбрасывает Гарри назад; по его шее льется кровь.

– Мерзавец, – шипит он, сползая по стене, – гребаный подлый мерзавец...

* * *

– Ведь в доме мы нашли не Майкла, мистер Эсмонд, не так ли? Это был Гарри. Или, точнее, Эн-рик?

– Вы и это знаете... – Филипп все еще стоит, повернувшись ко мне спиной.

– Мы знаем, что у вашего брата была связь с Джиневрой Марроне и что она родила ребенка. И мы знаем также, что в прошлом году Гарри, в поисках своего отца, появился здесь. И что именно его тело мы нашли на руинах Саути-роуд.

Филипп медленно поворачивается и смотрит на меня. Куинн держит в руке мобильный с включенным диктофоном.

– А не знаю я вот чего, мистер Эсмонд, – продолжаю я, заставляя его посмотреть мне в глаза. – Насколько хорошо вы знакомы с тестом ДНК?

– Не понимаю, о чем вы. – Он явно сбит с толку.

– Наша лаборатория дала заключение, что тело, найденное в доме, принадлежало Майклу, потому что ваши ДНК совпали настолько, что он

вполне мог быть вашим братом. И вы это знали, не так ли? Именно поэтому так жаждали дать нам образец своей крови. Вы изучили вопрос и знали, к какому выводу мы неизбежно придем. Но все дело в том, что это не единственная возможность, не так ли? Есть, по крайней мере, еще один родственник, сравнение с которым может дать тот же результат.

Теперь он молчит. И, не отрываясь, смотрит на меня.

– Как давно вы узнали, что Гарри – ваш сын?

* * *

15 июля 2017 года, 14:09

173 дня до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– Хотите, чтобы я это доказал? Хотите сделать тест?

Они стоят в дальнем конце сада. Возле сарая и компостной ямы, над которой в июльской жаре вьется целая туча мошкары. Дальше на лужайке в шезлонге дремлет Сэм, а мальчики гоняют мяч.

В ожидании ответа Гарри смотрит на него.

– Я спросил – хотите ли вы сделать тест, потому что сам я не возражаю. Мне *скрывать нечего*.

– Дело не в том, что я тебе не верю...

– Вы просто не уверены, кто папочка, правильно? – Лицо Гарри каменеет. – То ли вы, то ли ваш маленький братец...

– Ты не понимаешь...

– Да все я прекрасно понимаю. Я *понимаю*, что он трахнул мою матушку, а потом к ней присоседились и вы... Вот что я *понимаю*.

– Все было не так. – Филипп вздыхает.

– А как же все это было? – Гарри приподнимает бровь. – Перепихтин на скорую руку на заднем сиденье авто? Подстерегли момент, когда она старалась забыть прежнюю любовь?

– Она знала, что делает – ее навряд ли можно было назвать... – Филипп останавливается, сконфуженный.

– Девственницей, да? Вы это хотите сказать? Конечно, нет – ваш братец об этом позаботился.

– Я хотел сказать вовсе не это – я хотел сказать, что она была достаточно взрослой для своего возраста, – и сама принимала решения...

– Ей было всего пятнадцать, твою мать... *Пятнадцать!*

– Я знаю. Послушай, тебе придется мне поверить. – Филипп краснеет. – Если бы я знал, что она беременна...

– И что? Вы бы на ней женились? Не смешите меня... Ваш папочка все решил бы.

– Я о деньгах. Я мог бы дать ей денег.

– Вы дали бы ей денег, чтобы она избавилась от меня, – голубые глаза превращаются в две льдинки.

– Не говори глупостей. Ты же знаешь, что я не это имею в виду. Если бы я знал, то нашел бы правильный выход.

– Да вы не волнуйтесь. – Гарри горько усмехается. – У вас еще будет шанс. Я – ваш сын. Старший сын старшего сына. А это значит, что все это – мое.

Он показывает рукой на дом. Филипп видит, как из своего кабинета появляется Майкл и подходит к жене. Та смотрит на него, заслонившись рукой от солнца. Они обмениваются парой слов, после чего он раскладывает еще один шезлонг и устраивается рядом.

– Я попросил юриста изучить завещание, которое нашел здесь, – говорит Гарри. – Готов поспорить, душеприказчики не знают, что ваш брат живет здесь, так ведь? Более того, готов поспорить, что вы даже не удосужились испросить у них разрешения.

– У нас с ним неформальное соглашение. – Филипп краснеет.

– То есть это означает, что я прав. Мой юрист считает, что у него нет права жить здесь. Вот если здесь не хотите жить вы, то это ваше решение, но после этого право на жилище переходит ко мне, а не к нему. Что же касается меня, то я жду уже достаточно долго. Так что наступила моя очередь. И именно поэтому я приехал. В поисках вас.

– Но ты же не думаешь, что я немедленно выкину их со двора? Это уже чересчур.

– *Чересчур* было оставить пятнадцатилетнюю девочку с ребенком на руках. *Чересчур* было расти в нищете, потому что семья твоей матери отказалась от нее. *Чересчур* было узнать, что твой папаша купается в деньгах, но при этом не послал тебе ни одного гребаного пенни...

– Мы в деньгах не купаемся. Не купались раньше и уж точно не купаемся сейчас.

– Отлично. Как уже сказал, я хочу получить то, что мне положено. Свою честную долю.

– Тебе придется подождать какое-то время. – Филипп снова вздыхает. – Все это... все это как гром на голову – я просто в шоке... А ты, так же как и я, прекрасно знаешь, что ему сейчас тоже очень непросто.

– Ладно, понял. Я не собираюсь осложнять жизнь Сэм и мальчишкам, если только это в моих силах. На вас мне, честно говоря, наплевать, но они... они стали частью моей семьи.

– Я поговорю с ним, когда будет подходящий момент, – обещаю.

– Шесть месяцев, – говорит Гарри, вновь включая газонокосилку. – Даю вам шесть месяцев. Если к тому времени вы ничего ему не скажете – я сделаю это сам.

* * *

– И когда же вы сказали?

– А я так и не сказал. – Филипп опять отворачивается.

– Вы так и не сказали Майклу, что Гарри – ваш сын? Вы не сказали, что ему с семьей придется убраться из дома?

– Не было подходящего момента. Майк и так был по горло в дерьме. Все эти проблемы с Сэм, с Ма, вся эта грязь на работе... Мне казалось, что он уже на пределе.

– То есть вместо того, чтобы решить эти проблемы, – я вздыхаю, – вместо того, чтобы ответить за свои собственные действия, вы решили отправиться в Хорватию и оставить все это дерьмо позади?

– Все было не так, – быстро отвечает Эсмонд.

– А как все было? Потому что я боюсь, что со своей точки зрения...

– Я поговорил с душеприказчиками, – отвечает Филипп. – В июле. Прежде чем уехать из Англии. И спросил, прав ли Гарри в своих предположениях.

– И?..

– Они практически подтвердили то, что он сказал, – на лице Эсмонда появляется гримаса. – Сказали, что если Гарри хочет жить в этом доме, то они не видят причин отказать ему – конечно, в том случае, если Гарри докажет, что он мой сын. Наилучшим решением они назвали его совместное проживание в доме вместе с Майклом, но шанс на то, что это сработает, был нулевым. Даже если бы они оба пришли к соглашению.

– Вы сделали тест ДНК?

– Да. – Он кивает. – Но это была простая формальность. Я знал, что Гарри говорит правду. Он выглядит – выглядел – в точности как Джинни.

Он вновь смотрит куда-то вдаль, за мое плечо. В сторону залива.

– Но Майкл каким-то образом обо всем узнал, так? Как это произошло – ему сказал Гарри?

– Нет. – Эсмонд качает головой. – Мне удалось убедить его дать мне еще время. Но Майкл сам обо всем догадался. В ту ночь, когда звонил мне из этой лачуги, он сказал, что слышал, как Гарри рассказывал Сэм о каком-то пудинге, который его мать обычно готовила на Рождество. Такое блюдо готовят только в Пуглии^[110]. Майк помнил, что ел нечто подобное в доме Джинни. Таких совпадений не бывает. А тут еще эта гребаная татуировка...

По моему лицу он видит, что я не понимаю, о чем идет речь.

– У Гарри на груди была татуировка. Ягоды можжевельника. Он сказал Майклу, что это в честь его матери. Ее имя значит «можжевельник».

– Понятно... То есть, хоть Гарри и не говорил ничего в лоб, он не слишком хранил этот секрет, не так ли?

– Он рискованный парень, – лицо Филиппа мрачнеет. – Как и его отец. Мне кажется, что он получал удовольствие от опасности.

Какое-то время мы просто стоим и смотрим друг на друга. Я чувствую теплые лучи солнца у себя на спине, причал слегка покачивается у меня под ногами.

– Как умер Гарри? – спрашиваю я ровным голосом.

– Когда Майк позвонил мне в ту ночь, он был совершенно не в себе. – Филипп тяжело вздыхает. – Я с трудом разобрал, что он говорит мне, и не поверил ему. Речь шла о том, что Гарри мертв и что Майкл якобы *убил* его... – проводит рукой по волосам. – Он сказал, что они поспорили, что Гарри сказал ему, что у него интрижка с Сэм, и Майкл решил, что ребенок – его. Думаю, что это была последняя капля. В какой-то момент у него просто вынесло мозг.

– А это правда – насчет интрижки?

– Не знаю. – Филипп пожимает плечами. – Она была такой несчастной и одинокой... Думаю, что я могу представить себе, как все это произошло...

– И Майкл попытался скрыть следы своего преступления, устроив пожар в доме. В котором спала его ни в чем не повинная семья...

– Но он ведь *об этом не знал*, – быстро отвечает Эсмонд. – Ведь они должны были быть в Ливерпуле. На каком-то там шоу. В честь дня рождения Мэтти. Вам придется поверить мне на слово.

– Я вам верю, – мягко отвечаю я. – Она прислала ему информацию на мобильный, в которой сообщила, что Захария заболел и они уже дома.

Но до сего момента я не понимал, что это означало в действительности.

– Он же потерял телефон и так и не прочитал это послание...

– Знаю. Телефон нам передали. И мы знали, что он его потерял.

А все остальное поддается проверке. И вдруг, несмотря на всю эту кучу дерьма, я чувствую какое-то облегчение. Он никогда не хотел их убить. Да, он уничтожил свою семью, но сделал это непреднамеренно.

– Послушайте, – говорит Эсмонд, – Майкл не в себе после того, что произошло с Сэм и детьми; на дом ему наплевать. Он только притворялся, что любит его, а в действительности это было колоссальное ярмо у него на шее – у них на шеях...

Я вспоминаю кабинет в саду. Все в нем было прямо противоположно тому, что было в доме: и цветочное решение, и мебель, и свет, и атмосфера... Дом вовсе не являлся драгоценным наследством. Он даже не был домом в полном понимании этого слова. Он всегда был тюрьмой. Проклятием.

– Где же он, мистер Эсмонд?

Филипп открывает рот и вновь закрывает его.

– Не знаю, – отвечает он наконец. – Когда я услышал ваши шаги, то подумал, что это, должно быть, Майкл. Он уже должен был вернуться...

Филипп вновь смотрит в сторону залива, и теперь я вижу, что он искренне обеспокоен.

– Он пошел в ту сторону? – спрашиваю я, проследив за его взглядом.

– Около часа назад.

Но я чувствую, что он что-то недоговаривает.

– В чем дело, мистер Эсмонд?

– Когда Майкл узнал про Гарри, – Филипп с трудом сглатывает, – когда понял, что Джинни – его мать, он решил, ну, вы меня понимаете...

Вот она и появилась – последняя часть головоломки.

– Он решил, что Гарри – его сын. А не ваш.

– Понимаете, он никогда не догадывался, что у нас с ней была связь. – Эсмонд багровеет. – То есть я хочу сказать, что это и было-то всего пару раз. Я и не думал, что это может играть какую-то роль.

Но «пара раз» может. «Пара раз» может означать жизнь или смерть.

– А когда он поехал в Брайтон, чтобы поговорить с Мюриэль, – Эсмонд вздыхает, – та все время говорила об «этом мальчишке Эсмондов». Так что Майку и в голову не могло прийти, что она имеет в виду меня.

Нам она сказала абсолютно то же самое. И я пришел к точно таким же выводам.

– Он что, все еще продолжает так думать?

Эсмонд смотрит на меня, а потом отводит глаза. От стыда у него безрадостный вид.

– Он практически не говорил со мной с того момента, как появился здесь. Мне казалось, что большего он уже не выдержит.

– Так что же произошло сегодня утром?

– Я пошел за едой, а когда вернулся, он сидел с моим «Айпэдом». Я прятал его в вещах, но ему как-то удалось отыскать его. И там была эта история в новостях – на Би-би-си...

– ...в которой говорилось, что мужчина, умерший на Саути-роуд, был еще жив в момент начала по-жара.

– Майкл был в жутком состоянии, – кивает Эсмонд. – Говорил, что от этого все стало только хуже; что если бы он знал, что Гарри жив, то никогда не поджег бы дом, и что все они были бы теперь живы. У него началась истерика – он стал говорить, что видел его, что видел Мэтти. Хочу сказать, что к тому времени меня уже серьезно волновало его психическое состояние – мне казалось, что Майкл сходит с ума... А потом он вроде бы успокоился и сказал, что ему надо проветриться, что он слетает с катушек, сидя на лодке двадцать четыре часа в сутки, и что ему надо прочистить мозги.

– И вы его отпустили?

– А что мне было делать? – Фидипп печально пожимает плечами. – Он сказал, что хочет побыть один.

По-видимому, Гис заметил что-то на берегу залива, потому что он машет мне, и я, повернувшись, вижу бегущего в нашу сторону человека. Но это не Майкл Эсмонд. Это менеджер марины.

* * *

4 января 2018 года, 00:12

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– Послушайте, – Гарри чуть не задыхается, – я не спал с Сэм – клянусь вам, – и она... вы точно все не так поняли...

Он хочет встать – и вновь тяжело сползает по стене. В панике пытается на четвереньках добраться до выхода. Майкл какое-то время наблюдает за ним, а потом медленно обходит, останавливается у него на пути и, глядя на него сверху вниз, блокирует ему путь.

– Так что же я понял не так?

Руки Гарри подламываются, и он перекатывается на спину. Грудь его тяжело вздымается; кровь течет по волосам, по лицу, попадает в рот.

– Я... не... ваш... сын – что бы вы ни думали... я приехал не к вам... а к Филиппу...

Но если Гарри думает, что после этого весь этот кошмар прекратится, то он глубоко ошибается.

Майкл смотрит на него, и вдруг страх, в котором он жил все эти последние недели, превращается во что-то гораздо более ужасное. Этот человек не просто вошел в его семью, украл его любовь и занял его место – теперь он собирается забрать у него дом, разрушить его жизнь, разрушить все, что он создавал годами...

И тут, на один короткий момент, ощущение горлышка бутылки в руке превращает Майкла в свободного человека. Свободного от самого себя, от того человека, в которого он должен был, по всеобщему мнению, превратиться, да так и не превратился... Свободного в своей злобе и мстительности. Свободного плюнуть на все и вести себя так, как будто...

Наверное, в его лице что-то меняется, потому что Гарри опять пытается отползти подальше, но тело ему уже не подчиняется, а слова, которые он хочет произнести, захлебываются в потоке крови. А потом Гарри чувствует ногу на шее, и вес, давящий на нее, становится с каждым мгновением все тяжелее и тяжелее – его лицо касается пола, во рту собирается желчь, легким не хватает воздуха, а глаза застилает тьма...

* * *

– Инспектор, – кричит менеджер, подбегая на расстояние слышимости. Он тяжело дышит. – Один из владельцев сообщил, что у него украли надувную лодку. Я решил, что вам надо об этом знать.

– Когда это случилось?

– Не больше часа назад. А может быть, и меньше.

Филипп Эсмонд смертельно бледнеет.

– Ваш брат представляет себе, как надо обращаться с такими вещами?

– Сомневаюсь. – Он качает головой. – Брат никогда не ходил под парусом – он ненавидит воду.

Я поворачиваюсь к менеджеру.

– Если он направляется в открытое море – как его можно остановить?

– Черт, – глаза менеджера широко раскрываются, – у любителя нет никаких шансов в этой гребаной лодчонке...

– Я спросил, как его остановить?

– Для того, чтобы выйти отсюда в море, ему придется пройти по Литтл-Чэннел – он как раз за спасательной станцией. Если он все еще по эту сторону моста, эти ребята, возможно, смогут его перехватить, – но если

он уже за мостом... Это будет гораздо сложнее.

– Как далеко до спасательной станции?

– По дороге – минут десять, может быть, даже меньше...

Гис и Куинн уже бегут к машине.

– Я с вами, – говорит Эсмонд.

– Позвоните им, – кричу я менеджеру, двигаясь в сторону залива, – предупредите, что мы встретимся с ними там и чтобы они следили за этой лодчонкой.

– Минуточку, – кричит он в ответ, – а как выглядит тот парень?

– Вот как он. – Я указываю на Эсмонда. – Он похож на него.

* * *

4 января 2018 года, 00:22

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Захария садится в постели. Снизу доносятся голоса. Он вылезает из кровати и крадется к двери. Это действительно голоса. Голос Гарри. И папочки! Мамочка сказала, что папочка еще не возвратился, но Захария уверен, что слышит его голос. Может быть, это сюрприз... Может быть, ему не положено об этом знать. Захария любит сюрпризы. Он любит сюрпризы, подарки, пиратов и шо- колад.

Малыш открывает дверь и на цыпочках крадется к перилам лестницы. Теперь голосов не слышно. Он опускается на пол и смотрит вниз. И видит его. Папочку. В пальто. Но выглядит тот очень смешно. Просто стоит. Вроде бы сердитый и в то же время вроде бы грустный. Захария уже собирается позвать его, но папочка вдруг поворачивается и идет на кухню. Захария слышит, как открывается задняя дверь, а через несколько минут папочка возвращается. Он что-то несет в руках. Проходит в гостиную, и Захария слышит звуки выплескивающейся воды. Такие же, как слышал, когда они играли в надувном бассейне, когда приезжал дядя Филипп. Может быть, это и есть сюрприз? Он придвигается ближе к краю лестницы и смотрит сквозь перила. Слышится смешной звук «пшик», и в гостиной вдруг появляется хорошенький желтенький огонек. Он похож на костер, который разжигал Гарри, показывая свои фокусы. Тогда Захарии понравилось. Было весело.

Вновь появляется папочка. Теперь он не выглядит таким грустным. Он выглядит так, будто зубной врач сказал ему, что придется вырвать зуб, а

потом не стал его вырывать. Захария наблюдает, как папочка не спеша оглядывает холл, а потом выходит на улицу. Входная дверь закрывается за ним, и слышны его шаги по гравию.

Захария встает и начинает медленно спускаться вниз, преодолевая по одной ступеньке за раз и держась одной рукой за перила. За ним тянется его любимое синее одеяльце.

* * *

С визгом тормозов мы останавливаемся около спасательной станции. Лодка уже спущена на воду. Один из членов команды подбегает ко мне. Начинает задуть ветер. Может быть, в канале и тихо, но в открытом море волнение уже вполне солидное.

– Инспектор Фаули? Хью Рэнсом. Мы думаем, что ваш человек уже вышел на воду. Один из парней думает, что видел это суденышко минут пятнадцать назад. – Он окидывает взглядом нас четверых. – Мы можем взять с собой только двоих.

– Поедем мы, – быстро говорю я, – с мистером Эсмондом. Мои офицеры свяжутся с полицией Дорсета. Проследите, чтобы они были в курсе происходящего.

Рэнсом кивает и поворачивается к катеру.

– Тут у нас есть спасательные жилеты и каски, – кричит он через плечо. – И давайте не спорить...

Пока мы с шумом спускаемся по трапу, на причале собирается небольшая толпа. В катере сидят двое – мужчина и женщина в одинаковых белых шляпах и светоотражающих жилетах. Мотор уже работает, и мы бросаемся в погоню, как только надеваем свою униформу. Не буду говорить о том, что Эсмонд одевается быстрее, чем я.

– А ваш человек знает, что делать, если случится беда? – кричит главный спасатель, стараясь перекрыть уханье волн и тарактенье мотора.

Филипп качает головой.

– Даже если на борту будут сигнальные факелы, он не сможет их различить.

– А плавать он умеет?

Эсмонд кивает:

– Но плохо.

В узком канале мимо нас в обоих направлениях движутся лодки и паромы – от них поднимается волна, которая сильно бьет в борт катера, но

мы чувствуем себя гораздо увереннее, чем какая-то крохотная посудина. По лицу Филиппа я понимаю, что он думает о том же самом.

А потом мы выходим на оперативный простор, и доки, и промышленные предприятия постепенно скрываются из вида, так же как и леса, покрывающие противоположный, низкий берег. Вода сверкает в лучах зимнего солнца, вдали какая-то яхта пытается идти против ветра, но больше я ничего не вижу. Рэнсом в бинокль изучает залив.

– Ну что? – спрашиваю я.

– Вон там, – указывает он, опуская бинокль.

* * *

4 января 2018 года, 00:43

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Когда Мэтти открывает глаза, он сразу же понимает: что-то случилось. В воздухе пахнет горелым. Он садится на кровати. И опять слышит это – нечеловеческий крик, который вырвал его из сна.

Захария.

Мэтти выпрыгивает из кровати и выбегает на площадку. Сверху он видит брата, который находится внизу, в холле. Тот спотыкается и визжит – визжит жутко, нечеловеческим голосом... Мэтти никогда не слышал ничего подобного.

Пижама на ребенке горит. Его кожа тоже горит...

– Иду! Уже иду! – кричит Мэтти и бросается вниз по лестнице. Ноги подводят его, и он чуть не падает. Захария с криком бежит к нему, и теперь Мэтти может разобрать слова: «Папочка! Папочка!»

Мальчик хватается синее одеяло с нижней ступеньки и заворачивает в него брата так, как видел это по телевизору. Все крепче и крепче, пока пламя не исчезает. Дым становится еще гуще. Теперь уже горит ковер в гостиной, и пламя маленькими ручейками распространяется по половицам – ручейки похожи на потоки лавы, которые им показывали в фильме про вулканы в школе. Мэтти не может пробраться ни к входной двери, ни на кухню – огонь окружает его повсюду, а у него нет обуви на ногах. И думает он только о Захарии. Оглядывается вокруг. Они как будто на острове, окруженном океаном огня. Здесь оставаться нельзя...

Он хватается брата на руки и сгибается под его весом. Малыш больше не кричит.

«999, – думает Мэтти, – я должен позвонить по 999, как нам говорили в школе на уроках, и вызвать «Скорую», пожарных и полицию».

– Не волнуйся, Захария, – громко говорит он, чувствуя, как у него дерет в горле. – Мы сейчас поднимемся по лестнице, я разбужу мамочку и найду телефон...

Он продолжает повторять это, пока взбирается по ступеням, а его ноша с каждым шагом становится все тяжелее и тяжелее:

– Разбудить мамочку – найти телефон; разбудить мамочку – найти телефон...

Добравшись до детской, Мэтти кладет Захарию в постель. Он продолжает говорить ему, что все будет хорошо, но брат не двигается, и Мэтти начинает паниковать. Он подходит к двери и открывает ее на пару дюймов. На стене видны отблески красного пламени, которое охватило лестницу, а в лицо ему ударяет волна жара. Теперь пожар разошелся в полную силу. Спуститься вниз просто невозможно.

Мэтти подбегает к окну, хотя и знает, что оно заперто. Папа для их безопасности запер все окна. Так что здесь тоже тупик – даже крикнуть в окно невозможно. А потом, неожиданно, все опять становится хорошо, потому что он видит папу – тот стоит на противоположной стороне улицы и смотрит на дом. Мэтти начинает колотить по стеклу: «Папочка! Папочка! Папочка!»

Папа поднимает глаза, и его лицо искажается ужасом. Мгновение он неподвижно стоит на месте, как будто окаменевший, а потом начинает двигаться к дому. Сначала – медленно, а потом – бегом. Но когда добирается до входной двери, в гостиной раздается взрыв, и осколки стекла и горящий мусор дождем сыплются на сад. Мэтти видит, как папа отступает, прикрывая руками лицо, а потом пламя подбирается к самому окну, и тот исчезает из виду.

– Я иду, папочка! – кричит ребенок. – Я уже иду!

* * *

Пустая надувная лодка подпрыгивает на волнах. Мы подходим к ней сбоку и привязываем ее к носу. Наверное, мы в доброй тысяче ярдов^[111] от берега. Ни один нормальный человек не проплывет такое расстояние, даже если у него будет достаточно времени.

Рэнсом все еще сканирует горизонт, но все мы уже знаем, что это бесполезно.

В воде никого нет.

Майкл Эсмонд исчез.

Один из членов команды нагибается и поднимает что-то со дна суденьшка. Посмотрев, она передает находку Эсмонду. Это карманные часы – золотые, в небольшом красном бархатном мешочке. И их оставили здесь не случайно. Их положили так, чтобы можно было сразу же найти. И теперь я вспоминаю. Это еще одна семейная реликвия Эсмондов, которая передается из поколения в поколение, как и дом. Карманные часы с девизом, выгравированным на польском языке:

«Кровь гуще воды».

Филипп Эсмонд на мгновение закрывает глаза, а потом, прежде чем я успеваю остановить его, взмахивает рукой, и часы, блеснув, взмывают в тепло и сверкающем воздухе.

* * *

Когда на следующее утро, в одиннадцать часов, я открываю дверь ситуационной комнаты, меня встречает хор, исполняющий: «Потому что он такой славный парень»^[112]. И это вовсе не значит, что мои сотрудники – бездушные люди; дело было очень жестоким, и они знают это лучше, чем кто-либо другой. Но ведь это и первое большое дело Гислингхэма, в котором он добился успеха. Аккуратной галочки в графе «Раскрыто». Филиппу Эсмонду предъявлено обвинение в попытке помешать отправлению правосудия^[113]. Харрисон точно будет вне себя от радости. Пусть подозреваемый почти наверняка мертв. Пусть мы так и не нашли его тело. Сегодня прямо с утра я получил от Рэнсома письмо по электронной почте: «Поиски продолжаются, но не советую вам строить иллюзии. Из-за местных течений они могут продолжаться месяцами. А если он сделал это намеренно, то наверняка привязал к себе какой-то груз. В таких случаях найти их практически невоз- можно».

Я прочищаю горло, чтобы сказать несколько слов, но меня перебивает Куинн.

– Хотелось бы отметить, – начинает он, пытаясь перекрыть шум, – что сержант в эти последние две недели проделал очень большую работу. И первый блин получился не комом, приятель!

Говоря это, он улыбается, и видно, что говорится это от чистого сердца. Другие тоже видят это, и все отлично понимают, что эти слова, хотя

это и абсолютная правда, нелегко дались Куинну. В комнате раздаются возгласы: «Слушайте! Слушайте!», которые, как мы все это понимаем, относятся как к Куинну, так и к Гису.

– Спасибо, приятель, – улыбается сержант. – Я тронут. – Он оглядывается вокруг, а потом смотрит на часы. – Ладно, ребята, для ланча, может быть, еще рановато, но выпивка точно за мой счет.

– А я уж думал, что ты никогда не предложишь, – говорит Куинн под взрыв хохота.

– А я думал, – вступаю я в разговор, – что сегодня моя очередь платить.

Эти слова сопровождаются новыми криками, а потом все успокаиваются, забирают свои куртки и направляются к двери. Я вижу, как, проходя мимо, Сомер гладит Куинна по спине.

* * *

Когда в конце дня звонит ее телефон, Сомер долго думает, снимать трубку или нет. Она задержалась, убирая ситуационную комнату, а остальные разошлись уже больше часа назад. Эверетт осталась, чтоб помочь, но теперь, когда доска вымыта, а файлы разложены по шкафам, даже она начинает нервничать.

Сомер смотрит на трубку.

«Если будет больше чем пять звонков, – думает она, – то я ее сниму. А вдруг это что-то важное...»

– Ну, давай же, Эрика, – говорит Эверетт. – А то здесь можно умереть от жажды.

Три звонка, четыре, пять...

Сомер берет телефон, стараясь не обращать внимания на то, как Эверетт вздыхает и закатывает глаза.

– Криминальный отдел. Детектив-констебль Сомер у телефона.

– Я надеялся, что это окажетесь вы.

Она узнает голос – правда, не может сообразить, кто это. Но за те мгновения, что понадобились ей, чтобы вспомнить, ее внутренний голос сообщает ей, что голос хороший, такой, который вполне может ассоциироваться с чем-то приятным. Об этом она вспомнит уже позже и будет рада этой мысли.

– Это Жиль. Жиль Сумарес.

Эрика краснеет и отворачивается в надежде, что Эверетт этого не

заметит (естественно, она все замечает). Это звонок не по делу, если он называет себя Жилем.

– В следующий уик-энд я собираюсь приехать в Банбери проведать своего отчима, и мне пришло в голову – не могли бы мы с вами встретиться? Вместе поесть где-нибудь? Или выпить?

Эверетт уже обошла ее кругом и теперь с ухмылкой смотрит ей прямо в лицо.

– *Это кто?* – спрашивает она.

– Конечно. – Сомер сильнее сжимает трубку. – С удовольствием. Кстати, мне будет нужен ваш совет.

– Правда?

– Я хотела узнать, как вы относитесь к варешкам.

Когда пять минут спустя она кладет трубку, в его голосе все еще слышится смех.

* * *

Я в последний раз оглядываю гостиную. Приходившие уборщицы вылизали ее до последней степени, но мне все равно хочется, чтобы она была идеальной. Я хочу, чтобы она видела, насколько это для *меня* важно. Смотрю на часы – прошло ровно две минуты с того момента, как я смотрел на них последний раз. Я поддаюсь висящей в воздухе нервозности, когда вижу себя выравнивающим стопку журналов, понимаю, что у меня проблема.

Раздается звонок. Я успеваю преодолеть три четверти расстояния до двери, прежде чем понимаю, что это не она. У нее есть ключ. Но, может быть, по прошествии всего этого времени она не считает себя вправе пользоваться им? Может быть, она вообще не воспринимает это место как свой дом? От этих мыслей мне становится немного нехорошо, и, наверное, именно поэтому я не улыбаюсь так широко, как планировал, когда открываю дверь.

За дверью стоит действительно она. На верхней ступеньке, глядя на палисадник перед домом. Где я на прошлой неделе провел целых три часа, высаживая новые растения.

Алекс в джинсах, сапогах и мягкой кожаной куртке, которую я купил ей в Риме, потому что она так подходит к цвету ее волос. Я уже много лет не видел, чтобы Алекс ее носила. Но сейчас куртка на ней. Она *выбрала* ее. Мое сердце сжимается от ужаса на- дежды.

Алекс поворачивается и видит меня.

– Ничего себе, – говорит она, делая жест в сторону растений. – Ты что, вызывал кого-то?

Я открываю рот чтобы ответить, но она уже проскользнула мимо меня в дом.

Я вижу, что Алекс отмечает про себя приложенные мною усилия. И это касается не только уборщиков. А и цветов. И бутылки вина на столе.

Она почему-то смущается и начинает рыться в сумочке. Наверное, я переборщил. Не надо, чтобы все это выглядело таким нарочитым...

– Сядь, Адам, я прошу тебя.

Она устраивается на софе, а я размышляю, не занять ли мне стул? И все никак не могу понять, как мы смогли довести дело до того, что я уже не знаю, где мне, черт побери, присесть...

– Пока меня не было, я очень о многом передумала. Очень о многом.

Ее не было два месяца, но мне кажется, что прошли годы. Десятилетия.

– У меня было на это время. Помимо всего прочего.

Что означает это «все прочее»?

– И теперь я многое понимаю гораздо лучше.

Я хочу видеть ее. Хочу видеть все, что я люблю в ней и чего я был лишен эти долгие недели. Но боюсь того, что она увидит это в моих глазах.

А она, видимо, ждет, когда я что-то скажу, и я произношу «Понятно» деревянным голосом.

Алекс слегка хмурится, но я не могу понять: это от того, что она собирается сказать, или от того, что уловила мою тревогу?

– Адам, споря об этом усыновлении, мы умудрились разбить друг другу сердце. Мне так этого хотелось, а ты даже слышать об этом не желал, хотя и готов для меня на все... – Теперь ее голос звучит мягче. – И тогда я поняла, что из этого ничего не получится. Что ты готов на все, кроме этого. Что ты просто *не можешь* этого сделать. А значит, мне не надо было тебя об этом просить. Теперь я это понимаю. И больше не попрошу. Никогда в жизни.

Я сглатываю и смотрю на свои руки.

– И ты с этим согласна? С тем, что *мы* никого не будем усыновлять?

Вот она – точка невозврата. Потому что один из возможных ответов на этот вопрос: «Да, потому что *нас* больше нет. Между нами все кончено».

Алекс молчит так долго, что я наконец решаюсь поднять на нее глаза. Она улыбается:

– Да, согласна. Потому что я тебя люблю. И хочу быть *с тобой*.

Когда я обнимаю ее, между нами как будто проскакивает электрическая искра. Два месяца без нее – и вот наконец ее запах, ее волосы, ее тело – такое знакомое и незнакомое... Такое доступное и в то же время невероятно удивительное. В конце концов, именно она разрывает объятия. Берет мое лицо в свои руки и проводит пальцем по следам слез у меня на щеках.

– Ты что, действительно думал, что я не вернусь?

– Я знал, как это для тебя важно. И как ты была несчастна.

– Но все это в прошлом. – Алекс улыбается.

Какое-то время я смотрю на нее, а потом протягиваю руку за бутылкой.

– Нам надо отпраздновать. Это «Мерсо»^[114].

Ее любимое вино. Самое любимое.

– Нет. – Она качает головой. – Спасибо, я пас.

– Ладно, может быть, сейчас действительно рановато, но это то самое, которое мы пили прошлым летом на эллинге. То самое, которое тебе так понравилось. Бог знает, сколько времени мне потребовалось, чтобы найти его.

– Смотрится оно очень мило. – Алекс улыбается. – Я очень хотела бы попробовать, но – нельзя. – Улыбка становится еще шире. – Я же говорила тебе, что хочу быть уверенной наверняка. И вот теперь я уверена.

Она смотрит на мое обалдевшее лицо и кивает, а мои глаза наполняются слезами, и я смеюсь. Алекс обнимает меня и достает фото, а сердце у меня уходит в пятки, когда я впервые вижу эти серо-белые точки и понимаю, что они значат. Что *все это* значит – все эти недели, полные ожидания, сомнений и надежд...

Ребенок.

Наш ребенок.

– Не могу поверить, что ты так и не догадался, – шепчет Алекс, сверкая глазами. – А еще называешь себя детективом...

Благодарности

Прежде всего я хочу поблагодарить своих читателей. Прошел отличный год – всего только год! – и я хочу поблагодарить всех, кто за это время купил, взял почитать, прочитал, написал отзыв и порекомендовал две книги об Адаме Фаули, которые предшествовали этой.

И опять я хочу поблагодарить мою прекрасную «команду профи»: детектива-инспектора Энди Томпсона за его помощь в вопросах

полицейских процедур; Джои Гиддинга за советы профессионала в области судебной медицины; Энн Робинсон за помощь с медицинскими вопросами; моего доброго друга Филиппа Манна за его знание вопросов мореплавания; Николаса Сифрета за юридические советы и Джереми Дэлтона за то, что он позаботился, чтобы я не выглядела полной дурой в вопросах интернет-игр. Мне особенно хочется поблагодарить Грэма Тёрнера и Стива Джонса из пожарно-спасательной службы Оксфордшира за их совершенно бесценную помощь и советы – без них я ни за что не справилась бы. Как и ранее, я, подобно всем писателям, прибегала к некоторым художественным допущениям, но все ошибки в книге лежат только на моей со- вести.

Благодарю своего агента Анну Пауэр, которая не перестает удивлять меня, и всю восхитительную команду издательства «Пингвин»; моего редактора Кэти Лофтус, моего прекрасного агента по связям с общественностью Джейн Джентл; Роуз Пулл, за все те кампании, которые она организовала; всех сотрудников «Дэдгуд» за их потрясающую поддержку, и Джеймса Кейта, который прочитал эти книги и, я надеюсь, будет работать и с этой.

Благодарю также моего отличного литературного редактора Карен Уитлок. Особая благодарность Эмме Браун и всей производственной команде «Пингвин»: каждая из книг – это новые требования к верстке (на этот раз – отчет о пожаре), и, как всегда, они отлично справились со своей работой.

Что же касается «Самый близкий враг» и «Скрытые в темноте», я получила отличную поддержку от команды моих «первых читателей»: мужа Саймона (который также написал печально известное Завещание Эсмонда) и дорогих друзей Стефана, Сару, Питера, Элизабет и Энди.

И, наконец, несколько слов о самой книге: как и прежде, в книге существует несколько реальных улиц и дорог Оксфорда; все остальное – плод моего воображения. Например, в жизни нет таких объектов, как «Саути-роуд» или «школа Епископа Христофора». Все сообщения новостных агентств тоже выдуманы от начала и до конца, ни у одного из действующих лиц нет прототипов в жизни, и любое совпадение между именами в книге и в реальной жизни является абсолютно случайным.

Подкаст Би-би-си, о котором я упоминаю, – это хороший пример живого радиовещания с Йоном Мэнелом, который вы можете услышать, найдя программу «Усыновление» на «Би-би-си Айплеер».

Примечания

1

Или ПСС.

2

Телефон службы спасения в Великобритании.

3

Средства индивидуальной защиты органов дыхания.

4

Или ОГДЗ. Отвечает за ведение действий по тушению пожара в не пригодной для дыхания среде.

Парамедик – в англоговорящих странах специалист с медицинским образованием, работающий в службах медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе.

Обратная тяга – явление, которое может иметь место при пожаре в замкнутых помещениях в условиях, когда огонь, испытывая недостаток кислорода, затухает. При доступе свежего воздуха – например, при открытии двери в помещение – происходит молниеносное взрывообразное раздувание огня с выбросом раскаленных газов.

Британский ситком, придуманный и снятый Дж. Салливаном; шел на канале BBC One с 1981 по 1991 г.

Подробнее о судьбе сына детектива-инспектора Фаули, Джейка, можно узнать из книги «Самый близкий враг».

Традиция вешать венки из падуба (остролиста) на Рождество связана с терновым венком на голове Христа.

10

Ежедневная религиозная утренняя программа по «Радио 4».

Праздник, отмечаемый в Великобритании и в ряде стран Британского содружества наций ежегодно 26 декабря.

Об этом рассказывается в романе К. Хантер «Скрытые в темноте».

Йозеф Фритцль (р. 1935) – австриец, арестованный по обвинению в принудительном содержании взаперти своей младшей дочери Элизабет, которую он держал в подземном бункере в подвале собственного дома с 1984 г.

Слова А. Франса.

Самый крупный британский производитель одежды и 43-й в списке крупнейших мировых ретейлеров.

День независимости в США.

В Англии существует традиция убирать накануне Богоявления все рождественские украшения.

Более подробно об этом можно прочитать в романе К. Хантер «Самый близкий враг».

Полиция Метрополии (Лондонская полиция, Мет), основанная в 1829 г., отвечает за правопорядок на территории Большого Лондона, кроме района Сити.

От «суперинтендант» – звание старшего офицерского состава полиции.

Имеется в виду связь президента США Б. Клинтона со стажеркой Белого дома Моникой Левински, которую президент отрицал даже под присягой.

Название яхты переводится как «Свобода».

Популярная игра на свежем воздухе, когда участники бегут наперегонки, держа в руках ложки, в которых лежит по яйцу. Цель – не только прибежать первым, но и не разбить яйцо.

Имеется в виду «Божественная комедия» Данте, согласно которой, во втором круге ада томятся сладострастники.

Сборно-разборный барак полуцилиндрической формы из гофрированного железа; во время Первой мировой войны использовался в качестве временной армейской казармы или хозяйственной постройки.

Все эти строения в английском языке называются словом hut.

Сериал ужасов – истории о вампирах, демонах, призраках и других сверхъестественных явлениях.

Изабелла Битон – британская домохозяйка, кулинарка и писательница, автор ставшей знаменитой книги по кулинарии и домоводству, впервые опубликованной в 1861 г.

Речевые акты, равноценные поступку.

Старейший общедоступный музей в Оксфорде; одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете. Изначально – коллекция редкостей, завещанных университету Э. Эшмоллом.

Популярный хештег, мгновенно распространившийся в социальных сетях в октябре 2017 г., подчеркивающий осуждение сексуального насилия и домогательств, получивший распространение в результате скандала и обвинений кинопродюсера Х. Вайнштейна.

Марка газированного грушевого сидра.

Британская фирма по изготовлению в основном фаянсовой посуды, знаменитая торговая марка; основана Дж. Веджвудом в 1759 г.

Ученая степень, примерно соответствующая степени кандидата наук в РФ; присваивается магистру как гуманитарных, так и естественных наук.

Имеется в виду знаменитый оксфордский колледж Магдалины.

Неблагополучные районы Лондона.

Одна из наиболее известных частных школ в Великобритании.

Район Кенсингтона, место проживания зажиточных горожан.

Антони (более разговорное – Энтони) ведет свое происхождение от римского имени Антоний. Асанти подчеркивает аристократические привычки своих родителей.

Улица в центре Лондона, в районе Фицровия; пересекает Оксфорд-стрит и Чаринг-Кросс-роуд.

Сеть супермаркетов в Великобритании.

В данном случае используется в значении: психический процесс, относимый к механизмам психологической защиты. Проявляется как отказ признавать существование чего-то нежелательного.

Оба города находятся на значительном расстоянии от Оксфорда.

Горный регион в Северо-Западной Англии, в графстве Камбрия; территория историко-культурной области практически совпадает с Камберлендскими горами.

Ювелирные магазины одноименной компании, ориентированные на массовый рынок.

Социопат – человек, страдающий расстройством личности, которое характеризуется игнорированием социальных норм, импульсивностью, агрессивностью и крайне ограниченной способностью формировать привязанности.

47

195 см.

48

189 см.

Главное произведение, труд всей жизни (*лат.*).

Автор обыгрывает название «Летучий голландец».

«Тиндер» – популярное, частично платное приложение, предназначенное для романтических знакомств в соответствии с заданными параметрами и с учетом геолокации. Работает только с аккаунтами социальной сети «Фейсбук».

Американский фантастический кинофильм (1956).

«Хорликс» – оригинальный солодовый молочный напиток, подается в горячем виде.

Поселок в 8 км к северу от Оксфорда.

Серия документальных фильмов, созданных на Би-би-си; премьера состоялась 12 сентября 2011 г.

Британский детективный телесериал, основанный на серии романов писателя К. Декстера (1987–2000).

Река в Оксфорде.

Или Хай-Бридж – является изогнутым пешеходным мостом на реке Чаруэлл в Университетском парке Оксфорда.

Банка из песка и гальки длиной в 1 милю возле деревни Кэлшот, расположенной на южном берегу Саутгемптон-уотер, Англия.

Небольшой приморский город в английском графстве Кент. В Средние века город защищали два расположенных поблизости замка – Солтвудский и Лимпн.

«Калпол» – популярное средство для детей, относящееся к группе анальгетиков-антипиретиков; обладает обезболивающим и жаропонижающим свойствами.

Пилатес – система физических упражнений (фитнеса), разработанная Й. Пилатесом в начале XX в. для реабилитации людей после травм.

Послеродовая (постнатальная) депрессия – форма депрессивного расстройства, развивающаяся непосредственно после родов. Установлено, что у женщин, перенесших послеродовую депрессию, впоследствии чаще возникает биполярное расстройство.

Экзамены по программе средней школы второго уровня сложности, результаты которых учитываются при поступлении в университет.

Один из самых больших и дорогих универмагов Лондона.

Обычно в составе самого коронера и малого жюри (6 присяжных), который заслушивает свидетелей и экспертов; затем жюри выносит вердикт о причинах смерти. Коронерский суд решает только один вопрос – можно ли считать смерть насильственной (криминальной).

67

Имеется в виду хлопчатобумажная хирургическая форма, состоящая из халата и брюк.

Итальянское вино, сухое, игристое. Изготавливается из винограда сорта Глера, иногда с добавлением сортов Вердизо, Перера и Бьянкетта.

Песня, исполненная американской певицей Уитни Хьюстон. Первый ее хит, возглавивший американский чарт Billboard Hot 100 и хит-парад Великобритании UK Singles Chart.

Улица в Лондоне, на которой расположены приемные самых дорогих практикующих врачей.

«Оазис» – британская рок-группа, одна из самых влиятельных и коммерчески успешных групп 1990-х гг.; один из лидеров брит-попа.

Ария Альмилены из оперы «Ринальдо» Г. Ф. Генделя, начинается словами: «Дай мне оплакать грустную долю...».

Мауриц Корнелис Эшер (1898–1972) – нидерландский художник-график, известный прежде всего своими концептуальными литографиями, гравюрами на дереве и металле, в которых он мастерски исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия сложных трехмерных объектов.

Британский научно-фантастический телесериал, созданный между 1964 и 1966 гг., с использованием формы электронного марионеточного кукольного театра (названной «Супермарионацией»), объединенной с последовательностями спецэффектов масштабной модели.

В том, что касается детей, это подразумевает три основных предмета: чтение, правописание и арифметику.

Имеется в виду шведский программист и гейм-дизайнер Маркус Перссон, более известен как Notch. Является создателем популярной компьютерной игры «Майнкрафт».

Один из лондонских аэропортов.

Английский полицейский сериал, выходящий с 2012 г.

Документальный сериал, рассказывающий историю некоторых из самых отвратительных семейных преступлений, которые можно себе представить; выходил в 2012–2017 гг.

Британский розничный торговец одеждой, продающий в основном онлайн и по почте.

Один из колледжей, входящих в состав Оксфордского университета.

Жан-Клод Роман (р. 1954) – французский серийный убийца, убивший свою жену, двоих детей и родителей. В течение 18 лет вел двойную жизнь.

Имеется в виду библейская притча о соломинке, сломавшей спину верблюда.

В данном случае используется в значении «очко в его пользу».

Документальный сериал 2008 г., посвященный анализу наиболее страшных преступлений.

Имеется в виду галерея для зрителей в анатомическом театре.

Намек на то, что самые дешевые места в театре располагаются на балконе.

Намек на один из самых популярных фантастических сериалов – «Секретные материалы» (X-files). В главных ролях – Джиллиан Андерсон и Дэвид Духовны.

В английском языке Xfile и Felix.

Британская детская телевизионная программа, впервые вышедшая в эфир в 1958 г. В настоящее время является самым продолжительным детским телешоу в мире. Включает в себя эпизоды по созданию предметов декоративно-прикладного искусства из предметов домашнего обихода.

Или Ночь костров – традиционное для Великобритании ежегодное празднование в ночь на 5 ноября.

92

Около 240 см.

«Манкиз» – американский поп-рок-квартет, существовавший в 1966–1971 гг. и не раз воссоединявшийся в конце 80-х, 90-х и 2000-х годах. В его состав входил английский певец Дэви Джонс.

Провинциальный город в Сассексе, расположенный в 36 милях к югу от Лондона и в 14 милях к северу от Брайтона.

Имеется в виду черный лондонский кеб, осуществляющий функции такси. Считается, что именно он является самым узнаваемым таксомотором в мире.

Внеземная раса мутантов из британского научно-фантастического телесериала «Доктор Кто».

Fair Lawns может быть переведено на русский как «Мирные луга».

Закон парламента Соединенного Королевства от 1968 г., который запрещает производителям, розничным торговцам или поставщикам услуг вводить потребителей в заблуждение относительно того, на что они тратят свои деньги.

Английский телеведущий, журналист и писатель. Он известен тем, что был ведущим таблоидного ток-шоу *The Jeremy Kyle Show* на ITV с 2005 по 2019 год.

Матч за звание чемпиона мира по шахматам 1972 года.

Фамилия может быть переведена как «бурый» (*итал.*).

Фамилия может быть переведена с английского как «бурый».

Аральдо – итальянский вариант английского имени Гарольд. Гарри в данном случае – уменьшительное от Гарольд.

В Великобритании левостороннее движение.

Имеется в виду свадьба принца Гарри и Меган Маркл 19 мая 2018 г.

Популярная американская марка пива. Обычно продается в упаковках по шесть штук.

Полное имя принца Гарри – Генри Чарльз Альберт Дэвид.

108

Место для стоянки яхт.

Около 180–270 м.

110

Итальянское название Апулии.

111

Около 1 км.

Популярная песня, которая поется, чтобы поздравить человека со значительным событием – таким как продвижение по службе, день рождения и т. д.

В англоязычных странах является общеправовым преступлением с максимальным наказанием вплоть до пожизненного заключения.

Считается одним из наиболее насыщенных и полнотелых среди белых вин Бургундии.